

ЕВГЕНИЙ  
НЕТТ

001

# ЛЕКС

ПУТЬ ЭСКАПИЗМА

ЕВГЕНИЙ НЕТТ  
**ЛЕКС. Книга I**

«Автор»

2026

## **Нетт Е.**

ЛЕКС. Книга I / Е. Нетт — «Автор», 2026

Мечтать не вредно, вредно не мечтать. С таким девизом я прожил целую жизнь, и отыскал уникальную возможность повторить бесценный опыт. В другом мире, правда, и «нырнув» вслепую«Но даже это лучше чем забытьё, Лекс» – сказал я себе после того, как очутился в теле эксцентричного, угробившего всё, что можно и что нельзя аристократишки в мире, лишённом магии в привычном смысле этого слова.

## Содержание

Глава 1. Эскапизм – не порок.	5
Глава 2. Неожиданные обстоятельства.	13
Глава 3. Тончайший лёд.	18
Глава 4. Мелкие неприятности.	25
Глава 5. Перед дорогой дальней + Интерлюдия 1.	37
Глава 6. Станный, дивный, новый мир.	44
Глава 7. Его Величество Случай.	51
Глава 8. Надежд наивных позорный крах.	57
Глава 9. В центре внимания + Интерлюдия 2.	66
Глава 10. Ощущая последствия + Интерлюдия 3.	74
Глава 11. Заслуженная передышка.	79
Глава 12. Чужое сердце – всегда тайна.	90
Глава 13. Большие перемены + Интерлюдия 4.	98
Глава 14. Откровения, которых никто не ждал.	110
Глава 15. Искусство не умирать.	118
Глава 16. Свобода поневоле.	126
Гла	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

# Евгений Нетт

## ЛЕКС. Книга I

### Глава 1. Эскапизм – не порок.

*Эскапизм – стремление человека отвлечься от реальной жизни и её проблем с помощью фантазий, развлечений или других приятных занятий. Для мага воплощения Эскапизм – практика, позволяющая отточить воображение и укрепить свой разум.*

Из записок ХХХ, посвящённых УУУ.

Я молча приподнялся на локтях, шипя сквозь зубы. Онемение во всём теле, сухость в горле, звон в ушах – всё потом. Прямо сейчас было важно оглядеться и понять, получилось ли у меня, или проблеск ясного разума – не более, чем агония умирающего старика.

«Интерьер... Шкаф, телевизор, люстра. Успех. Но мир ведь не может быть тем же. Настолько похожий на мой? Бред. Параллельная реальность?».

Я кое-как встал, окинув взглядом руки – молодые, не испещрённые морщинами. И ниже пояса всё тоже в порядке. Сразу два огромных плюса, ведь «прыгал» я вслепую, безо всякой уверенности в успехе и даже в том, кем или чем я стану впоследствии.

А тут и молодость, и привычный пол. Уже победа.

– Кха-кха, – я прокашлялся, во второй раз оглядевшись.

Обстановка вокруг напоминала комнату человека высокого достатка, но никакущей чистоплотности.

Вдоль стены напротив тянулся шкаф, заставленный книгами. По правую руку ширилось панорамное окно «в пол», открывающее вид на внутренний дворик и комплекс строений в этом «царском» стиле, из тех времён, когда отгрохать дворец считалось не бессмысленными понтами, а необходимостью, продиктованной желанием жить с комфортом. Слева торчала массивная резная дверь и телевизор под потолком, а за моей спиной – стена, в которую упирался виновник ломоты во всём теле, сиречь твёрдый, как камень, большой диван.

Очень большой.

«Всё указывает на то, что это дом кого-то весьма обеспеченного. Или гостиница, что тоже вариант. Слишком уж тут пусто. Но запашок... М-да. Зря только диван в своём плохом самочувствии обвинял».

Я поднялся на ноги, сходу отыскав взглядом валяющуюся на полу пустую бутылку крепкого спиртного. И не одну. В довесок к следам попойки обнаружились порванные колготки, брошенные на полу, и барсетка с валяющимся рядом пустым бумажником.

Брезгливо скривившись, обошёл чьё-то бельё по широкой дуге. Взял в руки барсетку, удостоверившись в том, что она пуста.

«Вопрос в том, было ли там что-то. Но ответ на него я не узнаю никогда. И личных вещей что-то вокруг не видно. Компьютер? Смартфон? Ничего. Проклятье...».

Поморщившись от того, насколько явно стало ощущаться эхо попойки, через которую прошло это тело, уселся обратно на диван. Сосредоточился, и, наконец-то сообразив заняться самым важным вопросом, ткнул пальцем в определённую точку на грудной клетке, ровно между вторым и третьим рёбрами – привычный жест для проверки состояния ядра в теле.

И... ничего.

Ни отклика дара, ни тянущей пустоты от его отсутствия. Нахмурившись, повторяю движение ещё несколько раз, разными пальцами и даже меняя руки, но результат от этого не меняется. Косвенные методы определения одарённости тоже дали «никакой» результат – ни «да», ни «нет».

«Словно в этом теле ядра в принципе не существует... вот же!» – по спине пробежал холодок, унять который получилось только целенаправленным волевым порывом.

«Отставить панику. Такого не бывает. Если только... Могла ли эволюция слепить в двух мирах «людей», в одном случае создав ядро, а в другом – нет? Звучит как бред. Или теории безумцев-азиатов были правдой, и ядро – искусственный конструкт предтечей? Иного объяснения не вижу, но... ладно, это подождёт. Спокойствие, только спокойствие. План-минимум уже выполнен – я избежал забвения. Пусть даже ценой утраты магии».

Взгляд снова упал на пустой бумажник, и я, принудительно успокоив разум, заставил себя двигаться. Проверил карманы и валяющуюся на полу барсетку, в которой обнаружилось лишь несколько купюр разного номинала, да десяток монет.

«Империя, Федерация, Республика... Термины знакомые, названия – нет».

Вдруг мой взгляд зацепился за нечто среди пустых бутылок. Я сунул деньги в карман, наклонился – и поднял лёгкий, угловатый браслет с большим экраном и россыпью физических кнопок с очень мягким, чётким ходом. Щелчок – и экран ожил, выведя сообщение о необходимости прохождения биометрической авторизации.

С инструкцией для дурачков: надень, мол, игрушку на запястье, и будет тебе счастье.

Так как девайс вряд ли принадлежал кому-то другому, откладывать я не стал. Закрепил браслет на правой руке – и устройство ожило, представив интуитивно понятный интерфейс с понятными любому человеку из моего мира пиктограммами.

Контактная книга, сообщения, выход в сеть, каталог эрикс-искусств...

Щелчок дверного замка громыхнул в ушах набатом, и я резко обернулся, сфокусировав взгляд на вошедшем. Парень. Тоже в костюме, но более опрятный. Крупный такой, с жирком. Лыбится так, словно выиграл в лотерею...

– Проспался, Лекс? Я же говорил, что эта фифа смоеется до утра. Проспорил ты, признаёшь? – Бросил он, пройдясь пальцами по кнопкам похожего на мой браслета... и подвесив в воздухе плоскую голограмму.

На детализированном, хоть и слегка плывущем изображении – потрёпанная, – в хорошем смысле, – блондинка, вынырывающая из некоей двери в коридор. И настенные часы крупным планом. Три часа сорок две минуты.

– И правда. Только я ни черта не помню... – Я покосился на пустые бутылки, уповая на то, что благодаря им провалы в памяти будут смотреться естественно. – Мне нужны подробности. И время, чтобы отлежаться. Мигрень лютая...

– У тебя – и мигрень? От выпивки? Лекс, ты ли это? – Толстяк театрально вскинул брови, демонстрируя мимику настолько живую, что ему впору было в театре выступать – всё было бы видно даже с задних рядов. Но сполна рассмотреть его лицо мне было не суждено. Браслет парня пискнул, он покосился на экран и засуетился. – Ладно, братишка, мой выигрыш ты всё равно потом отдашь. А всё, что она спёрла, на проходной заберёшь. Какую-то девку, вроде, в ваши казематы утром посадили, не отпускают. И ты давай там только, не теряйся! До вечера!

– Да-да, коне... – Дослушивать меня толстячок не стал, выскочив в коридор и захлопнув за собой дверь так, словно ему на хвост села целая стая снежных гончих.

А моя рука неосознанно потянулась к браслету, опустившись на него так, словно работать с грубыми физическими кнопками было для левой руки крайне привычным занятием.

«Лекс, значит. Проходная, вечер... Только дедлайнов мне в первые же сутки не хватало. Но голограмма... Что-то не похожа она на продвинутую технологию. Уж точно не в этом квадратном куске железа такое спрятано» – я постучал пальцем по экрану браслета, пробудившегося ото сна.

И на этот раз я сразу полез в «каталог» эрикс-искусств, так как само название воспринималось не иначе как обёртка для привычной мне, но отсутствующей в этом теле магии. Конечно, этот каталог мог быть частью игры...

Но будем честны – кто в здравом уме добавляет в системный интерфейс устройства игрушки? Вот и мне кажется, что никто.

Самой первой пиктограммой в каталоге стало ни много, ни мало, а отмеченное звёздочкой искусство, предназначенное для борьбы с похмельем. Следом шли сугубо бытовые штуки, которые я даже в самом начале своего пути мага, в первые лет десять, не смог бы назвать чем-то сложным.

Но стоило промотать список ниже «избранных», как на глаза стало попадаться и что-то вполне себе серьёзное. Боевые техники, телекинез, материальные барьеры – каталог ломился от примеров того, что тут называли эрикс-искусствами.

Правда, всё «серьёзное» было заблокированным, с серыми иконками и замочками поверх. Но сам факт!

«А если учитывать слова пухляша и «мои» «избранные» техники, то это тело не такое уж и бездарное. Точно не хуже меня в молодости, если сравнивать масштаб и точность воздействия. А ещё спектр заклинаний в целом шире, чем было доступно «мечтателю». Осталось понять, что это в принципе такое, ничего не разрушив».

От идеи о том, чтобы избавиться себя от похмелья, отмахнулся в ту же секунду. Это была бы крайне глупая смерть – залезть в организм, не понимая, что и как делается, и аннигилировать себя, например. А подсказок в интерфейсе не было совершенно.

Стоило ли оно того? Бесспорно, нет, потому что похмелье сильно не мешало, а возможность использовать магию здесь и сейчас ничем не могла помочь.

«Род занятий, возраст, семейное положение Лекса – это самое основное, о чём необходимо узнать. И чёрта с два какое-то простое колдунство окажется в этом деле хорошим подспорьем».

Я снова уставился на браслет, на этот раз решив не ограничиваться каталогом. Контактная книга, галерея, сообщения... Всё это могло дать ответы.

Но чем дольше я щёлкал по клавишам, тем яснее становилось одно: всё самое важное прежний владелец тела хранил под паролями, которые благополучно улетучились из мозгов, когда в этом мире появился я.

Контактная книга запаролена не была, но вместо имён там значились или обидные прозвища вроде «Кошелёк», «Шлюха 3», «Толстый лох», либо непонятные символы. И если символы ещё можно было списать на особенности местной письменности – смайлики, например, – было похоже, – то прозвища...

Они рисовали портрет прежнего Лекса как редкостного мудака.

– Прекрасно, – прохрипел я, откладывая браслет. – Значит, этот Лекс был тем ещё уродом, и я унаследовал весь его сомнительный багаж.

Я перевёл дух, натянул валяющиеся на полу ботинки, и двинулся к дверям, стараясь не наступать на мусор, резинки и прочие следы бурной ночи. Ноги слушались плохо, но с каждой секундой координата возвращалась.

Первым делом – вода. Вторым – зеркало.

Третьим – понять, где я нахожусь, кто я и чего от меня ждут окружающие.

«И задавить эту чёртову панику. Магия... вернее, её отсутствие – это не конец света».

Из комнаты я попал в коридор, а уже оттуда, двигаясь по наитию – в ванную комнату, поражающую размерами и элегантной, изящно подчёркнутой роскошью: мрамор, тонкие линии позолоты, огромная душевая кабина и пара раковин, в которых можно было утопиться.

И только утолив жажду, я перевёл взгляд на зеркало, которое подтвердило мои худшие опасения.

Из отражения на меня смотрел парень с благородными, но какими-то... измождёнными чертами. Глаза с поволокой, тёмные круги под ними, торчащие во все стороны волосы со следами укладки, ссадина на скуле. Одежда – дорогой, но в краткие сроки истрепавшийся костюм,

на котором я не без удивления обнаружил забившиеся в карманы и швы разноцветные конфетти.

«Ты, Лекс, похоже, был тем ещё прожигателем жизни. Плохо. И для тебя – было, и для меня – есть».

Я умылся, кое-как привёл лицо в порядок и вернулся в комнату. Надо было обыскать её как следует, потому что за неимением доступа к сети меня бы устроил любой источник информации.

Даже пыльные книги, которыми был под завязку забит шкаф.

Едва ли мне светит отыскать среди них дневник или нечто подобное, но в моей голове ещё теплилась надежда на то, что они тут стояли не для красоты. И что здесь, как и в любом другом мире, они расскажут мне о своём хозяине хоть что-то кроме того, что Лекс был тем ещё «фруктом».

«Если бы я так хранил даже самые примитивные трактаты для аколитов, меня бы в ночи придушила совесть, честное слово. А на утро подвесил бы на дереве декан. И не за шею подвесил, честное слово» – такой оказалась реакция на пыль и состояние толстых корешков с тиснением.

Почти все книги выглядели далеко не новыми, а это косвенно указывало на то, что их читают или читали в прошлом.

Я вытащил первый том наугад – «Фундаментальные положения макроэкономики» за авторством неизвестного кого. Второй – «История Золотого Века». Третий – «Эрикс-искусства: воображение как основа». Это уже было интереснее, и книга отправилась на диван. Четвёртый увесистый том оказался ни много, ни мало, а «Генеалогией знатных домов центральных провинций», который я тоже счёл достойным своего внимания.

Дальше пошла сугубо техническая и обучающая литература вперемешку. Часть книг была испорчена рисунками на полях или прямо на страницах, словно они побывали в руках у очень непоседливого и дурно воспитанного ребёнка, которого никто не хлестал розгами за порчу четвертинки дешёвого пергамента.

Но я, оценив коллекцию «в целом», мог с уверенностью сказать, что либо этот Лекс готовился к чему-то серьёзному, либо его заставляли этим заниматься родители.

И интуиция подсказывала, что второй вариант куда более вероятен.

Я сделал шаг назад, окинул взглядом комнату. И тут меня, улучившего, наконец, момент тишины, осенило: комната слишком «домашняя» для гостиницы или гостевой комнаты в богатом доме. Высота потолков, лепнина, собрание книг, разные мелочи на нижних полках шкафа – всё указывало на то, что «я» здесь именно жил.

Вернее, спал, потому что помещение, несмотря на присутствие целой библиотеки в миниатюре, было сильно похоже на место, где можно бросить кости, свои и партнёрыши.

Но не более того.

«Значит, это не гостиница. Оттолкнёмся от этой теории. Родительский дом – очень вероятно. Спальня, если конкретизировать. А там, где спальня, должен быть кабинет. И его разумно расположить в непосредственной близости от опочивальни».

Я выглянул в коридор. В обе стороны тянулись закрытые двери, а где-то в глубине дома, в окнах и в мелькающих то тут, то там тенях, угадывалось движение – верный признак качественно вышколенной прислуги, наученной не попадаться хозяевам на глаза без необходимости. Можно было отловить кого помладше и расспросить, но с имеющимся у меня минимумом информации это всё ещё было слишком опасно.

«Язык понимаю, говорить не хуже местных могу – и на том спасибо. Магия воплощения и тропа эскапизма могли не дать мне даже этого».

Начать осмотр я решил с двери напротив, но там обнаружилась ни много, ни мало, а полноценная библиотека. За первой дверью слева – небольшой тренажёрный зал, отчасти объ-

ясняющий тот факт, что старый Лекс при своём пагубном образе жизни не развалился окончательно. Справа была ванная комната, в которую...

«Проклятье. А ведь я туда пришёл сам, просто захотев умыться. Подсознание? Рефлексы тела?» – поддавшись этой мысли, я отстранился от осознанного управления телом. Вернулся в комнату, закрыл за собой дверь. Открыл снова, позволив ногам самим куда-то меня вести, и остановился напротив пятой по счёту двери слева.

Толкнул её – и шагнул в просторное помещение, заставленное пустующими стеллажами для бумаг. Рука сама щёлкнула по выключателю на стене, а взгляд продолжил скользить по обстановке. Массивный стол из тёмного дерева, три кресла, на стенах – портреты суровых мужчин и женщин в старомодных костюмах, с одинаковым выражением лиц вида «я выше всего этого».

«Предки, надо полагать. Судя по выражению лиц – те ещё зануды, настоящий «цвет» общества».

Я прошёл к столу, коснувшись пальцами гладкой столешницы. Опустился в кресло, окинув взглядом немногочисленные бумаги... и монитор, сокрытый от посторонних взглядов под угловатой «крышкой», которую я поначалу принял за массивную полочку для документов. Захотелось сразу же включить компьютер, но я оборвал себя, начав перебирать актуальные, сиречь забытые на столе, бумаги.

Счета, чаще всего оплаченные. Какие-то прошения. Пара претензий. Недописанный ответ на одну из них, начинающийся с «А не пойти бы вам на...». Официальные бланки с гербом, который я не узнавал, но уже предполагал, что неизвестная птица с мощным клювом, острыми когтями и расправленными крыльями – это символ моей новой фамилии...

«А вот это уже интересно» – одновременно с этой мыслью я выудил из груды макулатуры кое-что личное.

*«Лександр, сын мой. Поскольку ты в очередной раз проявил полное пренебрежение к чести семьи, я вынужден...».*

Дальше шла пространная, витиеватая тирада о том, что финансирование «этого балагана, который ты называешь своей жизнью» прекращается до тех пор, пока Лександр не «приведёт себя в соответствие со статусом».

А последний абзац этого послания заставил меня прочитать его трижды:

*«Твой единственный шанс восстановить репутацию в моих глазах, сын – поступление в Первую Академию Эрикс-Искусств в Сант-Море. Я в последний раз исправил твои ошибки и поспособствовал внесению твоего имени в списки. Экзамен – двадцать второго июля. Если ты опозоришь нас и там – считай, что ты больше не носишь фамилию Лазарь».*

Я отложил письмо и уставился на портреты предков. Откинулся на спинку стула, и тихо, прямо себе под нос, выругался.

На экране браслета, который я перепроверил тут же – девятнадцатое июля.

«Три дня. Три чёртовых дня до экзамена по искусству, о котором я не знаю ничего, кроме названия. А этот... Лекс, вместо подготовки устроил пьянку с вороватыми блудницами и сомнительными знакомыми, собираясь забить на свой единственный шанс. Вернее, он уже на него забил. И – хоп! Тут появляюсь я...».

В груди заворочалось что-то, мне обычно не присущее.

Не страх, а злость. На безответственность прежнего владельца тела, на стечение обстоятельств... хотелось бы сказать, что я злился и на собственную самонадеянность, но будем честны – прыжок в никуда с верой в лучшее предпочтительнее смирения и забвения, как ни крути.

В свои восемьдесят шесть я бы согласился даже не тушку нищего голодранца без руки, так что это тело ещё очень даже ничего. Молодое, крепкое и ощущающееся здоровым, по крайней мере. И мозги работают совсем иначе – эффективнее, яснее, чётче.

«Такой исход всяко лучше, если обособиться от того, каким могло бы быть идеальное вместилище. Идеал всё равно недостижим, а уж в моих условиях, когда можно было проснуться в теле другого умирающего старика... М-да. Да и я сам начинал с куда худшей позиции – простолюдин, только к четвёртому десятку заслуживший ненаследуемый титул. А в плане магии так и вовсе, каждый второй юнец считался куда более талантливым...».

Магия воплощения, в которой я достиг существенных высот, никогда не выделялась на фоне прочих направлений магии. В бою она проигрывала всем специализированным искусствам без исключения, в созидании находилась на среднем уровне, не позволяя замахнуться на сотворение шедевров, а в сложности освоения могла дать фору любой другой магии.

Шутка ли – не только формулы и речитативы, но и воображение?

Не каждому дано почувствовать характеристики того, что он создаёт настолько ярко, чтобы магия подобающим образом воплотила это в реальность. И не просто вообразить, а позиционировать относительно ядра, среди реального окружения, когда любая ошибка может привести к коллапсу воображаемого и материального.

А до кучи параллельно делать всё то, что делают «нормальные» маги – жестикулировать, зачитывать речитативы, передвигаться, использовать артефакты, контролировать ток маны в теле...

«Но это в прошлом. Здесь нет даже ядра...».

Я отодвинул кресло от стола, чувствуя, как в голове медленно, но верно принимает конкретную форму новая, не слишком дружелюбная реальность.

Двадцать второе июля. Три дня. Три дня на то, чтобы из ничего, – себя любимого, – слепить кого-то, способного пройти экзамен в академию, куда местные аристократы готовят своих отпрысков годами.

«Смешно. В самое паршивое из магических училищ меня в той жизни взяли со скрипом, и только потому, что я был «сообразительным», найдя, кому приплатить. А тут и уровень выше, и платить, видимо, нечем, если счета отец этого тела прикрыл. Да и без знания местных порядков давать взятки – это как голым задом на муравейник присесть, ещё и поелозить старательно».

Я подошёл к стеллажу с документами, и принялся лихорадочно перебирать папки. Снова отчёты, снова счета, снова юридические бумаги с гербом Лазарей.

Ничего полезного. Хотя, на что я вообще рассчитывал? На то, что этот идиот, недавно носящий ныне ставшее моим имя, исцелял себя от похмелья, но хранил в кабинете памятку для начинающих попаданцев?

Но сама ситуация...

– Только не говори, что весь твой гениальный план, Лександр Лазарь, заключался в том, чтобы прогулять экзамен и жить дальше на родительские подачки, давя на жалость, – прошипел я в пустоту. – Идиот. Бездарный, сказочный идиот...

Вопрос был риторическим, да и ответа от того, кого более не существовало, я не ждал. Прежний Лександр не мог уже ни оправдаться, ни объяснить свои мотивы.

Остался только я, его сомнительная репутация и куча вопросов.

Я снова вернулся за рабочий стол, отыскав взглядом системный блок или нечто, на него похожее. Включил. Мышь и клавиатура обнаружили на выдвижной полке под столешницей, а «скрытый» монитор ожил, засветившись мягким белым светом.

Спустя секунду он мигнул, и на мониторе высветился герб той самой brutальной птицы. Система не требовала пароля, что было странно для личного компьютера аристократа, но, видимо, прежний Лекс либо не хранил тут ничего стоящего, пользуясь в основном браслетом, либо считал охрану поместья эталонной и достойной слепого доверия.

«Коль тут можно проклинать мёртвых, я этим займусь, как только минимально освоюсь. Если, конечно, это всё не недоразумение, в чём я сильно сомневаюсь».

Интерфейс системы компьютера оказался понятным настолько, что в голове на какие-то секунды остро встал вопрос похожести двух разных миров – могли ли они развиваться обособленно вот так, до совпадений уровня «замени искусства магией, смени письменность и язык, и я бы решил, что переродился на родине»?

Об этом стоило задуматься в первые минуты после пробуждения, при виде привычного телевизора, шкафа и люстры, но дошёл до этого я только сейчас.

Рабочий стол оказался завален ярлыками. Игры, какие-то мессенджеры, несколько файлов с названиями вроде «Долгибпбабпб» или «Списоккккк», и – о чудо! – папка «Академия». Я щёлкнул по ней, надеясь найти там хоть что-то вразумительное.

Внутри лежали три документа. Первый – приглашение, напечатанное на гербовой бумаге и отсканированное: «Лександру Лазарю, как кандидату, рекомендованному Домом Лазарей, предоставляется право пройти вступительные испытания в Первую Академию Эрикс-Искусств...».

Дальше шёл стандартный перечень дисциплин, при виде которых сердце болезненно сжалось: теория воображения, пространственное моделирование, работа с катализатором, история искусств, практическое использование техник...

«Воображение! И катализатор...».

Я поднял руку, посмотрев на браслет совсем иначе. В памяти всплыл толстяк со своим «спором», и детализированные голограммы, подвешенные им в воздухе. И он тогда даже не напрягался – просто провёл пальцем по кнопкам.

Это всё ещё мог быть встроенный проектор...

«Но что, если нет, и катализатор – это браслет и есть? Не просто игрушка, а инструмент? Каталог эрикс-искусств как бы намекает...».

Я снова ткнул в экран браслета, открыл каталог и выбрал самую безобидную технику из всех имеющихся – «Светлячок». Статичный источник света для катализаторов бытового класса, низший уровень сложности – то, что нужно.

Ниже мелким шрифтом шла приписка о том, что данная техника одобрена органами для проверки работоспособности катализаторов вплоть до специализированного класса, что бы это ни значило.

И пункт меню, позволяющий активировать технику, тут тоже имелся.

– Ну, если не сработает, то я хотя бы не взорвусь, – пробормотал я себе под нос, устраиваясь в кресле поудобнее.

В прошлой жизни магия воплощения требовала четырёх вещей: ясного образа, чёткого намерения, вербальной формулы и «точки выхода» магии – рабочего ядра в теле.

Здесь ядра не было. Но на моём запястье прочно обосновался кусок металла, который, судя по всему, выполнял схожую роль.

Ведь если силы нет в теле, но некие воздействия происходят, то пресловутая сила берётся откуда-то ещё. Почему бы не из катализатора, если это он?

Я закрыл глаза, представил сферу света. Без абстракции, с максимумом конкретики, деталей и ощущений. Тепло, цвет, форма, эффект, позиция и «якори» в пространстве – всё воссоздано в моей голове с идеальной точностью. Воображение было моей стихией, и в прошлой жизни я мог удерживать в голове трёхмерные объёмные конструкции вплоть до нескольких часов, даже когда от нагрузки тело начинало сдавать, кровотока изо всех непредназначенных для этого отверстий.

А здесь, без ядра, это было просто мысленным усилием, которое, по ощущениям, пока что не требовало от меня вообще ничего.

Я щёлкнул кнопкой – и замер в ожидании.

Половина секунды. Секунда. И когда я уже подумал, что ничего не происходит, моего разума коснулось... нечто. Ощущалось это как мимолётное изъятие поверхностной мысли сродни тому, что делали маги-менталисты, но куда мягче и доброжелательнее.

А спустя миг между моими пальцами вспыхнул маленький огонёк. Ровный, жёлтый, тёплый, чёткий и стабильный. Несмотря на описание этого конструкта как стационарного, моего волевого усилия и воображения оказалось достаточно, чтобы заставить светлячок подняться в воздух, описать круг над головой и раствориться в той же точке, в которой я наметил это событие.

– Всё не может быть так просто...

Второй светлячок появился там же, где пропал первый. Опытным путём я определил, что мой «радиус влияния» составляет пять метров и сорок два сантиметра – очень неплохо даже по меркам опытных магов. И на этой дистанции я мог задавать конструктам программу, в соответствии с которой они действовали...

«По крайней мере, это актуально для светлячка» – я поспешил подавить волну детской радости, спровоцированной лёгкостью, с которой удалось достичь результата, ради которого мне-аколиту в своё время пришлось пыжиться три года. Всё-таки я сейчас и не с нуля стартую, а имея обширнейший опыт в условно-смежной дисциплине...

Следом я попытался создать несколько светлячков, остановившись на десятке. На одиннадцатом одновременно существующем светлячке браслет выдал ошибку:

«Превышение допустимого количества конструктов. Прерывание: активно».

И одиннадцатый светлячок испарился через секунду после своего рождения.

Далее я перешёл к форме, но попытка изобразить светлячок в виде звёздочки, а не сферы, снова привела к ошибке, но на этот раз – с красной, пульсирующей иконкой:

«Превышение допустимой сложности образа. Критическая ошибка. Прерывание: активно».

– Ага. Значит, катализатор – он же одновременно и ограничитель. Но возможности... – На лице растянулась довольная улыбка, а внутри зашевелилось нечто, очень похожее на азарт.

В старом мире я не был эталоном личной силы, потому что моя магия зиждилась на мощи ядра, которым судьба меня обделила, а тренировки не могли существенно улучшить ситуацию.

Здесь же, судя по первым впечатлениям, всё строилось на дисциплине ума, воображении и интеллекте. Катализаторы же давали «движущую силу», а у аристократа, очевидно, не могло не быть доступа к довольно качественным устройствам.

«И если я смогу подобрать правильный «двигатель», то моя способность создавать и удерживать в голове сложнейшие, невоплощаемые традиционной магией образы, отточенная за годы, станет не смешной причудой, а настоящей силой. Но прежде – экзамен. Через три дня...».

Я покосился на книги, среди которых призывно лежала весьма любопытная книжка.

«Эрикс-искусства: воображение как основа».

И пусть весь мир подождёт.

## Глава 2. Неожиданные обстоятельства.

Книга оказалась тяжелее, чем я ожидал.

И дело даже не в весе переплёта – хотя он тоже был под стать амбициям автора, со всем этим теснением, толстой кожей и серебряными уголками. Проблемой оказался текст, который одновременно умудрялся быть благословением и приговором.

«Эрикс-искусство есть дисциплина интеллекта и разума, ограниченная мощностью вычислительного блока, чистотой и степенью адаптации катализатора. Чем сложнее образ, тем выше требования к первому; чем большее воздействие на материю требуется, тем выше требования ко второму. Впрочем, сии факторы крепко связаны друг с другом, и в разумных пределах одним можно компенсировать другое».

Я перечитал этот абзац трижды, а потом отложил книгу и устался в потолок, где не без удивления обнаружил имитацию фрески.

Сцена охоты могучей птицы, похожей на ту, что была на гербе рода Лазарь, выполнена была искусно, но бездушно. Иначе и не бывает там, где «картинку» просто копировали, перенося откуда-то точь-в-точь.

«В прошлой жизни моё ядро было слабым, и поэтому я оставался никем, пока не встал на путь наставника, и мне не «сделали имя» талантливые ученики. Здесь же, судя по всему, роль «силы» играли два внешних фактора. И один из них был на моём запястье».

Катализатор.

А второй – вычислительный блок. Он прятался где-то в недрах браслета, являясь его неотъемлемой частью, и именно его мощности, – или немощности? – ограничили меня одиннадцатью светлячками и простой сферой.

«Промежуточный вывод – это два одинаково важных участка «цепочки», по которой требуется пройти для использования эрикс-искусств».

Немного покрутив в голове эту мысль, я вернулся к чтению. И начал с самого начала, на этот раз – вдумчиво, так, как не читал даже в юности, сражаясь за право не вылететь из училища прежде, чем освою первые заклинания.

К счастью, автор «Воображения как основы» оказался не из тех, кто любит сыпать терминами без пояснений или с отсылками к работам коллег.

К третьей главе я уже вполне сносно понимал, что катализатор – это «насос», качающий «нематериальное», людьми толком не изученное, но замещающее здесь магическую энергию, а вычислительный блок – это «фильтр» и «стабилизатор» в одном флаконе, не позволяющий «нематериальному» сделать человеку очень и очень больно из-за глупой попытки объять необъятное и, соответственно, создать нечто, попирающее законы физики.

«То есть местные маги, по сути, работают в безопасном режиме. Удобно устроились. Минимум рисков, минимум целенаправленной подготовки, максимум времени на саморазвитие вглубь, а не вширь. Но из этого же следует и то, что самый жёсткий ограничитель – это внутренности железяк, которыми они пользуются. Идиотизм, или гениальная схема контроля?».

Я провёл пальцем по металлу браслета, чувствуя кожей едва заметную вибрацию. Если это одновременно и источник силы, и намордник, то моя задача на будущее – выяснить, можно ли его снять без вреда для себя.

Сначала – общепринятые методы. Понять, как заменить катализатор на версию помощнее, и завладеть наиболее мощным устройством из доступных. А дальше...

«А дальше – будем посмотреть, как говорил мой дед».

Стук в дверь заставил меня подскочить в кресле. Я не услышал шагов – ковры в коридоре были слишком плотными, а прислуга, судя по всему, тренировалась в бесшумности с пелёнок.

– Господин Лександр? – голос был тихим, ровным, без единой лишней эмоции. – Господин Альберт просил передать, что вы ждёте в его кабинете ровно в полдень. Я пришла напомнить. Сейчас половина одиннадцатого.

«Превосходно. «Вы ждёте в его кабинете» – идеальная формулировка для того, чтобы ненавязчиво ткнуть нашкодившего щенка мордой прямо в лужу. Мне явно не оставляли ни права выбора, ни вариантов. Паршиво, но пока непонятно, насколько именно».

– Благодарю, – ответил я, придав голосу ленивую надменность, которую можно было ожидать от Лекса, как я его себе представлял. – Передай, что я буду. И напомни мне о встрече заранее. Так, чтобы я успел прибыть вовремя.

Потому что я понятия не имел, где располагался кабинет отца Лександра. Может, он вообще в другом крыле поместья? А так – какая-никакая, а страховка.

– Слушаюсь, господин Лександр.

Шагов я снова не услышал. Только тихий щелчок замка двери, которую прикрыли, не дав мне возможности рассмотреть говорившую.

Я посмотрел на часы в углу экрана – компьютер показывал и время, и дату, и даже фазу луны зачем-то. Девятнадцатое июля, без двадцати семи одиннадцать.

«У меня немногим больше часа, чтобы понять, чего от меня хочет «отец». И как не ляпнуть чего-нибудь такого, что отправит меня на улицу без гроша, а то и без фамилии».

Книга легла на стол, раскрытая на главе о классификации катализаторов, а я вновь взял в руки компьютерную мышь.

Всемирная сеть встретила меня с распростёртыми объятиями, и я, старательно маскируя запросы под нечто более-менее непримечательное, – чтобы не искать, как выглядит мой собственный отец, например, – принялся поверхностно изучать всё то, до чего мог и успевал дотянуться.

Первым делом – сухой поиск. Набрал «Лазари», и чуть не присвистнул от количества результатов. Фамилия оказалась не просто известной – она была одной из тех, о которых говорят на каждом углу, если речь заходит о больших деньгах, промышленности и связанных с непутёвыми отпрысками неприятностях.

Я впопыхах перебирал всё: статьи, новостные сводки, заметки о «моих собственных» похождениях, коих в сети оказалось порядком. Отдельного внимания удостоивались приложенные фотографии. На последних толстяк мелькал довольно часто – значит, не совсем левый человек, и знакомы мы больше года.

Выяснил также, как выглядит отец, мать, сёстры, братья, дяди и тётки, плюс ещё с десятка личностей, тесно связанных с фамилией Лазарь. Постарался утрамбовать в голове «основные события» последних месяцев, о которых писали в сети.

Без понимания, просто как факты, на которые можно было бы сослаться.

Дисциплинированный и тренированный разум впитывал новые знания, как губка – воду, но сейчас время играло против меня. Возможности углубляться в реально интересные темы не было, а нахвататься «по вершкам» оказалось на удивление проблематично. Слишком уж обширная это вещь, чужая жизнь.

«Если бы у меня были хотя бы сутки, то проблемы не существовало бы в принципе. Но час... Нужно было с самого начала садиться собирать оперативную информацию, а не зачитываться учебником для начинающих. Проклятье!».

Впрочем, кое-что прояснилось быстро.

Род Лазарей владел землями, мануфактурами и, что куда важнее, патентами на производство катализаторов среднего класса. Лазари не были монополистами, и считались скорее крепкими середняками в своей сфере. А именитость им принесла деятельность предков, успевших отхватить кусок пирога побольше в смутные для всего мира времена.

Окончательно надежды на то, что Лазари – это чуть ли не царские особы, рухнули, когда мои загребушие руки добрались до генеалогического древа де-факто совсем небольшой территориально Империи.

Глава рода – владетельный граф. Я сам – просто отпрыск, без унаследованного титула, что, в общем-то, было даже логично. Наследником считался совсем другой Лазарь, постарше меня на шесть лет.

А вот Лександру, тобишь, мне, годков было восемнадцать.

В этом социуме – важный возраст, «фиксирующий» в глазах окружающих потенциал и перспективы молодого аристократа. Если не успел заявить о себе, то, скорее всего, уже никогда и не заявишь.

«Прелестно. Но восемнадцать лет – это вполне логичное объяснение тому, почему я ощущаю себя вполне неплохо, даже унаследовав тело, ведущее не самый здоровый образ жизни».

Лександр просто не успел себя угробоить.

«В каком-то смысле, это даже хорошо, что Лекс был почти маргиналом. Резкие перемены спишут на взросление, как и завершение общения со старыми знакомыми. Но легко в любом случае не будет».

Следующие полчаса прошли в лихорадочных попытках натянуть на себя чужую шкуру, не зная даже, как именно она сидит на оригинале.

Я листал новостные сводки, фотографии, заметки в социальных сетях – всё, до чего мог дотянуться. Выуживал крупницы информации о человеке, чьё тело теперь было моим.

Лександр Лазарь, судя по тону публикаций и комментариев, был фигурой... заметной. Не в смысле достижений, разумеется. Скорее в смысле регулярных скандалов, пьяных выходов и порочащих честь аристократа знакомств, которые местная жёлтая пресса обсасывала и смаковала с особым удовольствием.

«Вечеринка в поместье Лазарей закончилась вызовом стражей порядка».

«Наследник графского рода в очередной раз опозорил фамилию».

«Лександр Лазарь: талант или позор Империи?».

Последний заголовок приковал взгляд и заставил изучить материал.

Статья оказалась пространной, полной намёков и недомолвок. Но суть сводилась к простому: три года назад Лександр демонстрировал выдающиеся успехи в пространственном моделировании.

А потом всё куда-то исчезло. Сменилось сомнительными компаниями, не менее сомнительными увлечениями и ужасным отношением к учёбе. Причина – неизвестна, домыслы простирались от «дурного влияния» до «трагедии, о которой семья предпочитает молчать».

Я же, закончив чтение, отложил мышь и потёр переносицу.

«Значит, не всегда был мудаком. Что-то случилось. Возможно, даже то, что и заставило его... принять меня. Или, по крайней мере, сделать возможным моё появление. Тело ведь здорово, а не при смерти или после комы, как должно было быть с весьма высоким шансом. Чужую душу так просто не выпнуть, сие есть неоспоримый факт».

Мысль была неприятной, но от неё оказалось сложно отмахнуться. Магия воплощения, пусть и считалась слабым направлением, имела одну особенность, о которой знали немногие посвящённые: она могла находить пустоты.

Бреши в ткани реальности, в материи, в человеческой душе – всё то, что было готово принять нечто новое. В моём мире это считалось бесполезным магическим курьёзом.

Что-то вроде призрачного шанса раз в тысячелетие силами сотни сменяемых поколений магов найти такой драгоценный камень, в пустоте которого магия воображения сумеет воплотить нечто по-настоящему могущественное.

Шанс – есть, но рассчитывать на него? Увольте. Здесь же...

«А здесь я, возможно, стал тем, кто заполнил пустоту. Вопрос – случайно, или Лександр сам того желал, оказавшись на грани и проявив это намерение во сне?».

Я взглянул на часы. Двадцать минут двенадцатого.

– Проклятье, – выдохнул, и вернулся к изучению содержимого всемирной паутины.

Лица. Имена. Связи. Факты. История.

Больше конкретики, меньше воды.

Отец – Альберт Лазарь, владетельный граф. Мужчина лет пятидесяти, с жёсткими чертами лица и взглядом, который на всех фотографиях казался одинаковым – оценивающим, равнодушным.

Наследник – старший брат, Родерик Лазарь, двадцать четыре года, с выправкой военного, успехами в боевых направлениях эрикс-искусств. Выпустился из Первой Академии в этом году, и теперь служит в гвардии Императора.

Мать – Элеонора Лазарь, урождённая Вандергейм, женщина с идеальной осанкой и улыбкой, которая никогда, ни на одной фотографии не касалась глаз, если так можно выразиться.

Ещё две младших сестры, по имеющейся информации готовящихся к поступлению во всю ту же академию, и пара братьев, которые находились в других городах, и обучались там, готовясь принимать в свои руки семейные дела «на местах». Все яйца в одну корзину Альберт Лазарь не складывал, что, в моих глазах, делало ему честь.

Ну а завершал список я сам – Лександр Лазарь, юноша, чьё лицо на многочисленных фотографиях за считанные годы превратилось из живого и заинтересованного в отстранённое и циничное. Совсем не такое, какое ожидаешь увидеть у разгильдяя и повесы.

«Будь у меня запас по времени, я и на пушечный выстрел не подошёл бы к ближайшим родственникам, не зная, что за событие в прошлом превратило перспективного мальчишку в то, чем он стал. Но этого запаса у меня нет».

Я сделал несколько глубоких вдохов, возвращая себе состояние спокойной сосредоточенности – навык, выработанный за долгие годы. Успокоить разум, отбросить лишнее, выделить главное.

Главное сейчас – отец.

Я снова открыл его письмо, перечитал последний абзац.

«Если ты опозоришь нас и там – считай, что ты больше не носишь фамилию Лазарь».

Не «я лишу тебя наследства». Не «я сокращу финансирование». Именно – «ты больше не носишь фамилию». Лишение статуса, изгнание из рода, социальная смерть для аристократа. То, что нельзя обернуть вспять.

Никто и никогда не вернёт титул справедливо его утратившему.

«Это не угроза. Это приговор, с которым отец уже смирился. И мне нужно как-то отыграть всё назад. Как минимум – выиграть время. Как максимум – вернуть ему веру в Лександра. Уболтать? Нет, аристократ такого уровня едва ли купится на одни лишь слова. И показать мне ему тоже нечего – не светлячками же хвастаться?».

Я посмотрел на свою одежду и грязно, в голос выругался – мятый костюм, конфетти в карманах, пятна на манжетах.

И взгляды с портретов предков теперь чуть ли не буквально давили на затылок.

Доверившись подсознанию, я вышел в коридор быстрым шагом, дёрнув на себя дверь, к которой меня привели ноги. Гардероб. Хвала всем местным Богам, память тела действительно не ограничилась дыханием и моторикой.

«Первое впечатление я испортил прежде, чем вышел из комнаты. Отец не может не знать о ночной гулянке и инциденте с какой-то вороватой шлюхой. Скорее всего, он знает и о том, что его сын собрался забить на экзамен. Паршиво, но всё зависит от того, чего Альберт добивается».

Основных вариантов было ровно три.

Отречение, проверка и списание.

Третий вариант – это смерть от рук своих же, просто чтобы не позорился дальше. Обычная практика там, где «честь рода» – не пустой звук.

Первый вариант – суть то же самое. Только убивать будут не свои, а чужие. Не потому, что «я» оттоптал им сотню мозолей, а просто для того, чтобы насолить Лазарям. Вряд ли даже самые чёрствые родители и братья-сёстры сильно обрадуются, если им начнут присылать запчасти отречённого родственника.

«А социум тут такой, что подобный ход конём ещё и одобряют все причастные. Прелестное местечко, но мне приходилось бывать в местах и похуже».

Я распахнул створки массивного шкафа, окинув взглядом ровные ряды костюмов на вешалках. Выдвинул полку с нижним бельём и, заперев дверь, принялся быстро переодеваться, выбирая одежду по своему вкусу.

«За основу взять второй вариант. Показать раскаяние. Готовность исправиться. И самое главное – продемонстрировать изменения. Такие, которые отец не сможет просто проигнорировать... или не захочет».

Спустя десять минут я бросил взгляд в большое, тянущееся во всю стену зеркало. Осмотрел себя. Растрёпанные волосы, круги под глазами, ссадина на скуле.

Но взгляд...

Взгляд был моим. Не Лександра, который на фото смотрел в объектив с вызовом или равнодушием. В зеркале сейчас отражался человек, который пережил смерть, переродился ценой чужой жизни – и не собирался на этом останавливаться.

«Это может сыграть как в плюс, так и в минус. Слишком резкая перемена вызовет подозрения. Но если я сейчас предстану перед отцом в образе кающегося грешника, он не поверит. Такое наверняка происходило уже не единожды».

Я коснулся браслета, пролистав каталог. Десять секунд – и с помощью нужной техники я материализую в руках расчёску, металлическую и с угловатым растительным узором, выглядящую так, словно её ковали вручную.

Привёл в порядок волосы, уложив их на свой манер. Собрал хвост на затылке, отыскав в шкафчике с аксессуарами простую чёрную резинку.

И снова взглянул в зеркало, признав, что со внешностью Лексу повезло больше, чем мне в прошлом.

Не широкие, но и не узкие плечи. Осанка. Аристократическое лицо, которому очень шла моя довольная всему вопреки ухмылка. Почти чёрные длинные волосы, собранные в строгий хвост. Чуть растрёпанная чёлка. Тонкая линия губ, с лёгким изумрудным отливом глаза, тёмно-синий костюм, в котором мне виделись оттенки грозового неба. И ссадину удалось удачно прикрыть волосами – если присматриваться, то заметить можно, но хотя бы в глаза не бросается.

«Ещё бы круги под глазами куда-нибудь деть, но тут я бессилен. Пусть работают на образ человека, который сегодня пришёл в себя и принял волевое решение творить великие дела».

За пятнадцать минут до полудня в кабинет, куда я успел вернуться, заглянула служанка – миловидная, строгая брюнетка. Она же и стала моим проводником среди коридоров поместья, больше напоминающего лабиринт. Несколько этажей, сотни комнат и десятки залов, галереи, балконы – просто на то, чтобы осмотреться здесь, потребовался бы не один день.

Замерла девушка у массивной двери из тёмного дерева, с вырезанным на нём гербом Лазарей. Дальше дело было за мной, так что, не откладывая и не мандражируя, – хотя очень хотелось, – я поднял руку и трижды постучал. Чётко, негромко.

– Войдите...

### Глава 3. Тончайший лёд.

Толстая створка двери поддалась с глухим, вкрадчивым шелестом.

Кабинет графа оказался именно таким, каким я его себе и представлял, начитавшись заметок и разглядывая портреты в семейном крыле. Никакого пафосного барокко, никакой вычурности, за которой нередко прячут неуверенность в себе.

Массивный стол из тёмного дерева, кресла «в тон», полки, приталенные к стенам светильники. Ровные ряды неподписанных, но помеченных цветастыми ярлыками папок на стеллажах за спиной хозяина кабинета.

Особняком стояла детализированная, металлическая и объёмная карта Империи на стене, по обе стороны от которой висела пара портретов – один нынешнего Императора, и один, если не ошибаюсь, деда этого тела... моего деда.

Тут напрочь отсутствовало хоть что-то лишнее – ни статуэток, ни украшений, ни картин. «Всё здесь дышит выверенной за годы функциональностью. Похвально. Даже очень...».

А в центре композиции находился сам Альберт Лазарь, который вот так, лицом к лицу, казался старше, чем казалось на фотографиях в сети. Немаловажную роль играло и холодное освещение, падающее на лицо мужчины так, что каждая морщина казалась высеченной в камне и подчёркнутой тёмными контурами.

Когда я вошёл, он даже не поднял головы, продолжая писать «по-старинке» – перьевой ручкой на обычном листе бумаги. И тишина ещё в кабинете стояла такая, что скрип пера эхом отдавался в черепной коробке.

Я тихонько прикрыл за собой дверь и замер. Не подошёл к столу и не рухнул в кресло, как, возможно, сделал бы мой предшественник. Просто стоял, выпрямив спину и сложив руки за спиной – поза, которая в том, прошлом мире неизменно олицетворяла «внимание» и «уважение», без заискивания.

Секунды текли. Пять, десять, двадцать.

Граф отложил перо, поставил подпись на углу документа, отложил писчий инструмент и только после этого поднял взгляд.

Я ожидал многого. Гнева. Холодного презрения. Разочарования, которое должно было вестись в каждую чёрточку этого жёсткого лица. Но моему взгляду предстало нечто другое.

Усталость.

Альберт Лазарь смотрел на меня так, будто видел перед собой не сына, а давно списанный, порядком потрепавший нервы проект, к которому его вынудили вернуться.

И в этом взгляде не было ни надежды, ни даже желания наказать.

«Он ждёт очередного разговора, который ничего не изменит» – услужливо подсказало подсознание, обозначив то, что я и так уже понял.

– Сел, – коротко бросил он, кивнув на кресло напротив.

Я подчинился без единого слова. Сел, выпрямив спину и положив руки на подлокотники, но не расслабляясь.

В прошлой жизни я общался с людьми рангом выше. Намного выше, и очень часто – такова уж была моя участь. Ремесленник и наставник не мог не контактировать с заказчиками, а слуг по таким делам не посылали.

Поэтому у меня имелся обширный опыт ведения переговоров с самыми разными людьми: титулованной знатью, главами гильдий, другими магами, даже представителями правящих фамилий разных королевств.

Я умел правильно позиционировать себя, чувствовать настроение, понимать, когда нужно спорить, а когда – молчать в тряпочку и делать вид, что тебя не существует.

И сейчас ситуация требовала от меня именно тишины.

Граф тем временем откинулся в кресле, изучая меня с той же отстранённостью, с которой рассматривают некий предмет, доставляющий проблемы. Или ошибку, которую уже нельзя исправить – только избавиться от неё, закопать поглубже и надеяться на то, что об этой проблеме никто никогда не вспомнит.

– Ты выглядишь иначе, – произнёс он наконец. В его голосе не было удивления. Только спокойно озвученный факт. – Причёска. Одежда. Поза. Даже не пытаешься изображать раскаяние.

– Раскаяние уже ничего не изменит, – ответил я, тщательно подбирая слова. Не надменно, не вызывающе... а как бы «копируя» манеру речи графа. – Вы всё равно не поверили бы. Как не поверили и в прошлые разы.

Альберт Лазарь усмехнулся – коротко, беззвучно, одними уголками губ.

– Умный ответ. Жаль, что он ничего не меняет.

– Я знаю.

Тишина повисла снова. Граф взял со стола письмо – в точности то, которое я уже видел в своём кабинете. Копия. Или оригинал, с которого сняли копию – не суть важно.

– Ты получил это? Прочёл?

Он почти демонстративно наклонил бумагу, как бы позволяя по тексту понять, о чём речь, если так не дошло.

– Да, – я не стал уточнять, что нашёл его в кабинете, роюсь в чужих бумагах, не далее как несколько часов назад. – Прочёл. И понял, что решение уже принято. Экзамен – формальность. Вы ожидаете, что я провалюсь...

И снова усмешка.

– Я жду, что ты в очередной раз продемонстрируешь полное отсутствие воли, чести и желания быть Лазарем, Лександр, – голос графа не повысился даже на полтона. – И тогда я сделаю то, что должен был сделать ещё два года назад.

«Два года».

Я зацепился мыслями за эту цифру, прокручивая в памяти всё то, что успел нарыть в сети. Три года назад Лександр перестал быть тем подающим надежды юношей, которым можно было гордиться. Граф же говорил про два года – значит, на «реабилитацию» после инцидента он давал год. Или это никак не связанные друг с другом события?

«Негусто».

– Значит, всё уже решено, – сказал я, не спрашивая, а утверждая.

– Я хочу, чтобы эта история наконец закончилась, Лекс. – Он впервые назвал меня по имени, но едва ли в его отношении что-то от этого изменилось. – Ты был талантлив. Потом сломался, и я не знаю, по какой причине. Я пытался помочь. Ты отказывался. Я наказывал. Ты игнорировал. Я давал тебе шансы, но ты их пропил, проиграл или про... не суть.

Он устало замолчал на выдохе, потеряв переносицу. А я уцепился за то, что он всё ещё пытался говорить, а не констатировал печальные для обновлённого Лександра факты.

«Но надежды у него уже нет. Он действительно просто хочет всё закончить. Чтобы не мучаться больше, не мучить ни себя, ни остальных членов семьи. Чтобы не ждать чуда, которое не случится... не случилось бы, не воплотись я в этом мире».

– Я не прошу второго шанса, отец, – сказал я, глядя прямо в эти серые, некогда стальные, а теперь – выцветшие с годами глаза. – Я не прошу денег, времени или доверия семьи. Я даже не прошу вас верить мне.

Альберт Лазарь чуть склонил голову. В последующем его вопросе промелькнула тень заинтересованности:

– И что же ты просишь, Лександр?

– Ничего. – Я выдержал паузу. – Я пришёл потому, что вы меня вызвали, отец. Могу сказать лишь, что буду на вступительном экзамене. И что я его сдам.

Тишина стала тягучей, почти осязаемой. Граф смотрел на меня долго, изучающе, словно видел впервые. И, что иронично, так оно и было.

«Нового Лекса, меня, он действительно видит в первый раз».

– Ты не готовился, – сказал он наконец. – Не посещал занятия, не тренировался, не работал с катализатором. Я знаю, потому что за последние два года ты сделал всё для того, чтобы не иметь ничего общего с академией и образованием в принципе. И теперь, за трое суток «до», ты вдруг решил, что сдашь экзамен. Но чудес не бывает, Лекс.

– Я его сдам, так или иначе. – Граф прищурился, явно предположив наихудшие для Лазарей варианты «того или иного» способа сдачи. – В конце концов, это всего лишь три дня, и для семьи всё равно необходимо это формальное подтверждение моей несостоятельности – полный провал.

– Если ты, Лекс, рассчитываешь задействовать ресурсы семьи или, – он качнул головой, угрожающе подавшись вперёд. – Или использовать свои личные накопления, то этот план загодя обречён на провал.

Я знал о том, что Первая академия известна в том числе и тем, что непредвзятость преподавательского состава обеспечивается ни много, ни мало, а наблюдателями от каждого аристократического рода Первой Империи, входящего в так называемую «Первую сотню».

Да, у местных был какой-то фетиш на «первых», иначе сказать было нельзя. Первая Газета, Первая Академия, Первая Империя, Первая Сотня... странно, что при таких исходных данных наследником назначали не Первого рождённого ребёнка.

– Я не собираюсь жульничать и мухлевать, – сказал я, выдержав холодный, ставший каким-то пугающе-цепким взгляд отца.

«Ошибка. Надеюсь, она не приведёт к тому, что он решит перестраховаться и избавиться от меня прямо здесь».

Альберт Лазарь не ответил сразу. Он отложил письмо, сложил руки на столе и наклонился вперёд – поза, которая в его исполнении казалась чем-то давящим, всеобъемлющим таким.

Даже у меня, при всей моей ментальной стойкости, возникло неприятное ощущение того, что меня сейчас действительно препарировать, признают негодным, а тушку выбросят в окно.

– И за счёт чего ты собираешься сдавать экзамен, Лександр? – спросил он резко и насмешливо. – За счёт своей гениальной способности прожигать деньги? За счёт умения напиваться до потери памяти? Или, может быть, ты рассчитываешь очаровать приёмную комиссию тем, как ловко находишь общий язык с девицами лёгкого поведения?

Я промолчал. Не потому, что нечего было сказать – наоборот, горло сдавило от желания ответить грубостью на грубость. Но провокация была налицо, а мой опыт отчётливо вопил, что играть по правилам графа – значит гарантированно оказаться на помойке уже к вечеру. Если вообще не в лесочке за городом.

– Вчера, – продолжил Альберт, не дождавшись реакции, – ты устроил попойку в компании сомнительных личностей. Сегодня утром служанка обнаружила в твоей комнате следы... весьма бурного веселья. А теперь ты стоишь передо мной, приведя себя в порядок впервые за последние полгода, и заявляешь, что сдашь экзамен. – Мужчина сделал паузу так, словно ему не хватило дышалки. – Ты хоть понимаешь, Лександр, как это выглядит со стороны?

– Понимаю. Как очередной провал. Как попытка сделать вид, что всё ещё можно исправить. Как то, что вы видели уже не единожды, отец. – Я отчаянно анализировал и понимал, что попытки выкрутиться «в плюс» могут стоить мне всего. Я уже разозлил Альберта. Значит, следует ограничиться минимумом, который мне и так не могут не дать. Злосчастные три дня, провести которые я могу или занимаясь, пока меня никто не трогает, или... как-то иначе, если граф окончательно во мне разочаруется. – Но я повторяю: мне ничего не нужно. Я не прошу учителей или помощи. Просто дайте мне три дня. До экзамена. А там я или справлюсь, и у

семьи появится повод ожидать от меня дальнейших успехов... или всё решится само собой так, как ожидалось.

Граф усмехнулся вновь, но на этот раз – чуть громче, чуть заметнее.

– Ты изменился, Лександр, – сказал он, и его голос наконец лишился того металлического отзвука, который делал каждое слово приговором. – Не знаю, что произошло вчера ночью, но ты изменился.

– Может быть, я просто наконец-то протрезвел. – И это тоже было правдой, в самом что ни на есть прямом смысле.

Альберт Лазарь вздохнул, откинувшись в кресле. Провёл рукой по лицу так, словно он не владетельный граф и вершитель судеб, а обычный, уставший человек, вынужденный стоять на страже чести рода и принимать решения, которые у него самого вызывают лишь боль.

– Три дня, – сказал он после недолгой паузы. – Три дня, Лександр. Никакой помощи от семьи – ни денег, ни доступа к наставникам рода, ни рекомендаций. Если ты собираешься что-то доказывать, то доказывай своими силами.

– Я и не рассчитываю на иное.

– И ещё, – граф подался вперёд, прищурившись. Его взгляд заострился. – Если в эти три дня до меня дойдут слухи о том, что ты снова... развлекаешься с теми, с кем не стоило бы... Я не буду ждать экзамена, Лекс. Не буду ждать нового акта нашего позора. Ты меня понял?

– Всецело, отец, – я поднялся, решив ретироваться прежде, чем завершивший серьёзную беседу мужчина вдруг решит поболтать о чём-то другом. О семье, например, про которую я почти ничего не знаю, или о прошлом. – Благодарю.

Альберт Лазарь уже снова взял в руки перо, склонившись над бумагами и показав, что на этом разговор окончен.

А я вышел в коридор, прикрыл за собой дверь... и наконец-то выдохнул.

Сердце колотилось как бешеное, а страх был вполне реальным, а не эфемерным.

Потому что в отсутствие информации я мог лишь минимально повлиять на решение отца этого тела, а весь диалог мало чем отличался от написанной кем-то топорной сюжетной сцены, где главный герой вынужден плыть по течению, словно брошенный в реку кусок пенопласта.

«Три дня. Три чёртовых дня, чтобы стать тем, кем этот Лександр не смог. Или хотя бы убедить всех вокруг, что я им стал».

В коридоре меня ожидаемо никто не встречал. Служанка ушла далеко и надолго, а путь в моей голове отложился... весьма относительно, прямо скажем.

Пришлось ощутимо напрячься, чтобы прокрутить дорогу до кабинета отца в памяти задом наперёд, и медленно двинуться по коридорам, считая повороты, перекрёстки и арки.

Чувство опасности, зудящее на периферии сознания, упрямо подталкивало меня к анализу ситуации. Потому что угроза заключалась не только в отце, который уже был готов вышвырнуть меня из рода при первой же неудаче.

В этом мире, как я уже успел понять, «магия» была доступна всем и каждому. Сила стала отражением дисциплины разума, а не врождённого дара. Ну а моё главное преимущество – воображение – могло стать как манной небесной, так и страшным проклятием.

Если я ошибусь, если переоценю себя, если катализатор окажется слишком слабым...

Я привык к тому, что дар прощает ошибки и выходы за свои лимиты, наказывая лишь слабостью, болью или потерей сознания.

Но как поведёт себя бездушный прибор с высокотехнологичной начинкой? Кто и как этой самой начинкой управляет? Кто создаёт катализаторы, кто распространяет их, кто определяет, кому и что доступно? Почему у сына семьи аристократов «стандартная» модель, а не что-то более продвинутое?

Из-за личного нежелания Лександра совершенствоваться, или потому, что даже высшую знать некто крепко держит за самое дорогое?..

Я остановился у окна в конце коридора, в небольшом тупичке. Отсюда открывался неплохой вид на парк, раскинувшийся за стенами поместья. Зелень, аккуратные дорожки и фонтан в отдалении. Красиво. Богато.

И всё это могло исчезнуть в одно мгновение, если я не справлюсь.

«Исчезнуть вместе с возможностью легально учиться эрикс-искусствам, потому что изгнание из рода – это клеймо. Даже «училище» из прошлой жизни меня не приняло бы, окажись я изгнанником, а не нищими сиротой с мизерным талантом и умением давать взятки. Поэтому, план-минимум – сдать экзамен. Любой ценой. Но для этого нужно понять, что конкретно от меня требуется, и на чём следует делать упор».

Придя к этой оформившейся наконец мысли, я вернулся в свою комнату, уже не сбиваясь с пути – тело помнило дорогу лучше, чем я сам, и это было... странно. Непривычно чувствовать, как чужие рефлексы ведут тебя по чужому дому, подсказывают, где повернуть, и куда смотреть, чтобы осведомиться о присутствии в доме тех или иных родственников.

Будто призрак прежнего Лександра всё ещё бродил где-то в глубине сознания, и не знал, как раствориться окончательно.

Кабинет встретил меня всё тем же бардаком, к которому я добавил несколько книжек. Но теперь к этому хаосу добавилось ещё и навязчивое ощущение чужого присутствия.

«Не глупи, «Лекс». Мёртвые не возвращаются. По крайней мере, в этом мире – точно. Нет тут чернокнижия, некромантии и спиритизма. Как нет и жрецов, богов, душ, явного посмертия».

Я заставил себя подойти к креслу, сесть и взять в руки книгу. Посидел так с минуту.

Чертыхнувшись, откатился назад так, чтобы спинка кресла упёрлась в стену.

«Эрикс-искусства: воображение как основа» раскрылась на том же месте, где я остановился, но абзацы, вливаясь в мозг, вылетали из него, не задерживаясь ни на секунду. Мысли возвращались к разговору с отцом и том, что я благодаря нему смог узнать.

«Ты был талантлив. Потом сломался».

Что же случилось три года назад? Что превратило подающего надежды юношу в прожигателя жизни, который в конце концов исчез, без боя уступив место мне?

Я потёр виски, прогоняя эти навязчивые шепотки на периферии сознания. Сейчас это не имело значения, а значит – требовалось абстрагироваться. Сосредоточиться на главном: на трёх днях до экзамена, и это без учёта времени на дорогу до Первой академии, которая находится даже не в этом городе.

«И нужно срочно узнать о том, что это за экзамен, как проходит и на какие части делится. Читать вслепую... это я, конечно, молодец, но для вдумчивого подхода времени просто нет».

Я был вынужден отложить книгу и сесть за компьютер. Снова браузер, снова поиск. Первая академия, вступительные испытания и иже с ними.

– Итак, что тут у нас?..

Сеть встретила меня потоком информации, которую мало было просто прочитать – её требовалось осмыслить, структурировать, проанализировать и уложить в голове так, чтобы после обеда у меня уже имелся чёткий план действий.

«Первая Академия Эрикс-Искусств в Сант-Море».

Я вбил это в поисковую строку, приготовившись к худшему.

И ожидания мои «окупились» всецело.

Официальный сайт Первой Академии пестрел терминами, от которых у неподготовленного человека могла пойти кругом голова. Я же, имея за плечами не одно десятилетие магической теории и опыта в книгознании, быстро вычленил главное, отсекая словесную шелуху.

Вступительные экзамены состояли из трёх этапов.

Первый – теоретический. Устная и письменная части, с задачами, формулирующимися так, чтобы отсеять тех, кто не умеет думать объёмно.

«С одной стороны, здесь я не опозорюсь – пространственное воображение и всё с ней связанное у меня развито прекрасно, а опыт преподавания будет только в плюс. Но с другой... Как экзаменаторы будут смотреть на человека, который абстрактно отвечает более, чем достойно, но ничерта не знает об истории силы, на которой в этом мире строится буквально всё?».

Второй этап – практический, с использованием стандартного учебного катализатора. Тут все работают в равных условиях, и с техниками, не выходящими за рамки D-ранга. Как правило, с материализацией, как наиболее всеобъемлющим элементом эрикс-искусств.

«Это хорошо. И для меня – в особенности. Сложные техники оттачивать нет времени, а вот пройтись по каталогу D-ранга в сети и в своей «железяке» – это я успею. И уж точно не облажаюсь с чем-то настолько простым, как манипуляции объектами».

Третий этап – индивидуальное испытание. Самое расплывчатое и, судя по форумам абитуриентов, самое субъективное, разнящееся от года к году. Общим было только то, что кандидату так или иначе, но предлагалась нестандартная задача, требующая творческого подхода.

Перечислять задания прошлых лет не было смысла, слишком обширным получался список. От дебатов о теории воображения до создания сложных составных конструкторов и «вольных выступлений» с наказом удивить комиссию чем-то необычным.

Сам балл набирался примитивнейшим сложением результатов каждого этапа. Был и минимальный проходной, но настолько низкий, что его можно не учитывать.

«Следовательно, для некоего шанса на успех мне нужно приемлемо сдать теорию, что с моей памятью и дисциплиной – более-менее реально. Подойти к вопросу тезисно, не погружаясь в глубины истории мира. Перечень дат и имён, основные достижения человечества на пути освоения эрикс-искусств... Если получится найти подходящие источники, то дело выгорит. Допустим. Третий этап слишком расплывчат в своей сути – если мне предложат обсудить нечто, о чём я не знаю, то наберу я гордый ноль баллов. Следовательно, упор нужно делать на практику и чистую теорию. Теорию заучу. Облажаться на практике шансов тоже не так уж и много».

На примере светлячка я уже понимал, что моё воображение и мои навыки здесь должны были котироваться весьма высоко. Ведь мне не нужно было учиться с нуля – просто адаптироваться к местным реалиям и ограничениям. Хотя бы к тому, что ядра нет, а вся нагрузка ложится на бездушную железяку.

«Какова вероятность из всех миров попасть туда, где эскапист вроде меня, пропадающий в своём воображении годами напролёт, порой в ущерб реальности, окажется очень даже к месту? Минимальный. И если я потеряю этот шанс, единственный, между прочим, ведь магии тут нет, и новый «переход» я не совершу... О, надо мной все друзья и недруги на том свете смеяться будут, надрывая животы».

Я снова открыл каталог техник, пролистывая список «избранного» прежнего Лександра. В конце присутствовали заблокированные техники, которые требовали серьёзной вычислительной мощности – явно не уровень этого браслета.

Но все они были добавлены вручную, насколько я теперь мог судить. Значит, когда-то этот парень умел с ними работать. И его тело, его нейронные связи, его «мышечная память» разума – всё это никуда не делось.

«Вот только совсем не факт, что до своего падения он орудовал браслетом, а не чем-то иным...».

Спустя пять минут я нашёл в каталоге технику D-ранга из разряда «продвинутых» – «Моделирование-2». Простое, по меркам академии и магии, упражнение. Создание трёхмерной, нематериальной проекции объекта: например, куба или сферы. Допускалось вращение созданного объекта, его перемещение, смена формы и изменение параметров «на лету».

Список требований ничем меня не удивил – устойчивое воображение и минимальная вычислительная мощность. Ровно то, что мне нужно.

Я устроился в кресле поудобнее, и, не закрывая глаз, представил себе куб. Чёткий, с ровными гранями и лёгкой светотенью, привязанной к люстре под потолком и окном позади меня. В прошлой жизни мне было под силу удерживать сотни таких конструкторов одновременно, меняя их форму, цвет и положение в пространстве безо всяких усилий.

Обычная иллюзия, по своей сути. Ничего сложного, но требования к воображению тем выше, чем более детализированным должен быть объект.

Здесь же, едва я нажал на кнопку активации, браслет пискнул, и на долю секунды возникло уже знакомое чувство «касания» извне.

А над ладонью повисла проекция.

Куб.

Полупрозрачный, с едва заметными голубыми контурами и прекрасно выраженным объёмом, он парил в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси. Я ускорил его вращение, остановил. Сжал до размеров игральной кости, вытянул в диск, перекроил в сферу – манипуляции проходили ровно и беспроблемно. Ни ошибок, ни уведомлений о том, что «извините, слишком сложно, мои полномочия на этом всё».

– Интересно, – прошептал я, не отрывая взгляда от конструктора.

«Объёмный полупрозрачный изменчивый объект не может быть проще десятка светлячков. Это нелогично. Налицо или серьёзный перекося устройства в сторону эффективного управления сложными объектами, или ограничение на программном уровне».

Я размножил экспериментальные объекты до пяти штук, до девяти – ничего. Десятый был также создан без малейших проблем.

А вот одиннадцатый вызвал уже знакомую реакцию.

Предупреждение, ошибка и принудительное прерывание.

В то же самое время, я преобразовал один-единственный объект в сложносоставную фигуру из множества подвижных элементов – сфер, кубов, пирамид и так далее. Увеличил, проверяя границы допустимого, анимировал конструктор – и снова не встретил ни малейших препон со стороны катализатора.

«Это необычно. Ограничение на число объектов в таком случае имеет мало смысла. Если только сам лимит – это не предохранитель от тех, кто может навредить себе. Но от человека в эрикс-искусствах требуется только мыслеобраз. Или не только? А ещё браслет сразу активировал прерывание, едва я попытался изменить форму светлячка. Значит, ограничения всё-таки есть, но касаются они не каждой техники? Любопытно...».

Прислушавшись к себе, я не обнаружил даже эха каких-то побочных эффектов. Начал дублировать сложные конструкторы, постепенно заполняя ими комнату. Один. Пять. Десять. Одиннадцать – и железка на моём запястье отреагировала прерыванием.

«Новая задача. Найти в сети, на что способны мальцы «моих» лет, студенты и выпускники. Потому что сейчас я или чего-то не понимаю, или недооцениваю всё то, что принёс с собой из первой жизни. Если второе... то сложнее будет не показать лишнего, чем набрать баллы».

Я избавился от конструкторов мысленным усилием, отчётливо ощутив, как браслет прекратил свою работу, превратившись в безмолвный кусок металла. Следовало сделать перерыв и убедиться в том, что откат не настигнет меня спустя часы.

«Тем более, мне есть, чем себя занять».

Я опустил в кресло перед компьютером – и начал планомерно формировать в голове картину нового для себя мира.

## Глава 4. Мелкие неприятности.

Информационный поток, хлынувший из сети, оказался одновременно и благословением, и проклятием.

Я сидел перед монитором всего второй час, а голова уже трещала под беспощадным напором настоящей, а не той, на которую я жаловался толстяку, мигрени. Мой дух и мой разум были подготовлены к восприятию и куда больших объёмов информации – это правда. Вот только тело подкачало.

Обильные возлияния его прежнего владельца, как и склонность к праздной лени, напрямую сказывались на моих физических кондициях.

Но на перерыв времени не было, так что я руководствовался тем, что лучший отдых – это смена деятельности.

От активного поиска в сети я плавно перешёл к целенаправленному анализу.

«Первый вывод, – мысленно структурировал я, делая пометки в пустом текстовом файле. – Мои текущие минимальные возможности, подтверждённые на практике, находятся на уровне студента второго-третьего годов обучения. По крайней мере, в том, что касается чистого воображения и контроля».

Потому что цифры не ввали. На форумах абитуриентов и в обсуждениях на профильных ресурсах всплывали плюс-минус одни и те же ориентиры.

Средний первокурсник мог удерживать от пяти до двенадцати простых нематериальных конструкторов одновременно. Перспективный – от десяти до двадцати. Гений – от двух десятков до полусотни.

И под удержанием подразумевались одновременные сложные манипуляции со всеми сразу.

Так или иначе, но моей десятки будет вполне достаточно для того, чтобы набрать хорошие баллы на втором этапе, ведь делать с этими объектами я могу всё, что только в голову взбредёт.

«И это если не жульничать и не дробить объекты на множество, сохраняя их целостность как образа. Если катализатор позволит, то я смогу создать и «сотню» объектов. Что, впрочем, всё равно нужно проверить. Но позже».

Второй курс в среднем поднимал планку на двадцать процентов, а на третьем начинали распределять студентов по направлениям и кафедрам.

«Причём, как и всегда, боевое направление – самое престижное. Кто бы сомневался. Люди одинаковы независимо от мира, в котором им повезло закрепиться. Если инструментом можно эффективно убивать, то не стоит даже сомневаться в том, что из него сделают оружие и возведут его в культ».

Сама концепция моей магии – магии воплощения – требовала созидать. Создавать что-то уникальное, прокладывая новые пути, изучать мироздание... мало ли было задач для амбициозных магов?

Но реальность оказалась такова, что даже магам самых миролюбивых направлений приходилось слишком уж часто защищать свою честь, имя и даже жизнь силой.

И я в список исключений, к сожалению, не попал.

Да и мог ли сирота и выходец с низов ни разу ни с кем не сцепиться? Даже освоив ценный навык вида «молчать и не отвечать», я всё равно находил на свой зад неприятности.

И чем старше становился, тем масштабнее и серьёзнее становились заварушки.

«Нисколько не сомневаюсь в том, что здесь будет ничуть не лучше. «Падшего, но восставшего гения» никто не спишет со счетов так просто. И своим в толпе молодёжи я едва ли стану. Буду выделяться, так или иначе».

Вздыхнув, я переключился на другую вкладку, где была загодя открыта подробная статья о классификации катализаторов. Объёмная, но я всё равно быстро вычленил главное. И теперь выписывал основные тезисы, дополняя их своими заметками.

В форме катализаторы ограничивали только желания и финансы заказчиков, но по типам они распределялись в зависимости от того, какую задачу выполняли де-факто.

Браслеты были самыми распространёнными. Универсальными, но слабыми. Девяносто девять процентов людей в этом мире обходились именно такими, удобными, предназначенными для бытовых нужд и начального обучения.

Всё, что можно было счесть боевым, для браслетов было недоступно.

Перчатки и кольца использовались для тонких работ. Причём из-за размеров они являлись пультами, а не полноценными катализаторами. «Тело» катализатора носили на спине, на поясе и так далее.

Жезлы, посохи, пистолеты, щиты, винтовки, мечи и так далее – для силовых, «быстрых» техник, любимых правоохранителями, военными, боевиками и им подобными.

Основной сильной стороной таких девайсов была возможность быстро прицелиться и применить одну из нескольких зашитых в устройство техник, сокращая задержки за счёт отсутствия необходимости «наводить прицел» в своей голове, выбирать технику из каталога и так далее.

Это был узкоспециализированный инструмент, так что среди гражданских распространения закономерно не получил. Да и нельзя было, в большинстве своём, просто купить себе «пистолет».

И, на мой взгляд, этот конкретный тип катализаторов был создан для того, чтобы мочь в сжатые сроки склепать из кучи дилетантов нечто боеспособное.

Потому что ни один маг в здравом уме не откажется от многообразия своего дара в пользу пары техник по типу «стрельнуть» и «защититься». И плевать, что магов тут не было, а «дар» мог развить в себе каждый. Суть-то та же.

«А ещё наличие таких «костылей» косвенно указывает на то, что у большинства людей с воображением проблемы, и им нужно что-то простое» – подвёл я промежуточный итог.

Следом в статье шла броня и экзоскелеты – катализаторы, которые смело можно было бы назвать идеальными, если бы не формфактор. Органы управления в таких «устройствах» интегрировались непосредственно в тело, а мощь была велика настолько, что я нашёл упоминания подобных катализаторов только у бойцов на службе в гвардии императора, да у членов личных боевых групп герцогов Империи.

Отдельно существовали планшеты и смартфоны, совмещающие в одном корпусе функционал компьютеров и катализаторов и за это любимые учёными. Плюс безграничная россыпь уникальных или почти уникальных устройств, совмещающих в себе сильные стороны катализаторов разных категорий, формы и многочисленные комбинации которых перечислять не было ни малейшего смысла.

Я откинулся на кресло, растерев лицо ладонями. Тихо выругался.

«Значит, Лекс изначально имел доступ к чему-то посерьёзнее пусть дорогого, но всё-таки устройства бытового класса. И даже так предпочёл пользоваться именно этой игрушкой. Насколько же старательно он закапывал в себе талант! И причина... я прямо-таки чувствую, что она мне не понравится. Лишь бы узнать о ней не слишком поздно».

Посокрушавшись ещё пару минут, я ещё раз прочитал статью, утрамбовав содержимое в памяти, и собирался уже перейти к следующей стадии практических экспериментов, как в дверь постучали.

Три коротких, вежливых удара.

– Господин Лександр, – голос принадлежал женщине, явно немолодой. – Граф распорядился передать, что вас ждут к общему обеду, он состоится через двадцать семь минут. Но если вы чувствуете себя неважно, еду могут подать в ваш кабинет.

Я замер на секунду, обмозговывая варианты. Лишний раз пересекаться с семьёй сейчас смерти подобно – это факт. Мало того, что я никого из них лично не знаю, так ещё и времени на праздную болтовню у меня нет.

– Пусть подадут пищу в кабинет ровно через час.

– Слушаюсь, господин Лександр.

Шагов я снова не услышал. Только едва уловимое дуновение сквозняка от прикрытой двери, да тихое «щёлк» – язычка замка, вставшего на место.

Я выждал ещё пару минут, прислушиваясь к ощущениям. Тишина. Ничего, кроме мерного гула компьютера и собственного дыхания. Тело никак не реагировало на данные ранее «нагрузки», а мигрень понемногу начала рассасываться.

«Хорошо. Теперь у меня есть час, чтобы понять, чем ещё меня ограничивает катализатор, и где лежит та грань, за которую не стоит выходить на вступительном экзамене. Потому что показать слишком много в моих обстоятельствах не менее опасно, чем полностью провалиться».

Я снова активировал браслет, открыв каталог. Кнопки отзывались на малейшие касания, а плавность интерфейса позволяла быстро и точно выбирать нужную технику – тело быстро вспоминало, как обращаться с устройством.

Каталог... он оказался простым и лёгким в освоении, но вот данных в нём было представлено мало. И это факт, а не жалоба «ни на что».

«Моделирование-2», техника D-ранга, уже мною опробованная. Сухих данных – два абзаца, и те довольно общие. По сути – воплощение объекта «из головы», и управление им.

«Но что насчёт характеристик создаваемого объекта? Прочности? Массы? Материальности, наконец? Всего того, что в магии воплощения задавало заклинание – его речитатив, форма, вспомогательные элементы? Делает ли это катализатор, или всё от и до зависит от воображения?».

Вопросы, ответы на которые в сжатые сроки получить сложно.

«Но раз уж мне всё равно нужно проверять границы своих возможностей, то почему бы не объединить приятное с полезным?».

Я отодвинул кресло и встал, выйдя в центр кабинета. Пол был накрыт толстым ковром – не самое практичное покрытие для таких экспериментов, но выбора у меня прямо сейчас не было. Я собирался дневать и ночевать в этих стенах, чтобы не терять время и не рисковать выдать себя.

Поэтому, если что-то пойдёт не так, то ковёр... не самая большая потеря, скажем прямо.

Первым делом я создал обычный куб с металлической текстурой, визуализировав лишь его внешний облик и ничего более. Ожидаемо, он оказался нематериальным – сама техника была рассчитана на это. Простая иллюзия. Далее я, как и с расчёской ранее, наделил его функциональностью и ощущением материала, получив прохладный и твёрдый, как и положено металлу, объект. Сжал его до пары сантиметров в высоту, и переместил на пол. Наступил...

И конструкт, прогнувшись, растворился, а браслет отрапортовал о прерывании в связи с превышением допустимой сложности образа. То же самое, что было, когда я попытался изменить форму светлячка.

«Это любопытно. Две разных характеристики, но одна реакция. Или, по крайней мере, один демонстрируемый оператору код ошибки. Между тем, факт номер раз – «Моделирование-2» не может создать что-то действительно прочное. Образ в моей голове идеален, так что проблема, очевидно, в катализаторе».

Следующим этапом стала смена техники.

«Материализация-1», техника всё того же D-ранга, предполагала создание именно что материального, осязаемого объекта.

Металл, пластик, газ, жидкость – она подходила для всего, и это было... странно.

Магия не давала такой свободы. Заклинание, создающее щит, не могло создать стакан или породить дуновение ветра. Здесь же материализация позволяла творить что угодно... или почти что угодно – детали предстояло проверить на практике.

Но так как я хотел проверить степень влияния оператора на параметры техники, то и в голове оформил образ нематериального куба, чётко это обозначив. И рука ожидаемо прошла сквозь получившуюся химеру, которой, по законам магии, не могло быть.

А эрикс-искусства позволяли так извратиться... и это было перспективно.

«Факт номер два. Сильный и качественный образ способен влиять на характеристики создаваемых катализатором объектов вне рамок, описанных техникой. Или же техники изначально предполагают такую возможность «под капотом». Необходимо проверить, но потом».

Испытание «ступеньки» следующий куб, созданный без навязанной нематериальности, успешно прошёл, выдержав нагрузку. Но вот левитировать на нём верхом уже не получилось – катализатор выдавал ошибку и прерывание. Смена материалов и формы, – включая рёбра жёсткости и так далее, – с последующими экспериментами продемонстрировала, что эти элементы влияют на прочность объекта независимо от того, что я там себе навоображал.

Иными словами, созданная по уму ступенька выдержит нагрузку куда большую, чем просто плоскость тех же размеров и из того же материала.

А когда дело дошло до проверки масштаба доступных мне воздействий...

Огромными металлическими кубами я заполнил всю комнату, удерживая их при этом в воздухе. Суммарная масса объектов ушла далеко за сотню тонн, но браслет оставался к такому попаранию логики совершенно равнодушным.

На пол ставить их я, конечно же, не стал – вряд ли перекрытия поместья рассчитаны на такие фокусы.

Напоследок решил проверить ещё кое-что. Развоплотил все лишние кубы, создав новый, размером с кулак. Волевое усилие – и он «поплыл», моментально перейдя из твёрдого состояния в жидкое.

Получившаяся капля послушно шевелилась и изменяла форму с минимальным откликом. Я растянул её в ленту – успешно. Пальцем порвать удерживаемый моей волей и воображением металл закономерно не вышло.

И куб массой в полтонны, давящий сверху одной своей гранью, лента тоже выдержала.

Закрылся в кокон из жидкого металла, «атаковал» воздух перед собой, добившись характерного свиста удара – проблем не возникло даже несмотря на «бытовой» статус катализатора. И сокрыть всё моё тело под толстым куполом толщиной в десяток сантиметров удалось тоже.

Дальше проверять я не рискнул – кабинет, всё-таки, но сделал пометку на будущее.

Потому что жидкий металл был и оставался моим любимым инструментом для обеспечения личной защиты и противодействия толпе.

Для новичков в магии воплощения ртуть являлась слишком сложной, управляясь сугубо мыслеобразами, но вот эксперты в направлении творили с её помощью великие дела. При правильном подходе такая «жидкость» останавливала пули, сохраняя гибкость, и львиная доля заклинаний была ей нипочём.

«Правда, против той магии, на которую способны равные по опыту и силе маги, жидкие металлы уже помогали слабо. Не панацея это, как ни крути. Была. А если все вокруг – «маги воплощения»? Это уже совсем другие перспективы и ограничения. Правда, если предположить, что без ограничений ядра открываются возможности, о которых ранее никто и мечтать не смел... Тогда местные эксперты в эрикс-искусствах – это монстры, способные стереть меня в пыль и не заметить просто потому, что я не понимаю своего потенциала».

Прислушавшись к себе и не обнаружив никаких признаков отката, я развеял конструкты и сел за компьютер, продолжив обучение.

А спустя некоторое время в дверь снова постучали.

– Господин Лександр, – служанка, та же, что приходила раньше. – Еда подана. Прикажете занести?

– Да, – ответил я, оторвав взгляд от монитора. Осмотрел комнату, но не обнаружил ничего предосудительного. – Входи.

Дверь открылась, и в кабинет вошли женщина и девушка в строгой форме прислуги. Одна несла поднос с супом и хлебом, вторая – запечённое мясо с овощами, и кувшин с чем-то, напоминающим самый обычный компот.

Они расставили всё это богатство на свободной стороне стола, не проронив ни слова, и так же бесшумно удалились.

Я смотрел на еду и чувствовал, как желудок напоминает о том, что прежний хозяин тела в последний раз питался ещё вчера, и пища та, скорее всего, не представляла из себя ничего существенного. Запах запечённого мяса оказался настолько аппетитным, что я приступил к трапезе, решительно отложив все прочие дела.

Еда оказалась простой, но добротной – такую и следовало ожидать в доме, где ценят качество, а не показную роскошь. Суп был наваристым, мясо – мягким и сочным, овощи – свежими и прекрасно приправленными.

Я ел неспешно, давая организму привыкнуть к тому, что в него наконец-то поступает что-то, не одобренное солидной порцией алкоголя. Тем не менее, суп обратился в ничто за считанные минуты. Мясо с хлебом и овощами поедалось просто изумительно, а медитативная работа вилок и ножом подталкивали мысли в нужном направлении.

«В этом мире нет некромантии, спиритизма, чернокнижия и им подобных. Следовательно, местные едва ли способны представить, что кто-то способен подселиться в чужое тело. Воздействия на уровне такого плана концепций эрикс-искусства не позволяют, и в сети нет даже намёков на это. Значит, ближайшие родичи и друзья, если они у этого тела были, в худшем случае станут искать причины в других областях. От травмы с амнезией, до трагического воздействия алкоголя на большую головушку скатившегося аристократа, со всё той же амнезией или безумием. Но в моих интересах сделать так, чтобы всё выглядело как кардинальный пересмотр образа жизни. Люди меняются, и порой меняются разительно».

Компот, которым я завершил трапезу, оказался приятно кислым и освежающим. Я допил его почти до дна, чувствуя, как отступает мигрень, а тело наливается силой и приятной тяжестью в области желудка.

И я только-только сложил пустую посуду на поднос, сдвинув его на край стола, когда браслет на запястье коротко завибрировал.

Два сообщения подряд.

Я глянул на экран: «Кошелёк» и «Алисия».

«Превосходно. Вот оно, эхо вчерашнего кутежа, в котором лично я даже не принимал участия. И за что, спрашивается, теперь страдать должен, а?..».

Сообщение от «Кошелька», который, судя по аватарке, оказался тем самым толстяком, заглядывавшим ко мне утром, было коротким и деловым: *«Лекс, ты где? Я на площадке. Если хочешь отыгаться, приходи быстрее – тут такие лохи подтянулись, закачаешься! И девчата есть получше вчерашних, точно не обнесут. Твой должок, кстати, никто не отменял. Жду».*

Ему я отправил ответ сходу – не ищи меня, дружок, в ближайшую неделю, ибо я занят. Сочтёмся когда-нибудь потом.

А вот второе сообщение оказалось длиннее, и поначалу вызвало у меня злорадную ухмылку – я всегда ценил моменты, когда непорядочность наказывалась.

Но с середины сообщения ухмылка померкла, а я нахмурился: *«Лекс, это Алисия. Меня до сих пор не выпустили. Говорят, что пока ты не подтвердишь, что ничего не пропало, я тут и останусь. Даже вещи мои досматривать отказываются! Ты же понимаешь, что я ничего не брала! Это всё та дура, я даже её имени не знаю! Сделай что-нибудь, пожалуйста! У них тут даже попить не дают!».*

Я перечитал сообщение трижды, и где-то на второй раз в голове щёлкнуло, складывая разрозненные детали в цельную картину.

Алисия.

В контактной книге, где «Шлюха 3» соседствовала с «толстым лох0м», а «Кретин2» с «Бррр», это имя стояло без прозвища. Без номера. Без оскорбительной приписки. С большой буквы.

Просто – Алисия.

Я открыл её контакт, проверив дату создания. Пять лет назад. Аналогичным образом пролистал остальные контакты, большинству из которых не было и года, не считая членов семьи.

Даже братья и сёстры у Лекса были подписаны по номерам, а не по именам.

Благо, хотя бы аватарки присутствовали.

«Но пять лет – это срок. Для человека, который за год успевал сменить десяток сомнительных приятелей, Алисия кажется константой. Плюс Лександр был знаком с ней задолго до того, как начал свой путь на дно...».

Я открыл историю сообщений, пролистывая диалог вверх. И чем больше читал, тем больше понимал, что это прежнего владельца этого тела требовалось наказывать за непопорочность, а не эту девочку.

Послания Лекса Алисии были краткими, часто намеренно пренебрежительными и без знаков препинания, в ответ на развёрнутые тексты собеседницы. Её же сообщения были другими. В них сквозило беспокойство, забота, попытки достучаться, становящиеся всё активнее и настойчивее вместе с тем, как я всё глубже погружался в эту переписку.

«Лекс, где ты?», «Лекс, пожалуйста, ответь», «Я слышала, что вчера случилось. Ты в порядке?» и многое, многое другое. Я даже узнал о том, когда у этого тела день рождения – седьмое января, между прочим. А вот про аналогичный праздник Алисии в переписках за пару лет не было ни слова, что говорило о многом.

Последнее сообщение, отправленное, судя по дате, вчера вечером, было совсем коротким: «Я волнуюсь. Дай знать, что ты жив».

И его Лекс предпочёл оставить без ответа, продолжая кутить.

«Чует моё сердце, что она была для него якорем, в хорошем смысле. Из всех сил удерживала этого идиота от падения на самое дно. Иначе почему он продолжал с ней общаться, а не послал? Алисия эта – явно даже не аристократка, раз её так просто задержала охрана, и никуда теперь не отпускает. Но сама ситуация... Мотивы «шлюх», предположим, более-менее ясны. Подставить Алисию, потому что она задолбала всех своими попытками «спасти Лександра» от плохой компании. Вопрос в том, что я могу сейчас сделать, не рискуя привлечь внимание отца».

О том, помочь или нет, я даже не думал. Не из сантиментов. И даже не из благодарности к той, кто, возможно, была единственным лучиком света в жизни этого неудачника.

Причина была проще и циничнее: Алисия являлась связующим звеном между тем, кем был Лекс «до», и тем, кем он стал «после». И от неё он не избавился, даже гуляя напропалую и находясь на грани становления пустым местом.

Было бы странно бросить её сейчас, «встав на путь исправления».

Я встал из-за стола, инстинктивно потянувшись к переносице – я годами носил очки, привыкнув к ним, и теперь старые привычки пробивались даже через «свежие» рефлексы нового

тела. Вышел в коридор и, не тратя времени на попытки сориентироваться в пространстве, двинулся в сторону главного входа в здание.

Направление я осознавал очень примерно, и потому служанке на своём пути обрадовался, как младенец – соске.

– Ты, – я не повысил голос, но вложил в него столько уверенности, сколько мог. – Проводи меня на проходную, к посту охраны.

Служанка вздрогнула совсем не так, как если бы испугалась внезапного обращения. Она явно не привыкла, чтобы «господин Лександр» отдавал приказы таким тоном, без пьяного бреда или раздражения.

– Слушаюсь, господин...

Девушка развернулась и зашагала вперёд быстрым, но не беглым шагом. Я следовал за ней, отмечая про себя детали: повороты, арки, двери, лестницы. Если мне придётся часто пользоваться этим маршрутом, то стоит с первого раза выучить его наизусть.

Проходная оказалась прослойкой между центральным холлом и крыльцом главного входа. Тут за стойкой сидел мужчина в строгой форме охраны. Молодой, с грубым лицом, он поднялся при моём появлении... но без той поспешности, которую стоило ожидать от человека, зависящего от милости аристократа.

– Господин Лександр, – он считал вектор моего внимания и склонил голову ровно настолько, чтобы соблюсти формальности. – Чем обязан?

Я окинул его взглядом, задержавшись на нашивке на рукаве. Незнакомые знаки различия, но логика подсказывала, что пара галочек – это не много.

– У вас задержана девушка, Алисия. Я хочу, чтобы еёпустили. Или, по крайней мере, предоставили мне неопровержимые доказательства её вины.

Мужчина пару секунд сверлил меня взглядом, в котором смешалось удивление с чем-то ещё. Со страхом? Возможно.

– Я провожу, господин Лександр. Задержание было произведено по приказу господина Фёрца, а посему я не могу сказать, какие конкретно доказательства у нас есть...

Он встал из-за стойки, кивнув сменщику – тот появился очень своевременно, словно только того и ждал.

Мы двинулись вглубь поместья, и охранник неожиданно решил вывалить на меня ворох подробностей.

– Моя смена началась два часа назад, господин Лександр. Но, насколько мне известно, господин Фёрц, – охранник говорил быстро, явно стараясь подстелить соломку на случай разбирательств, – распорядился задержать девушку до выяснения. Сказал, что пропали ценные вещи, и пока господин Лександр не подтвердит, что всё на месте, она будет ждать. Парни лишь выполняли приказ...

Я слушал вполуха, оценивая обстановку. Коридор, по которому мы шли, заметно отличался от жилых помещений. Стены здесь были голыми, без ковров и картин, пол – из грубого камня. Служебная зона, намеренно сделанная такой угнетающей.

То самое место, где оказываются недруги аристократов, возжелавшие почувствовать на себе «гостеприимство» поместья.

– И давно господин Фёрц отдаёт распоряжения в отношении моих гостей? – спросил я, даже не оборачиваясь. – Даже не удосужившись уведомить меня притом...

Охранник запнулся на полуслове. Я услышал, как он шумно сглотнул.

– Господин Фёрц – заместитель начальника охраны. Его отец...

– Вне зависимости от послужного списка родственников, – я поджал губы, чувствуя нечто из той, старой жизни. Раздражающий аромат вседозволенности, наглости и самоуверенности. – господин Фёрц должен соблюдать регламент. И я очень сомневаюсь, что в оном содержится пункт о молчаливом задержании гостей хозяев поместья. Имя?

– Карл, господин...

– Отлично, Карл, – я кивнул. – Веди дальше.

Мы миновали ещё пару поворотов прежде, чем я услышал голоса. Негромкие, с ленивыми интонациями людей, уверенных в своей безнаказанности.

– ... сиди тихо, девочка. Твой «спаситель» уже, наверное, забыл, как тебя зовут. Если вообще помнил.

– Лекс всё подтвердит. Я ничего не брала. – Упрямства в голосе Алисии было хоть отбавляй.

– Лекс? – Второй голос был моложе, и звучал он с откровенной насмешкой. – Ты про того, кто сейчас дрыхнет без задних ног, пока его папочка решает, выкинуть отпрыска или оставить? Да он ради тебя даже с дивана не встанет. Так что сиди и жди. Но мы всё ещё можем договориться, если ты куда-то торопишься...

Пальцы скользнули по кнопкам браслета, активировав технику материализации – просто на всякий случай. Небольшая капля жидкого металла скользнула за шиворот, увеличившись и растёкшись вдоль торса тонким слоем, а я разом почувствовал себя куда увереннее.

Я вышел из-за поворота, на периферии сознания отметив тот факт, что всё это время я рукой придерживал своего проводника, чтобы тот не спугнул их раньше времени.

Мы оказались даже не в комнатке, а в своего рода миниатюрном зале, соединяющем несколько коридоров. Из мебели тут присутствовала только металлическая скамья, на которой сидела...

Я на секунду замер, мысленно сопоставляя эту блондинку с её аватаркой в мессенджере. Измятое платье, подчёркивающее выдающуюся фигуру. На щеке – пятно покрасневшей кожи, волосы неаккуратно растрёпаны, а глаза...

Да, синие глаза смотрели с такой надеждой и отчаянием одновременно, что у меня внутри что-то кольнуло.

«Что-то от старого Лекса, не иначе. Но это точно не та блондинка-воровка, которую толстяк показывал на голограмме».

Рядом с девушкой стояли двое. Один – в форме охраны, с нашивкой, могущей похвастаться таким же числом полосок, как и у моего провожатого. Второй – штатский, с цепкими глазами и неприятной ухмылкой, съехавшей с его лица, едва он меня увидел.

«По всей видимости, это Фёрц и есть».

– Господин Лександр? – Фёрц сделал шаг в мою сторону. – Мы не ожидали...

– Было бы удивительно, если бы ты ожидал, что сюда зайвится тот, кого вы не сочли необходимым поставить в известность о... ситуации, – произнёс я, не повышая голоса, но глядя на мужчину с совершенно искренним недовольством, соседствующим с гневом. – Алисия, вставай.

Она вскочила так, словно её пружиной подбросило. Губы девушки дрожали, но слёз не было. Сугубо обида и злость, которые она отчаянно пыталась сдерживать.

– Лекс, я... они сказали, что... что я украла у тебя что-то, но я...

– Я знаю, – сказал я ей тихо. Повернулся к Фёрцу. – Заместитель начальника охраны поместья Лазарей – это высокий пост, Фёрц. Ответственный. Важный. Карл...

Я повернулся к охраннику.

– Ты слышал обрывки разговора. Скажи мне, что, по-твоему, я сейчас должен сделать с... господином Фёрцем. – Я замолчал, давая Карлу возможность высказаться и, попутно, подтвердить или опровергнуть мои догадки.

Охранник молчал так долго, что я уже собрался повторить вопрос, но он всё же выдал из себя:

– Господин Фёрц грубо превысил полномочия, господин Лександр. Задержание гостя без существенных причин или приказа хозяев не предусмотрено регламентом. Тем более – на такой срок без уведомления, с... отягчающими обстоятельствами, господин...

– Слышишь, Фёрц? – я перевёл взгляд на мужчину. – Даже твой подчинённый знает правила лучше тебя. Или ты решил, что если никто не заметит, то и ладно?

Фёрц побледнел. Буквально. Кровь отлила от его лица так быстро, словно он твёрдо решил сбежать от разговора, грохнувшись в обморок. Но он выстоял, вцепившись пальцами в свою одежду, которая, между прочим, была совершенно «не по форме».

– Я жду.

– Господин Лександр, – прошептал Фёрц сипло. – Произошло недоразумение. Эта девушка... её обнаружили утром рядом с вашей комнатой, и...

– Рядом с моей комнатой? – я поднял бровь, намереваясь давить до конца. Всё, что мне было нужно, я уже понял. Но решил шагнуть дальше, пользуясь его растерянностью. – Ты хочешь сказать, что Алисия, которая по твоей же логике только что что-то у меня украла, решила не убежать с добычей, а остаться ждать у дверей? Блестящая стратегия. Прямо-таки гениальная. Сравнимая с тем, что ты, заняв пост по рекомендации родни, решил подставить и себя, и их. И чего ради, Фёрц?

Второй охранник, тот, что стоял рядом с Фёрцем, опустил взгляд в пол, всей своей позой демонстрируя стойкое желание слиться с местностью и, желательно, провалиться под землю, лишь бы как-то выгрести из той дыры, в которую его могло затянуть с начальством за компанию.

А вот сам «герой дня» продолжал гнуть свою линию:

– Вещи пропали. Дорогие. Их нашли при обыске...

– Ложь! – Алисия не выдержала. – Меня не обыскивали даже! Они отказывались, Лекс! А у меня ничего, кроме сумочки!..

– Формальности... Мы не успели, нужно было составить акты...

– Ты не успел, – повторил я, медленно кивая. – Конечно, не успел. А теперь стоишь и нагло врёшь мне в лицо. Слушай сюда, Фёрц. Я задам тебе один вопрос. И от того, как ты на него ответишь, будет зависеть, ограничится ли дело твоим увольнением с «волчьим билетом», или мне придётся поднимать архивы и выяснять, сколько ещё «недоразумений» в поместье приключилось в твою смену.

Он молчал, глядя на меня так, словно видел перед собой самого Дьявола во плоти. Потому что старого Лександра он, вероятно, очень хорошо знал, раз позволял себе такое.

А вот меня – не знал совершенно.

– Вопрос простой. Ты действовал по собственной инициативе, или кто-то надоумил?

– Я... я действовал по собственной инициативе, – наконец выговорил он таким тоном, что ложь не различить было невозможно.

– Значит, твоя «инициатива», Фёрц, потребовала от тебя задержать мою гостью без причины, не уведомив меня о том, а после нагло, ничего не боясь, предлагать ей «договориться»? – Я прищурился, глядя в глаза мужчины. – И я уже не говорю про след на лице Алисии. Карл.

– Да, господин? – Карл отозвался в тот же миг.

– Пока я общаюсь с господином Фёрцем, заberi своего коллегу... – я кивнул на второго охранника. – И вызови ко мне, в мой кабинет, начальника охраны поместья. Пусть прибудет настолько быстро, насколько возможно.

– Слушаюсь, господин Лександр!

Оба охранника испарились из комнатушки со скоростью, близкой к первой космической. Я обернулся, глянув на Алисию.

– Алисия, тебе тоже лучше выйти и чуть-чуть подождать за дверью. Скажи только, этот след... – я кивнул на её щеку, всё ещё алую. – Откуда?

– Ударилась, сама. Правда! – воскликнула девушка, заметив промелькнувшую на моём лице тень недоверия. – Пока сюда ехала. Споткнулась...

– Ты тоже не очень хорошо врёшь, Алисия, – она была юна, и потому читалась, как открытая книга. – Подожди за дверью. Это много времени не займёт.

«Вот и решил проблему по-быстрому, что б его! И отец ещё... строгий, собранный, а в его собственном поместье замначальника охраны рода – ублюдок похотливый. Ещё и прислуживающий непонятно кому».

Когда Алисия прикрыла дверь с той стороны, я вновь обратился к Фёрцу.

– А теперь, Фёрц, отвечай честно. Пока что у тебя есть шанс не навредить одним махом всей своей родне. У тебя десять секунд. Будешь молчать – я просто плюну на всё, сообщу отцу об этом «досадном недоразумении», и дальше разбираться будет он. Но вряд ли тебе это очень уж понравится... – я говорил тихо, не повышая голоса и не меняя тона. Пустая угроза, ведь к графу я бы сейчас не сунулся даже под дулом пистолета, да только мой собеседник об этом не знал.

И Фёрц проникся. Мой статус, перемены в поведении, манера держаться – всё это давило на не готового к такой конфронтации мужчину.

– Меня об этом попросила госпожа Элиана Бергван, господин, – наконец выдал он. – Я поверил в то, что вы сами будете рады избавиться от этой... от неё.

Фёрц бросил взгляд на прикрытую дверь.

– Буду рад избавиться от Алисии. Понятно... – я выдохнул, поджав губы.

Элиана Бергван. Имя, которого точно не было в контактной книге браслета. Не встречал я упоминаний её фамилии и в процессе поверхностного изучения обстановки в сети.

«М-да. Я всё равно уже вляпался в это по самое не балуй. Нужно решить вопрос. Хотя бы узнать, что это за мымра, пытающаяся избавить меня от, кажется, единственного человека, которому нужен был не кошелек Лександра, и не его влияние. Ещё и проворачивающая это в месте, которое должно быть безопасным априори».

– И кто она, Фёрц? Давай. Я слушаю. Ради кого ты решил нарушить присягу, и чем тебе за это заплатили.

Фёрц поначалу моргнул удивлённо, но то, как я сформулировал вопрос, сгладило острые углы.

– Госпожа Элиана? Она... она из дома Бергванов. Ветвь младшая, но... она часто бывает в поместье. С госпожой Розалией они очень дружны...

«Розалия. Твою-то бога душу мать! Сестра тут каким боком?».

– И чем же Элиана сумела замотивировать человека, преданность которого роду должна быть превыше всего прочего?

По тому, как мужчина отвёл взгляд, легко было догадаться о том, какие надежды этот идиот питал в отношении аристократки. Наивный чукотский юноша, которому скоро лет тридцать стукнет. И как он вообще оказался на этом посту?

«Если только заместитель – почти формальная должность. Тогда в это можно поверить».

Я вздохнул:

– Я тебя понял. Когда придёт твой непосредственный начальник, объяснишь ему ситуацию. Честно, подробно, без утайки. После зайдёте в мой кабинет. Вопросы?

– Нет вопросов, господин Лександр! – отозвался мужчина, которому, кажется, было дико некомфортно даже просто находиться рядом со мной.

– Превосходно.

Я развернулся, покинув помещение. Алисия обнаружилась в коридоре – она возилась с сумочкой и смартфоном.

– Алисия. Идём, я провожу тебя.

Девушка, подняв голову, сунула телефон в карман и шагнула ко мне. Только сейчас я заметил, как сильно она дрожит. Не от холода – даже в этих казематах было тепло, а от нервного напряжения.

Едва ли она ожидала, что в доме аристократа она окажется в такой ситуации.

– Ты как? – спросил я тихо, когда мы вышли в холл поместья.

– Я... – Алисия сглотнула, неопределённо качнув головой. – Я не знаю, Лекс. Я... Сейчас я хочу домой...

– Мне правда жаль за то, что так получилось. Я разберусь, и больше этого не повторится. Обещаю.

– Спасибо, – Алисия коротко кивнула, напомнив мне этим жестом маленькую, беззащитную птичку. Поджала губы, и вдруг выдала, протараторив: – Лекс, ты правда не хочешь даже попытаться поступить в академию? Тот случай... он же давно был. И Игорь наверняка на тебя не в обиде уже.

Я наострил уши, внутренне напрягшись.

Игорь. Новое имя, которого, опять же, не было в контактной книге. И судя по тому, как Алисия его произнесла – буднично, без пояснений, этого человека я знал.

«Возможно, знал хорошо, учитывая некую обиду, случай и взаимосвязь с поступлением в академию эрикс-искусств. Спровоцировать её на разговор? Нет. Будет слишком подозрительно, да и времени у меня кот наплакал. Значит, экспресс-метод».

– Я попытаюсь поступить. Шансы выехать на закостеневшем таланте у меня всё есть. Ну и три дня на подготовку. Что-то да выучу, – произнёс я негромко, выйдя на крыльцо поместья.

Вперёд тянулась мощёная булыжником ровная дорога, по обе стороны от которой росли могучие деревья. Всё зеленело, шелестело и дышало. Ярко, сочно, с одуряющими ароматами, которые с возрастом я просто перестал воспринимать, как должно.

Зато теперь, вдыхая полной грудью, я понимал, что вот оно – новое начало. Вместе с этим пониманием даже тело начало ощущаться по-другому. Не как послушная оболочка, а как моё и только моё вместилище.

Молодое, крепкое, и даже с доступом к некоему аналогу магии, полному как минусов, так и плюсов...

Алисия же застыла, резко обернувшись:

– Попытаешься поступить?! – Секундное замешательство, и она, резко приблизившись, вцепилась в меня обеими руками, обняв. – Я знала, что ты не дурак! Что ты не станешь себя окончательно хоронить из-за трагической случайности!..

– Может, и дурак. Я уже ни в чём не уверен, – я хмыкнул, аккуратно, по-дружески обняв её в ответ. Оказалось на удивление сложно совладать с тем, с чем я в свои года уже не ожидал столкнуться вновь. С гормонами. – В любом случае, экзамены ещё нужно сдать, так что ты рано радуешься. Идём, я провожу тебя до ворот.

– Нет уж, – Алисия подбоченилась, окинув меня требовательным взглядом. – Иди готовиться. А экипаж я и сама как-нибудь поймаю. Не отвлекайся, Лекс. Это действительно возможность если не исправить всё, то хотя бы минимизировать последствия. Это были... очень долгие три года. И мне не составит труда подождать ещё немного...

«То-то твои слова сквозят неуверенностью. Но отказываться от такого предложения я, конечно же, не буду».

– Смею надеяться, что этот этап жизни останется позади, – я сложил руки за спиной, втянув носом свежий воздух. – Мне больше не хочется возвращаться в ту клоаку, где я прозябал столько времени. И за это я тебе благодарен, Алисия.

«А ещё за ниточку, указывающую на одного конкретного человека и несчастный случай. Хотя, в общем-то, я и так теперь примерно себе представляю, что случилось. Магия в руках амбициозного, талантливого подростка-аристократа – это всегда травмы для окружаю-

щих, даже если пресловутого мальчика лупить розгами за каждую провинность. А Лекса, кажется, не лупили. Большое упущение. Хотя, с другой стороны, из-за его состояния мне и досталось это тело – без сопротивления, без отката».

– Ты правда изменился, – сказала Алисия после продолжительной паузы. – Не знаю, что произошло этой ночью, но сейчас... Сейчас ты говоришь так, как раньше. До того случая.

Даже немного жаль, что эту девочку я знаю слишком мало, и не могу ответить искренне.

– Со стороны виднее, – я пожал плечами. – Тебя точно не нужно провожать?..

– Точно. И... иди уже. С твоим талантом ты действительно можешь справиться. Даже если у тебя на всё про всё только три дня, а из эрик-искусств ты практиковал только противоположное. – Подмигнув мне, Алисия развернулась и уверенным, можно сказать – воодушевлённым шагом направилась в сторону ворот.

«Словно Лекс никогда ей не обещал ничего такого, что не выполнял. Возможно ли такое? Не знаю».

Я проводил её взглядом вплоть до того момента, когда девушка скрылась из виду, и только после этого вернулся в кабинет.

На повестке дня оставалась подготовка, изучение окружающего мира... и финал разбирательств с Фёрцем, которого, видят Боги, проще было прибить на месте, чтобы не тратить драгоценные часы.

«Но статус аристократа – это не только права и возможности, но и необходимость этому статусу соответствовать» – подумал я перед тем, как снова нырнуть в глобальную паутину, полную знаний, которые мне необходимо было освоить, и вершин, о которых впору было не просто мечтать, но и взбираться на них.

Спустя пару часов в дверь моего кабинета постучали, а до экзамена осталось два с половиной дня...

## Глава 5. Перед дорогой дальней + Интерлюдия 1.

Я сидел за столом, глядя на двоих мужчин, стоящих передо мной навтыжку.

Бледный, как сама смерть, Фёрц, и суровый, очень недовольный ситуацией мужчина в годах.

Сержио Браун, уроженец жарких южных провинций Империи и начальник охраны поместья. Один из, если говорить точно, потому как Лазари практиковали систему «кругового пригляда», не сосредотачивая полноту власти над чем-либо в одних руках.

«Теоретически это защищало от предательства, а на практике...».

На практике Сержио выглядел как человек, готовый по одному моему слову утопить своего подчинённого в унитазе и сделать вид, что никакого Фёрца в поместье никогда не работало. Все эти системы проверки лояльности, труды безопасников рода, клятвы на крови – ничего не помогло против сказочного идиота, пристроенного в охрану на непыльную должность ветеранами, которые сильно уважали его отца.

Говорят, что в семье не без урода. Но ситуация, когда «урод» подставляет под серьёзный удар всю родню и друзей разом – это скорее редкость, по моему опыту.

«Вдвойне иронично, что Лександр был практически тем же «уродом», пачкая репутацию Лазарей год за годом».

– Господин Лександр. Я всецело в курсе того, что произошло. Фёрц и все на смене, кто как-либо с ним контактировал, опрошены. Картина происшествия составлена, – Сержио говорил с лёгким акцентом, растягивая гласные, но каждое слово было выверенным и чётким. – Приказ о задержании действительно был выдан господином Фёрцем самовольно и без причины. Никаких санкций со стороны главы рода или старших членов семьи на это не имелось. В то же время, настоящую воровку задержали на проходной, изъяли всё украденное... – мужчина на долю мгновения отвёл взгляд, – ... и отпустили.

Я кивнул, не перебивая. Пусть говорит. Пусть снова протащит Фёрца по всем пунктам обвинения, которые успел насобирать за эти часы. Это сэкономит мне время и силы, а заодно заставит Фёрца чувствовать себя четырежды идиотом.

Может, однажды он за это ещё спасибо скажет, ведь аристократы моего родного мира за что-то подобное просто и без затей снимали со слуг головы.

«Это я тут на птичьих правах и не хочу поднимать шум, так что пусть радуется».

– Ущерб имуществу рода не нанесён, – продолжил Сержио, бросив короткий взгляд на своего нерадивого подчинённого. Тот стоял ни жив, ни мёртв, сцепив побелевшие руки за спиной. – Репутационный ущерб... потенциально мог иметь место, но благодаря своевременному вмешательству господина Лександра, – мужчина кивнул мне, – ситуация локализована. Девушка покинула поместье без претензий, как мне доложили.

– Без претензий – не значит без осадка, Сержио, – я позволил себе лёгкую усмешку, чуть подавшись вперёд. – Но ты прав, ситуация под контролем. Теперь – вопрос. Что ты предлагаешь делать с человеком, фактически предавшим своих господ?

Сержио выдохнул. Медленно, тяжело, так, как вздыхают люди, понимающие, что сейчас им предстоит сказать то, что может стоить им расположения старых знакомых или даже друзей. Но и промолчать для него значило плюнуть на собственную честь, что для таких людей, как Сержио, было смерти подобно.

– Господин Фёрц-младший, – начал он официальным тоном, – грубо нарушил должностные инструкции и превысил свои полномочия. Учитывая то, что его действия не привели к необратимым последствиям, я бы предложил тихое увольнение с соответствующими формулировками. Без права рекомендации в другие структуры. Его отец, Фёрц-старший, заслужен-

ный ветеран, и имя его имеет вес, но даже он не сможет оспорить такое решение, когда узнает, из-за чего всё началось.

Я наконец перевёл взгляд на Фёрца, заставив того вздрогнуть – он находился в крайнем напряжении, ловя каждый мой жест и каждое слово. Всё ещё надеялся на благополучное для себя разрешение ситуации? Наивно.

– «Волчий билет», значит, – протянул я, словно размышляя. – Меня это устроит. Но только с объяснением для его родни, за что именно он лишился места. В лицо. Без наёмков, без подтекста. – Я сделал паузу, наблюдая за тем, как лицо Фёрца становится не просто пепельно-серым, а уходит в такие оттенки, которые, казалось, вообще не могут принадлежать живому человеку. – Это ты возьмёшь на себя, Сержио.

– Безусловно, господин Лександр.

– Ну а разбирательства с теми, кто надоумил его на такое самоуправство, я оставляю за собой. – Я подался вперёд, облокотившись на стол и сложив руки в замок перед собой. – После экзамена, разумеется. Сейчас у меня другие приоритеты.

Сержио понял всё правильно. Он кивнул, по-старомодному щёлкнув каблуками.

– Как прикажете, господин Лександр. Я прослежу, чтобы господин Фёрц покинул поместье в течение часа. Документы будут оформлены сегодня же, а родственники – уведомлены мною лично.

– Превосходно. И, Сержио, добавь в наказание что-нибудь от себя. За рукоприкладство в отношении моей гостьи. Можете идти.

Начальник охраны неглубоко поклонился, прихватил своего теперь уже бывшего подчинённого за плечо и вывел из кабинета, осторожно прикрыв дверь.

Тишина, воцарившаяся в комнате, показалась мне благословением. Я опустил голову на сложенные руки, позволяя себе несколько секунд такой демонстративной слабости – немного протеста в адрес мироздания, заставляющего меня делать сложные выборы в первые же сутки новой жизни.

«Элиана Бергван. Розалия. Игорь. Три года. Трагический случай. Катализаторы, экзамен, моё положение...» – список ключевых тем в голове ширился не по дням, а по часам.

Вопрос был в том, где взять на всё это время.

Я потянулся к браслету, открыл контактную книгу и отыскал там Розалию, ориентируясь на знакомую из сети внешность. Блондинка с холодными глазами и той же породистой внешностью, что и у всего семейства Лазарей была подписана как «Сестра 2», а автоматическая сортировка отрядила ей место между сервисным номером проверки баланса и запроса платного прогноза погоды.

Иными словами, переписка с ней отсутствовала. Вообще. Ни одного сообщения или вызова. Вряд ли старый Лекс чистил историю, так что, скорее всего, они не общались в принципе.

«Значит, всё-таки не коварный план «шлюх». А если отбросить теории заговора вида весь-мир-против-меня, то, вполне возможно, Лександр успел оттоптать родственнице все мозоли. Или это вообще инициатива Элианы... Тут даже замначальника стражи оказался идиотом, почему бы не быть подруге сестры – не меньшей идиотке?».

Я потёр виски, прогоняя навязчивые мысли. Хотелось разобраться с этими угрозами тоже, ведь «враг» в стенах поместья котировался в моей голове куда выше любой внешней угрозы.

Но время поджимало, да и пресловутое поместье я вот-вот должен был оставить. Занятия начинались с первого августа, а это – девять дней со сдачи экзамена. Плюс время на обработку результатов оно, плюс бытовые вопросы на месте, и вот уже «на выходные» в поместье возвращаться не будет никакого смысла.

«А с учётом наличия тут родни... Да, безвылазно сидеть в академии будет выгодно, как ни посмотри. Как минимум в течение нескольких месяцев, просто чтобы обрасти знаниями и начать ориентироваться в бардаке, меня окружающем».

Так, вооружившись мышью и клавиатурой, я выдохнул – и с удвоенным рвением погрузился в сёрфинг по всемирной паутине.

Время пролетело незаметно. За окном уже стемнело. Дважды заглядывала прислуга – приносила ужин и забирала пустую посуду.

Мой «документ» в виде текстового файла наполнялся кратким конспектом истории эрикс-искусств, которая в моём исполнении представляла собой перечень дат и событий. На большее я не расплылся, полагаясь на свою память и ассоциативные связи. Даже анализу я практически не уделял времени, лишь отмечая самое важное в голове «на потом».

Восемьдесят лет назад – технологический скачок, выведший электронику на новый уровень.

Шестьдесят семь лет назад – появление первых катализаторов или, как их ещё называли, концентраторов. Примитивных, но уже позволяющих творить с законами физики всякие бесчинства.

Пятьдесят три года назад – первая всемирная война, вспыхнувшая на фоне массы революций и свержений правительств: слишком поздно сильные мира сего спохватились, попытавшись отнять у народа ушедшие в массы инструменты, которые так легко оказалось использовать в качестве оружия.

Сорок два года назад – наступление затишья во всём мире, лишившемся всех прежних полюсов силы. На удивление, череда войн, раскалывающих государства, не поставила на человечестве крест. Даже наоборот: старая-новая концепция «феодализма», ставшая самой распространённой формой общемирового порядка, стабилизировала ситуацию.

С той даты и до сих пор тянется «золотой век» человечества, обеспеченный эрикс-искусствами и тем, что противостояния из открытых масштабных конфликтов ушли в плоскость подковерных интриг и локальных операций. Что логично: особо не повоюешь, когда единственный человек, у которого война отняла всё, может, при должном везении и старании, устроить большой бада-бум в твоей столице.

И ему для этого даже не потребуется ничего сверхъестественного, если опираться на мой опыт использования катализатора.

Вопросики касательно того, как всё это держалось в равновесии так долго у меня имелись, но ответы на них вряд ли содержались в открытых источниках. Как и везде, нужно было читать между строк...

Между строк, к которым у меня пока не было доступа.

«Но одно ясно точно: «классический» прогресс встал на месте, и виной тому эрикс-искусства. Катализаторы становятся совершеннее и доступнее, люди закономерно концентрируются на доступной всем и каждому силе...» – подвёл я итог этого экспресс-размышления по теме.

Привычные мне вещи вроде ядерного оружия, или «обычного» межконтинентального баллистического тут отсутствовали, что не могло не радовать – одним сверхфактором риска меньше. Авиация... дирижабли, ага. Самолёты существовали, но в мизерном количестве по причинам, которые я пока не мог понять. Транспортное сообщение осуществлялось поездами, на полу-механических конных повозках и верхом, а население...

«Твою-то матушку, Лександр. Что у тебя за мир-то такой?».

Я долго изучал графики и таблицы, и никак не мог понять, почему население на этой планете было кратно меньше привычного мне. Вместо девяти миллиардов – восемьсот миллионов с небольшим на весь шарик. И данные в сети показывали, что тут не случалось никаких катаклизмов, которые могли бы к такому привести.

Так просто было всегда, и местных сил ничуть не волновало. Оно и логично: с чего бы, если это норма? Это же не перенаселение, сулящее цивилизации вымирание, а наоборот.

«Выводы? А нет их. Нужно углубляться в историю, чтобы понять хоть что-то. И снова я откладываю нечто важное на потом. Проклятье...».

Взяв из тарелки на краю стола яблоко, я надкусил его, откинувшись на спинку кресла.

Глаза слипались, мысли еле ворочались – налицо было утомление, игнорировать которое было чревато.

Это не моё тело, тренированное для «забегов» длиной в трое суток ради экспериментов и магии. Вдобавок оно ещё и измучено запоями, отсутствием нормальной еды и Боги ведают, чем ещё. Хоть следов уколов и прочей пакости я не обнаружил, но этим ведь все «прелести» деструктивного поведения не ограничиваются.

«А накопительный эффект делает нехорошо даже из-за мелочей. Нужно отдохнуть. Будильник... Да, браслет и это может. Но спать с ним на руке, конечно, тот ещё мазохизм».

Вздыхнув, я выключил компьютер, предварительно установив пароль. Перешёл в свою спальню, уже вычищенную до блеска – тут даже пахло теперь приятной свежестью, а не алкоголем и чужим потом.

Щёлкнул замком на двери, поставил будильник на раннее утро и, раздевшись, рухнул на диван. Голова утонула в подушке, которая, впрочем, не компенсировала почти каменную твёрдость лежбища, явно предназначенного для иного рода ночных дел.

«Интересно, Лександр принципиально спал на диване, или у него есть вторая спальня с нормальной кроватью? Хотя теперь-то что, всё равно скоро уезжать в академию».

И это была последняя мысль перед тем, как ко мне пришёл сон – глубокий, без сновидений, такой, какой бывает только после полного изнеможения...

## **[Интерлюдия 1]**

Кабинет графа Альберта Лазаря тонул в полумраке.

Тяжёлые шторы были задёрнуты, а лицо хозяина, – усталое, с глубокими тенями под глазами, – выхватывал из темноты только свет настенных ламп. На столе, среди аккуратных стопок бумаг, светился экран планшета.

Изображение на него транслировалось с трёх скрытых камер – двух в кабинете сына, и одной в его спальне.

Присмотр за Лександром стал необходимостью ещё три года назад – пропавший отпрыск в тот период целенаправленно погружался всё глубже на дно, демонстрируя ужасающие тенденции, и Альберт вынужденно отдал распоряжение об установке камер. К вящему облегчению графа, худший сценарий так и не случился.

Состояние сына нормализовалось, а необходимость в использовании системы слежения пропала.

Камерами никто не пользовался... до этого дня, когда мужчина, проведя с изменившимся отпрыском короткую, но содержательную беседу, решил задействовать старый инструмент.

Слишком уж его удивила столь резкая перемена: Лександр из раздолбая, который раз за разом обещал исправиться, лишь бы кто-то оплатил счета, за одну ночь превратился в способного неплохо себя контролировать и стойко держаться в разговоре с ним юношу.

А ведь раньше – дрожал, как осиновый лист, стоило только повысить голос.

Вдобавок события с Фёрцем, очередной нелепой «приманкой», позволяющей молодёжи почувствовать ту самую, тёмную сторону власти над слугами, показали, что изменения укоренились в сыне, и недавний разговор не был просто умелой актёрской игрой.

А так как в чудеса граф не верил, то, проверяя записи с камер, закономерно ожидал увидеть что угодно: «советчиков» Лександра, которых прошляпила охрана, или плетущих интриги

родичей, решивших напоследок воспользоваться братом или племянником со своими, пока что неизвестными целями.

Но вместо этого он наткнулся на нечто иное.

Сначала Альберт подумал, что Лекс просто балуется. Что парень решил вспомнить молодость, покрутив в воздухе пару «учебных» кубов – ничего удивительного. Детские фокусы – не тот уровень, с которым можно было рассчитывать поступить в академию.

Но следом началось то, от чего у графа пересохло в горле.

Десять светлячков, кружащихся в затейливом танце без какого-либо видимого напряжения на лице беспросветно пившего последние два года Лександра.

Дальше – больше.

Материальный куб, меняющийся, сжимающийся и растягивающийся – быстро, чётко, без пауз, без заминок, без попыток сконцентрироваться. Вроде бы незатейливые эксперименты, но вот уровень контроля и скорости для жалкой бытовой игрушки на запястье сына был каким-то невероятным.

Словно Лександр не создавал образ заново раз за разом, меняя техники на подходящие, а просто говорил железу: делай так, как я хочу. И оно слушалось.

Когда помещение заполнилось массивными, занявшими всё пространство кубами, Альберт Лазарь вцепился в подлокотники кресла. Кубы явно перекрывали обзор самому их творцу, но самые удалённые образы не рассыпались и держались так, словно Лександр мог повернуть всё то же самое с закрытыми глазами.

Естественно, граф не понял, что это были всецело материальные объекты весом в сотни тонн, но даже увиденного ему уже хватило, чтобы осознать: Лекс поступит. Даже если он демонстративно выбросит бланк с теоретическими вопросами, практика всё компенсирует с лихвой.

– Два года он пил, гулял и спускал деньги на шлюх. Не прикасался к эрикс-искусствам, не считая попыток бороться с похмельем. А теперь – это... – Граф, просматривающий запись уже в третий раз, сместил ползунок вправо.

Прямо к началу следующего «этапа» представления, затмившего всё, что было «до».

Жидкий металл. Альберт видел эту технику не единожды, и не понаслышке знал о том, что для неё требуется катализатор специального класса. Оружие с особыми свойствами, если можно так выразиться. Иначе удержать в голове мобильный, не теряющий своих полезных свойств переменчивый объект высокой плотности было почти невозможно, если, конечно, ты – не магистр, последние тридцать лет преподающий в академии.

Лекс же пошёл дальше, и даже со «скидкой» на то, что металл мог быть ненастоящим, продемонстрировал нечто невообразимое.

Сначала он покрутил каплей вокруг себя так, словно та считывала его мысли без малейшего отклика. Потом растянул её в ленту, водрузив поверх один из кубов, под которым серебрящаяся полоса металла прогнулась, но выдержала нагрузку.

Вишенкой на торте стал хлёткий «выстрел» десятком жгутов, со свистом разрубивших воздух в одной точке, и стремительно, за доли мгновения, оформившийся купол, на несколько секунд сокрывший юношу от камер.

– Боги, – выдохнул граф. – Кто ты такой?

Альберт раз за разом пересматривал записи. Светлячки, кубы, жидкий металл. Кажущиеся простыми поначалу, но в процессе выходящие за рамки D-ранга манипуляции с прочими воплощениями – и всё это с браслетом бытового класса.

С тем самым браслетом, который Лекс никогда не менял.

Но если раньше Альберт списывал нежелание сына на лень и апатию, то теперь... теперь он понимал, что браслет не менялся не потому, что Лександру было всё равно.

А потому, что ему хватало.

– Этому идиоту, этому пропащему, никчёмному прожигателю жизни хватало возможностей бытового катализатора, чтобы творить вещи, недоступные абсолютному большинству студентов любой академии Империи. Проклятье...

Граф откинулся на спинку своего кресла, одной рукой подняв планшет. Переключился на камеры в режиме он-лайн. Лекс спал в своей спальне, изображая из себя оловянного солдатика. Но перед этим он часами не отлипал от рабочего стола, безостановочно что-то делая.

Затыкая дыры в образовании, образовавшиеся за два года, как подумалось Альберту.

– Посмотрим, Лександр, – произнёс граф, отложив планшет. – Посмотрим, что ты покажешь приёмной комиссии. И если ты действительно изменился...

Альберт Лазарь не закончил фразу, но в его глазах впервые за годы промелькнуло нечто, похожее на надежду.

\*\*\*

Меня разбудила настойчивая вибрация браслета, который его создатели, кажется, настраивали с расчётом на то, чтобы отрывать желающим поспать подольше руки. Хотелось снять устройство и выбросить подальше, до того хреново мне было, но слабоволие в этот раз не сумело отвоевать бразды правления телом.

Я сидел, чувствуя, как всё тело ломит после сна на неудобном диване в неудобной позе. В голове прояснилось на удивление быстро для четырёх часов сна, но брошенный на окно и на экран браслета взгляд смыл мимолётные тревоги.

Двадцатое июля, 05:01.

«Пять часов утра. Не проспал. Молодость – это очень и очень приятно. Я уже многое выиграл, просто оказавшись здесь, в этом теле. Всё остальное – лишь бонус».

Поднялся со своего лежбища и, размяв шею, наскоро оделся, высказав пару нелестных слов в адрес человека, разместившего единственный вход в ванную комнату из коридора. Привёл себя в порядок, освежился – и с новыми силами засел за чтение: попрактиковаться с эрикс-искусствами я мог и в дороге до Сант-Моры, путь докуда должен был занять добрых девять часов в одну сторону. На поезде.

Плюс время на то, чтобы добраться до вокзала тут, и с вокзала до академии – там. Щепотка бытовых проблем в пути и на месте, и я лишаясь ещё нескольких часов. В лучшем случае. В худшем я буду вынужден решать какие-то «аристократические вопросы», извиваясь, как червяк на сковороде.

«Поэтому здесь и сейчас каждая минута должна быть потрачена с пользой» – подытожил я перед тем, как целых полтора дня, – этот и часть следующего, – слились в единый, монотонный поток.

Теория, щепотка практики, чтобы разгрузить мозг – и снова теория. Я ел за компьютером, спал урывками по два часа, просыпался от вибрации браслета и снова нырял в пучину знаний, которые запоминал, но не пытался осознать и разобрать на составляющие.

Я изучал историю эрикс-искусств, сохраняя в памяти даты, имена и события со всем тщанием, на которое только был способен. Разбирал устройство непонятных мне внутренностей катализаторов до тех пор, пока не начали мерещиться браслеты, перчатки, пистолеты и жезлы. Не отрывая взгляда от монитора тренировался на техниках D-ранга, углубляя своё понимание механики работы самих эрикс-искусств, проводя параллели с магией и воссоздавая привычные магические инструменты, – или их подобие, – в новом мире.

Броня, оборонительные периметры, различные формы жидкого металла, средства мобильности, «стихийные» воплощения, насколько позволяли доступные техники – всё это было проверено хотя бы раз.

«Вот только перед смертью не надышишься, так или иначе» – подумал я, бросив взгляд на браслет.

Двадцать первое июля, 14:27.

А экзамен уже завтра, в девять утра.

И отбытие из поместья запланировано на пятнадцать ноль-ноль, сего дня. О чём меня загодя уведомили.

Стук в дверь, впрочем, всё равно раздался неожиданно, и заставил меня дёрнуться, а металл под одеждой, который я привыкал поддерживать постоянно, раз уж эрикс-искусства такое позволяли – затвердеть.

Доля мгновения потребовалась на то, чтобы вернуть всё на круги своя, но нервишки у этого тела явно были ни к чёрту.

– Войдите.

– Господин Лександр, – служанка ступила в кабинет, неглубоко поклонившись. – Граф распорядился передать вам пожелания успеха. Экипаж подадут ровно в пятнадцать часов. Ваши вещи уже собраны. Книги упакованы в дорожную сумку, как вы и просили вчера...

«Успеха? От гра... отца? Или я неправильно его оценил, или чего-то не знаю».

– Благодарю, – я кивнул, чувствуя, как где-то в груди расплывается холодное, липкое волнение. Вот и истекло, по сути своей, время, отведённое на самоподготовку. В пути учиться будет не так удобно, да и, если честно, я предпочту хорошенько выспаться. – Можешь идти.

Девушка исчезла так же стремительно, как и появилась.

Я же убедился в том, что на катализатор скачалась вся собранная библиотека нужной мне литературы, включая техническую, и отсоединил кабель, соединяющий браслет и компьютер. Выключил последний, не забыв удалить с рабочего стола всё лишнее – незачем было следить тем, что мне потом уже не пригодится.

Ещё раз окинул себя взглядом, проверяя, что ничего не забыл.

Взял в руки книгу – «Эрикс-искусства: воображение как основа», которую так и не дочитал из-за её «углубляющей», а не «расширяющей» направленности. Лишней она не будет, и в академии, смею надеяться, появится возможность почитать.

«Вот и всё, видимо. Можно прощаться с домом, в котором я так толком и не успел освоиться. Но если я сюда вернусь, клянусь – заменю всё, и в первую очередь проклятый диван».

Ну а ровно в пятнадцать ноль ноль я стоял у главного входа в поместье, глядя на... экипаж, если это можно так назвать.

Он напоминал старомодный автомобиль, тарахтящий и пышущий паром из многочисленных труб. Но при этом он был запряжён лошадьми, а роль водителя выполнял кучер, орудующий, помимо вожжей, несколькими рычагами. Назначение, механика и смысл сего порождения сумрачного инженерного гения оставался для меня загадкой, да я и не стал забивать себе голову лишними размышлениями.

Просто распахнул дверцу с гербом Лазарей, и забрался внутрь, устроившись на жёстком, обитом тканью сиденье. Дверца закрылась за мной с глухим стуком, моментально отрезав все звуки извне – как минимум, качество сборки экипажа соответствовало статусу рода.

За окошком силуэты зданий поместья быстро сменились каким-то лесом, и я, выдохнув, достал планшет, в очередной раз принявшись перечитывать конспекты.

«Вокзал. Поезд. Сант-Море. Академия. Экзамен. Пять пунктов. Такая мелочь, право слово. Зато потом можно будет пожить в своё удовольствие, без борьбы за каждый вдох, без болезненных откатов ядра... нужно всего лишь сдать этот чёртов экзамен».

И, говоря об этом постфактум, я никогда ещё не ошибался так сильно, как получилось с моими наивными, слепыми надеждами на лучшее...

## Глава 6. Странный, дивный, новый мир.

Вокзал Тиреж-Града встретил меня гвалтом, застилающим небо паром и стойким запахом угольной гари, осевшей в лёгких задолго до появления на горизонте этого самого вокзала.

Я вышел из экипажа, сходу отметив две вещи: в новом для меня мире технологический прогресс, похоже, в некоторых областях действительно встал намертво, а вопрос разделения на «верха» и «низа» встал куда острее, чем думалось по статьям в сети.

Поезд, который должен был доставить меня в Сант-Море, уже стоял у перрона, выпуская клубы перегретого пара. Его дизайн был насквозь пропитан стариной: массивные колёса, медные кожухи агрегатов, угловатость и большая паровозная труба, уходящая в небо.

Никакой аэродинамики или привычной мне плавности линий. Сплошная функциональность обшитого деревом механического монстра, который выглядел так, словно его спроектировали ещё до рождения моего деда.

«Стагнация», – подумал я, поправляя воротник дорожного костюма, куда более свободного, чем обычный. – «Эрикс-искусства, доступные каждому, просто вытеснили всё остальное. Классическая инженерия стала не нужна, или её старательно задушили, чтобы не расшатывать сложившиеся устои».

Пройдя дальше по перрону, я остановился у кованого фонарного столба, задрал голову к небу. Там медленно плыла махина дирижабля – огромного, сигарообразного, с гондолой, утыканной иллюминаторами и усеянной винтами.

Двигался этот гигант бесшумно, почти величественно. Герб Империи на корпусе был огромным и ухоженным, отчётливо «читающимся» с земли, а блеск отполированной меди, на которой у местных был какой-то нездоровый фетиш, ненавязчиво намекал на то, что люди, вероятно, считают этого «короля неба» вершиной прогресса.

В то же самое время моя память услужливо подсказывала, что дирижабли – это тупик.

Красивый, пафосный, но всё-таки тупик...

– Молодой человек, посторонитесь!.. – Я резко дёрнулся назад, позволяя капле под одеждой растечься по всему корпусу.

Зря: мимо, толкая перед собой огромную грохочущую тележку, гружёную ящиками, пронёсся усатый мужчина, на ходу приподнявший кепи в знак благодарности моей расторопности... и из-за этого едва не наехавший на другого бедолагу, отреагировавшего на сий казус отборной руганью.

– Идиота кусок! Смотри, куда едешь, чернь!..

«Что же с этим миром не так?» – пронеслась мысль одновременно с тем, как капля металла сжалась в точку у груди под рубашкой, а взгляд скользнул с перрона чуть дальше, к зданию вокзала.

Туда, где у специальных ограждений в низинах толпились люди, провожающие своих господ или пришедшие тупо поглазеть на чужую жизнь.

Пресловутая чернь, выглядящая так, словно всех их выдрали прямо с гравюры века так девятнадцатого: засаленные кепи, грубые рубашки с подвёрнутыми рукавами, у девушек юбки до щиколоток или закрытые платья, латанные-перелатанные платки. У многих недоставало зубов, а дети даже издали виделись мне образчиком того, как не должно быть ни при каких обстоятельствах.

«Классовое расслоение, возведённое в абсолют. То, с чем покончили революции моего мира, здесь цветёт и пахнет. Эрикс-искусства – магия по своей сути, величайшее благо. Но к чему привело распространение этого блага? Качество жизни людей здесь до сих пор делится по кошельку и крови. Даже промышленной революции – и той не дали «зелёный свет». И чтобы докопаться до истинных причин, наверняка нужно постараться. Как и везде. Как и всегда».

Я отвернулся, подавляя неуместную сейчас рефлексию. Вздыхнул, подняв руку и бросив взгляд на часы. До отправления сорок минут. Поезд откроет свои двери только через десять.

«Моё драгоценное время утекает сквозь пальцы. Но будем честны: взглянуть на мир вот так, своими глазами, полезно. В интернете всё виделось не настолько ужасным».

Поведа плечами и размяв шею, я по старой привычке потёр переносицу. Отсутствие очков напрягало почти физически, но молодым глазам они были без надобности.

Снова вздохнув, я двинулся к вагонам знати.

Для «нас» выделили парочку отдельных, ухоженных и красивых, у самой «головой» поезда, в то время как обычные пассажиры толпились в хвосте состава, у вагонов, выглядящих не столь притягательно. Не развалюхи, конечно, но старая древесина, всякое повидавший металл и зарешёченные окна... не впечатляли, скажем так.

Именно в этот момент меня и окликнули.

– Лекс! – Звонкий, знакомый голос вынудил меня обернуться.

«Она-то здесь откуда?».

Алисия бежала ко мне, лавируя между носильщиками и дорожными сундуками, порой выставленными в ряд на манер баррикад. На девушке было простое, но опрятное платье цвета утреннего неба. Светлые волосы собраны в тугий хвост. Никаких служанок, никакого багажа – только небольшая сумка через плечо и браслет на запястье, попроще моего.

– Алисия, – я кивнул, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Улыбнулся. – Какими судьбами?..

Она остановилась передо мной, оперев руки в бока. Её глаза прищурились, и в их небесной голубизне промелькнул укор.

– Ты что, забыл? – В её тоне смешались удивление и обида. – Я же говорила тебе месяц назад, что подала документы на общих основаниях. Что буду пробовать. Ты тогда ещё сказал... – Она запнулась. – Сказал, что я зря трачу время. Что простолюдинке в Академии делать нечего... но я всё равно решила. Вот.

«Всё-таки простолюдинка. А я уж подумал было... Но, видимо, «слоёный пирог» имени Империи устроен куда сложнее. Учтём. И это, и то, что старый Лександр знал о намерении подруги».

– Извини, – сказал я, чуть склонив голову. – Много из того, что я говорил раньше... забудь. Я был идиотом.

Алисия моргнула.

– Ты правда изменился, – повторила она свою вчерашнюю фразу точь-в-точь. Но теперь не удивляясь, а как бы подводя итоги. – Я рада, Лекс. А ты тоже на этом поезде, да? Я в пятом вагоне, четвёртое место...

Она бросила мимолётный взгляд на красивые вагоны аристократии, но быстро, словно испугавшись этого, вновь посмотрела на меня снизу вверх.

– Пятый вагон... – Настала моя очередь смотреть на «не свой» вагон. Раз, два, три, четыре, пять. Обшарпанное нечто, у которого толпилась неприятного вида толпа, не внушало мне доверия ни в каком смысле.

«Проклятье. Я могу пожалеть об этом. Но, с другой стороны, социализация тоже нужна. И Алисия для этого подходит прекрасно. Не с аристократами же наводить мосты, едва понимая, что происходит вокруг? Тем более, что распорядитель Лазарей по старой памяти выкупил целое купе. Да, решено».

– Пятый вагон, – повторил я снова, стараясь, чтобы голос звучал с лёгким пренебрежением. Неприятно, но для естественности придётся побыть «аристократишкой». – Это в хвосте? Там же наверняка даже нормальных мест нет...

Алисия пожала плечами.

– Конечно есть, Лекс. Просто они... ну, не такие, как у вас. – Она кивнула в сторону головы состава, где ухоженные вагоны знати сверкали лакированными боками и начищенной до блеска медью. – Но я не жалею. Главное – доехать. А там, если повезёт поступить, академия предоставит общежитие...

Я медленно и задумчиво кивнул. Простолоюдинка, которая сама, без протекции, без денег и связей собралась штурмовать Первую Академию. И всё это в мире, где классовые перегородки вырублены из гранита.

«Её упрямство нельзя недооценивать. И мыслит она верно. Возможно, для Алисии это действительно единственный способ подняться выше. Ну, ещё замужество, конечно, но шансы не остаться в дураках там ещё ниже».

Выдохнув, я смерил её внимательным взглядом. Прищурился, чуть улыбнулся:

– Знаешь, я думаю, мироздание не треснет, если ты решишь прокатиться с комфортом. Вряд ли кто-то решит спорить с тем, у кого выкуплено всё купе. Поедешь со мной?

– Лекс, ты... Там же только для аристократов. Меня просто не пустят, даже с тобой...

– За спрос не бьют в нос. Идём.

Забирать из поклажи у Алисии было нечего, так что я, подождав, пока девушка поравняется со мной, просто двинулся к своему вагону.

К этому моменту проводник как раз начал пускать людей внутрь, и первая партия знатных особ успела рассосаться по своим купе: их было слишком мало, чтобы образовалась пробка вроде той, что была у каждого входа в «дешёвые» вагоны.

– Господин... – Проводник в чистенькой и опрятной форме глубоко поклонился, принимая у меня из рук билет с золотым тиснением. Он пробежался глазами по тексту, переведя взгляд на Алисию. Открыл рот, но я успел первым.

– Девушка со мной.

Секунда, вторая. Много времени на размышления проводнику не потребовалось, и он вежливо улыбнулся:

– Конечно, господин Лазарь, – щёлкнув механизмом чисто формально присутствующего тут «а-ля турникета», мужчина опустил голову. – Прошу. Ваше купе – третье по счёту. Номер семь.

– Благодарю.

Я зашёл в вагон, подав руку Алисии, и из «предбанника» мы в два шага оказались посреди коридора, обтянутого тёмно-бордовым бархатом. Латунные ручки дверей купе блестели, ковры глушили шаги, а подвязанные золотистыми бечёвками занавески колыхались от лёгкого сквозняка.

Тут даже воздух казался другим – пахнущим не углем и паром, а деревом и едва уловимым ароматом дорогого табака.

– Ничего себе, – выдохнула Алисия за моей спиной. Я обернулся: она крутила головой, пытаясь объять необъятное. И это при том, что в поместье Лазарей она явно была частой гостьей. – Здесь всё так... Так по-вашему, Лекс.

– Аристократы – те же люди, – я хмыкнул, двинувшись вперёд. – Только денег побольше будет. Ну ка, что тут у нас...

Я открыл дверь купе номер семь, пропустив вперёд Алисию. Мимолётно огляделся – и шагнул следом, сразу закинув чемодан наверх, и усевшись на одной из полок.

Всего их тут было две, и обе – нижние. Посередине выпирал складной столик из полированного дерева, плавно перетекающий в раму массивного двухслойного окна, украшенного бронзой. В углу у двери обнаружился крошечный рукомоёйник, а сверху, под потолком, полки для багажа.

Небольшие, ведь аристократы с собой баулов не носят.

«Для мира, где технологии отчасти застыли на уровне пара и меди, более чем достойно» – подвёл я промежуточный итог, с улыбкой наблюдая за Алисией.

Она была забавной: шепутная, немного наивная, пышущая интересом. Для её лет это было совершенно нормально, а вот во мне сейчас попытался поднять голову старый дед, умиляющийся «внучке». И противостоял ему некто куда более молодой, задерживающий взгляд совсем не там, куда положено смотреть в приличном обществе.

– Лекс, – наконец, подала голос девушка. – Ты уверен, что тут никого не будет? В смысле... твоих знакомых?

– В купе-то? – я качнул головой. – Распорядитель выкупил его целиком. Для меня одного. Так что – да, мы одни. Располагайся поудобнее, ехать почти девять часов. И если всё это время ты будешь сидеть, как на иголках, то я выпрыгну из поезда на первой же остановке.

Алисия фыркнула, но плечи её чуть расслабились, а бледность на лице сменилась здоровым румянцем. Она откинулась на спинку полки, бросив взгляд в окно, где перрон всё ещё кишел людьми, провожающими и отбывающими.

– Раньше ты бы ни за что не предложил мне ехать с тобой... – произнесла она задумчиво. – Это ведь неправильно. Мне об этом ещё твоя матушка говорила...

– Я не в том положении, когда «правильно» или «неправильно» значат хоть что-то. Хуже обо мне думать уже невозможно. Или ты за свою репутацию боишься? – я улыбнулся, чуть наклонив голову.

– Лекс! – возмущение в её голосе проскользнуло самое что ни на есть искреннее, а краснота на лице говорила сама за себя. – Не болтай глупостей! Никто не станет всерьёз рассматривать аристократа, который слишком близко подпускает чернь. Никто. И если ты в академии будешь со мной возиться... В общем, будет плохо.

«Любопытно. Даже по тону её голоса понятно, что предпоследняя фраза Алисии не принадлежит. Цитата моей дражайшей матушки, вбившей это «подруге сына» в голову? Очень вероятно».

– На месте разберёмся, Алисия. Не беспокойся об этом, – я повёл плечами, уткнувшись затылком в стык оконной рамы и стены купе.

Девушка посмотрела на меня долгим взглядом, в котором сомнение смешалось с надеждой. Но спорить не стала.

Лишь кивнула, как бы на время смирившись с моей позицией.

А поезд тем временем оживал. Хлопали двери, пассажиры сновали туда-сюда, кто-то ругался из-за багажа, кто-то громко смеялся, встречая старых знакомых. Слышимость, вопреки статусности вагона, была недурственной, так что я волей-неволей, а начал различать обрывки разговоров:

– ... говорят, в этом году сам Император будет на экзаменах?..

– А то ж. Сын у него поступает, вот он и...

– Типун тебе на язык! Императорская семья – не тема для обсуждений... в таком месте. Тут же стены из фанеры!

Я перевёл взгляд на Алисию. Она тоже слушала, чуть наклонив голову и хитро прищурившись.

– Ты что-то знаешь об этом? – спросил негромко.

Она кивнула, понизив голос до шёпота:

– В этом году действительно поступает один из сыновей императора, Александр. И его кузина, Виктория. Я слышала, что из-за этого в академии будет ещё больше охраны, а число мест для поступающих на общих основаниях снизили вдвое...

– Сын Императора... – я задумчиво постучал пальцем по подлокотнику. Александр... так вот, кто из моего имени первую букву спёр. – Значит, в этом году Академия будет особенно... интересной.

«Если пришлось наращивать охрану, то или это первый отпрыск Императорской семьи в Первой Академии Сант-Море, что маловероятно, или есть какие-то причины для таких действий. Угроза извне или изнутри?».

– Ты даже не представляешь, насколько интересной, – Алисия тем временем улыбнулась. – Говорят, что из-за этого конкурс на место будет в три раза выше, чем обычно. Все хотят попасть в одну группу с Александром... или хотя бы получить шанс с ним пересечься.

«Политика и лизоблюдство. Куда же без них. Даже в мире, где магия стала инженерией, старые игры остались всё теми же. И это хорошо: я худо-бедно, но понимаю правила игры».

Я хотел спросить что-то ещё, но в дверь купе постучали.

Коротко, вежливо, ровно три удара.

– Господа... и дамы, – проводник, тот самый, что встречал нас у входа, заглянул внутрь с подносом в руках. За его спиной виднелась тележка, заставленная тарелками. – Прошу прощения за беспокойство. Могу предложить закуску? Грецкие орехи в соусе. Compliment от железнодорожной компании...

«Орехи в соусе?» – я скосил глаза на тарелку. Выглядело аппетитно, и пахло – тоже. Пряности и что-то сладкое, приторное, под стать продукту...

– Благодарю, – Алисия, не дожидаясь моего ответа, взяла протянутые пару чашечек. – Очень мило с вашей стороны.

Проводник поклонился, оставив поднос на столике, и так же бесшумно исчез. Я же, дождавшись, пока шаги удалятся, прищурился:

– Ешь, но осторожно. Мало ли.

– Лекс, ты параноик, – усмехнулась девушка, забросив в рот покрытый соусом орешек. – Если где-то и можно не опасаться дурно приготовленной еды, то только в поездах аристократов. Везде же пишут об их особенном статусе! Это чуть ли не филиалы поместий знати, но на колёсах!..

Я же выдохнул, вынужденно признав её правоту:

– Ты права. Просто... перенапрягся за последние дни. Я и спать-то планировал тут, по пути в академию и в перерывах между практикой. Чтобы время зря не терять... – выложив этот прискорбный факт, я потянулся к вазочке с орешками.

Закинул один в рот, хмыкнув: сладость получилась действительно хорошей. Характерный привкус грецкого ореха оттенял тянущийся соус, в котором явно отметился мёд и какие-то незнакомые мне специи.

Впоследствии мы поговорили ещё около часа – о пустяках, о будущей учёбе, об аристократах. Также я выпросил у Алисии демонстрацию её практических навыков, дав несколько советов, которые, несмотря на первоначальный скепсис девушки, ей сильно помогли: вместо шести нестабильных объектов она теперь неплохо держала все семь.

Десятилетия преподавания не прошли для меня даром, и слабые места в навыках простюдинки, которая вынуждена была тренироваться самостоятельно, я выявил моментально.

«А если освоит всё то, что я ей насоветовал, то твёрдая семёрка получится. А это – все шансы поступить. Теорию-то она знает, я даже не сомневаюсь в этом».

Разговор прервался, когда дверь купе снова открылась – и на этот раз без стука.

На пороге стояли двое. Светловолосый юноша моих лет в идеально сидящем костюме с незнакомым «морским» гербом, и рыжая девушка, высокомерие которой было видно по одному лишь взгляду почти чёрных, прищуренных глаз.

– Лександр Лазарь, – юноша прищурился, окинув меня взглядом с головы до ног. – А я думал, ты решил не ехать. Завязал с развлечениями?

– Слухи о моих проблемах несколько преувеличены, – ответил я, не вставая. – А вы... С кем имею честь?

Девушка фыркнула. Парень усмехнулся, но представился:

– Виктор Шталь. А это моя кузина, Эльза. Лександр, мы учились вместе на подготовительных курсах четыре года назад. Неужели алкоголь вымыл из твоей головы даже это?

«Дерзит, молодец какой. Обиделся, что ли? Но так даже проще».

Фамилия была мне знакома. Один из младших домов «Первой сотни». Конкуренты Лазарей в производстве катализаторов среднего класса, но со специализацией на вооружениях. Локальные недруги, но без открытой конфронтации, если верить открытым источникам.

– Четыре года – большой срок, – я позволил себе лёгкую улыбку. – Кто-то забывает имена, кто-то – правила приличия.

– Оно и заметно, – Эльза, до этого молчавшая, скользнула взглядом по купе, задержав его на Алисии. – Всё ещё таскаешь за собой... эту? – Она кивнула на девушку, вложив в эти слова столько презрения, сколько только могла.

Я нахмурился. Алисия побледнела, но промолчала. А во мне что-то щёлкнуло – не злость и не вскинувшиеся было гормоны молодого тела, а твёрдое нежелание мириться с тем, что об Лександра Лазаря все вокруг привыкли вытирать ноги.

«Если начинать работать на образ, то заранее. Да и несолидно это – выслушивать всякое от сопляков, которые слишком много о себе возомнили».

– Эльза, – я произнёс её имя, словно пробуя его на вкус. – Думаю, мы с Алисией закроем на твою грубость глаза, если ты извинишься. Искренне.

Девушка моргнула. Видимо, не ожидала такой реакции от человека, которого все привыкли считать слабаком и размазнёй.

– Я? Извинюсь? Перед... ней?

– Или так, или я попрошу вас покинуть купе, Шталь, – я окинул их взглядом. Ни сама эта Эльза, ни Виктор не выглядели раскаивающимися. Скорее удивлёнными и недовольными.

«Даже удивительно, как простолюдины ещё не подняли местную знать на вилы. Или это мне «повезло» наткнуться на эталонные образчики гордыни? Кто б знал. Но мимика у них богатая. Не как у толстяка, но тоже ничего».

Наконец, затянувшаяся пауза была разорвана.

Не Алисией, хоть я и опасался, что она попытается сгладить углы. А Эльзой, которая, шумно выдохнув ноздрями и побагровев, просто развернулась и вынырнула в коридор, напоследок бросив:

– Ну и возись со своей грязью, Лазарь! Всё равно тебе недолго осталось!..

Виктор, обернувшись кухне вслед и открыв рот, ничего не успел сказать прежде, чем та хлопнула дверью одного из купе. Тихо чертыхнувшись, он медленно обернулся к нам, переменялся в лице и, облизав губу, убрал руки за спину, неглубоко поклонился:

– Мне жаль, что Эльза так себя повела. Я надеюсь, Лександр, ты... проявишь к ней толику снисхождения. Девушки... – последнее слово было сказано им так, словно оно оправдывало вообще что угодно. – Прошу меня простить.

Виктор покинул купе, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Лекс, – Алисия тревожно дёрнула меня за рукав. – Ты... зачем так? Они же обозлятся теперь...

– Виктор выглядит достаточно адекватным, – я отмахнулся. – А Эльза... Она поняла, что ты со мной, и не будет делать ничего безрассудного. Если что – просто скажешь мне...

– Мне бы твою уверенность, Лекс, – девушка покачала головой, повернувшись к окну. – Но спасибо. Ты так не делал уже три года...

«Элиана Бергван. Розалия. Теперь ещё и Шталь. Список потенциальных недругов растёт быстрее, чем список знакомых. М-да, тяжёлый он, путь реабилитирующегося перед обществом падшего аристократа... Но не мне жаловаться» – промелькнула мысль перед тем, как я опустил веки, вновь уткнулся затылком в стык окна и стены и позволил себе расслабиться.

Не успев задремать, встал, опустил щеколду на двери купе и вернулся на своё место. И только тогда, мазнув взглядом по Алисии, вооружившейся стареньким планшетом, начал погружаться в сон.

За окном проплывали леса, поля, редкие деревеньки с аккуратными домиками и неизменными шпилями церквей, таких знакомых, но вместе с тем чем-то отличающихся от мне привычных. Поезд мерно покачивался, убаюкивая.

Тело требовало отдыха – последние двое суток вымотали меня всесторонне. Но окончательно себе заснуть я позволил лишь спустя полчаса, закончив анализировать последние события и подводить «итоги дня».

Потому что в следующий раз я намеревался проснуться только через восемь часов, уже прибыв в Сант-Море...

Тишину разорвал оглушительный взрыв.

## Глава 7. Его Величество Случай.

Тишину разорвал оглушительный взрыв.

Я очнулся в тот же миг, когда неведомая сила швырнула меня с полки. Рефлексы, отточенные за десятилетия, сработали раньше, чем сознание успело осознать угрозу. Плёнка жидкого металла, «уснувшего» под одеждой, выстрелила наружу, формируя жгуты, пробивая стены купе и фиксируя меня в пространстве.

Вагон кренился влево, а девичий вскрик, последовавший с запозданием, заставил меня подобраться и подхватить упавшую на пол Алисию прежде, чем нас снова тряхнуло. Мой дорожный чемодан, не иначе как заговорённый, попытался обрушиться сверху, но жидкий металл подхватил его и вжал в угол, безбожно смяв содержимое.

Разум фиксировал всё происходящее вокруг, закономерно реагируя: состав сошёл с рельс, но на небольшой скорости.

«Три последовательных взрыва. Слишком чётких взрыва. Котельная так взорваться не могла. Плохо...».

– Алисия, открой глаза! – я встряхнул зажмурившуюся девушку. – Выходим, живее!

Щеколду с двери я просто снёс, вылетев в коридор с Алисией на руках. Жгуты металла послушно впивались в стены, полы и потолки, позволяя уверенно стоять тряске вопреки. Вагон всё ещё двигался, дрожал и качался из стороны в сторону, грозя в любое мгновение рухнуть на бок.

Не переставая сдавленно ругаться, я точечно выбил одно из стёкол, вытолкнув осколки наружу...

И именно в этот момент среди грохота и треска слух вычленил звуки выстрелов.

– Проклятье...

– Лекс, ч-что происходит?! – прошептала Алисия, вцепившись в ворот моей рубашки.

– Нападение, – коротко ответил я, выглянув в выбитое окно перед тем, как занавесить и его. Лес, от края до края. И полсотни метров до первых деревьев. – Террористы или ещё кто. Сядь на корточки, голову не поднимай...

Нам повезло со временем суток – вечером занавески проводник предусмотрительно опустил. Но плотная ткань – не панацея, и через неё всё ещё можно было стрелять.

«А быстрее пули я думать пока не научился».

Я присел у окна рядом с Алисией, обмозговывая ситуацию.

Снаружи – лес, в котором можно хоть десяток бронемашин спрятать, и чёрта с два я их сходу увижу. Бегство? Как вариант. На шупах, при желании, я даже с Алисией в качестве ноши смогу развить большую скорость, растворившись в темноте.

И обеспечив нам безопасность тоже – ртуть, при должном объёме, выдержит попадание из чего угодно. А объёмы, как показала практика, мне были подвластны огромные.

Сотни тонн ртути – хоть на танковую дивизию в чистом поле выходи.

«Вот только тут каждая собака – с эрикс-искусствами. И я понятия не имею, что с ними могли придумать реальные вояки, и не продырявят ли нас насквозь вместе со всем моим металлом. Ещё и это странное ощущение... откат? Пока непонятно».

На всё про всё с момента взрыва ушло с десятков секунд, а из других купе уже начали высыпаться люди. Кто-то кричал и звал на помощь, кто-то просто орал или визжал, но были и незнакомцы, присутствие которых показалось мне нелишним.

– Лазарь? – Подтянутый и незнакомый мне брюнет сжимал в правой руке катализатор типа «пистолет» с трёхгранным стволом и массивным вычислительным блоком. На левой у него уже раскрылась объёмная металлическая конструкция, считывающая каждое движение пальцев, и позволяющая вводить комбинации жеста, «хоткеями». Правда, из-за тряски он

этот конструкт постоянно сворачивал, пытаюсь удержаться на ногах. – А ты время-то не терял, я посмотрю...

Его взгляд скользнул по моим жгутам ртути, благодаря которым в момент очередной попытки вагона ухнуть в бездну я даже не дёрнулся.

– Дима, заткнись! – Следом за брюнетом в коридор выбралась растрёпанная и очень злая мелкая брюнетка, вцепившаяся в браслет на запястье. – Это теракт! Матушка линчует каждого, кто это допустил!..

– Я вижу, Лиза, прекрасно вижу! – огрызнулся брюнет, наблюдая за тем, как в коридор высыпают Виктор, Эльза и ещё прорва аристократов. Не только молодёжь – были тут и взрослые, и дети. Провожающие своих отпрысков в академию, или просто оказавшиеся здесь по несчастливой случайности. – Держись за что-то!

Его предупреждение оказалось весьма своевременным: поезд всё-таки не удержался, и, кренясь ещё сильнее, окончательно слетел с путей, начав уходить в сторону.

Тяжёлые вагоны аристократии, сцепившись буферами, пока не переворачивались, но это всего лишь вопрос времени.

От ухода в кювет нас уже ничего спасти не могло.

«Гравитация, бессердечная ты сука!» – пронеслась в голове мысль одновременно с тем, как паникующие люди начали заваливаться обратно в свои купе.

Стены стремились занять место полов, а коридор стремительно превращался в Ад.

Аристократы, совсем недавно представляющие собой «цвет нации», теперь визжали, толкались, пытались выбить окна или забиться в угол – кто на что горазд. Лишь немногие вооружились катализаторами, с трудом удерживая равновесие и прислушиваясь к пальбе. Грохотало снаружи и, кажется, в стороне «бедных» вагонов.

Одиночные залпы, взрывы, длинные очереди со странным электрическим свистом – что вообще из себя представляли военные в этом мире? Я не знал. Не мог знать, потому как не успевал впихнуть в голову всё необходимое.

Вероятность того, что Его Величество Случай столкнёт меня лоб-в-лоб с террористами или диверсантами была настолько мала, что я её даже не рассматривал.

«Постфактум – зря. Но потом об этом».

– Алисия, – я встряхнул девушку. – Вставай на ноги. Я не могу держать тебя вечно. Слышишь?

– Д-да, прости... – Алисия, вдохнув шумно, попыталась встать. С переменным успехом: ей приходилось держаться за меня, потому что наш вагон уже накренился градусов на сорок, и вот-вот должен был просто рухнуть на бок.

– Лазарь! – Дмитрий окликнул меня, глядя за тем, как самые отчаянные люди выбивают стёкла и на ходу выпрыгивают наружу. Но его взгляд нет-нет, да падал на мои металлические жгуты. – Если нападающие продвигаются от вагонов черни, то тут скоро станет жарко!

– Твои предложения? – я обернулся к парню. – Выходить на улицу нельзя. Лес, темнота. Нас перестреляют, как куропаток...

Брюнетка, та, которую Дмитрий назвал Лизой, оскалилась:

– Предлагаешь сидеть и ждать, пока нас всех вырежут?!

– Я не сказал «сидеть и ждать». – Я отпустил Алисию, убедившись, что она крепко стоит на ногах. Вновь выпрямился, уменьшил число жгутов до минимально-необходимого и, игнорируя злые взгляды кузины Виктора, держащейся за рассечённый лоб, кивнул в сторону вагонов простого люда.

– Все, кто может использовать катализатор для защиты, должны быть готовы. Я предлагаю продвигаться не «от» врага, а «к» нему. Дима? – я перевёл взгляд на того, кого счёл наиболее профессиональным, если так можно было сказать о юноше «моих» лет. – Повторюсь. Твои предложения?

– То же самое, – он дёрнулся, когда вагон наконец застыл на месте, и накренился ещё немного. – Только дождёмся, пока вагон рухнет...

Я кивнул, приняв во внимание его слова:

– Бери на себя всех, кто в стороне локомотива. Я займусь остальными, – я отвернулся от парня, на шупах двинувшись по вагону. Повысил голос. – Всем заткнуться! Собраться! У нас нет времени! Готовьтесь к тому, что вагоны опрокинутся! Распределиться по коридору, не сидеть друг у друга на головах! Кому я говорю?! Встать!

Я подцепил Эльзу за локоток, подняв её на ноги. Виктор последовал её примеру, хоть и зыркнул недовольно. Следом за ними моему приказу подчинились и остальные. Тем более, что позади уже Дима делал ровно то же самое, заставляя испуганных несчастных принять хоть какое-то подобие строя.

– Лекс, – Алисия, умудрившаяся не отстать, дёрнула меня за рукав. – Ты... ты хочешь спасти всех? Их слишком много!

Я посмотрел на неё. На лицо с чуть потёкшей косметикой, на дрожащие губы. На то, как она вцепилась в свой старенький браслет, выбрав в том примитивную материализацию в надежде сделать хоть что-то, когда прижмёт.

– Алисия. Твоя задача – держаться рядом со мной. Если я скажу бежать – ты бежишь, не оглядываясь. Поняла?

– Но...

– Поняла?!

Она кивнула, сглотнув и слегка отпрянув.

А звуки стрельбы, тем временем, раздавались всё ближе и ближе. Вместе с этим на нас надвигался топот множества ног. Не только аристократов из соседнего вагона – тех было банально не так много, как спасающихся от террористов простолюдинов.

«И все они бегут сюда, к «голове» поезда. Локомотив, скорее всего, уничтожен. Толпа просто зажмёт нас здесь, лишит манёвра, и мы все ляжем ни за что. Проклятье...».

Я приблизился к выбитому окну, создав снаружи россыпь зеркал. Уткнулся в них взглядом, вращая знакомую конструкцию и собирая информацию.

И первым делом в глаза бросилось, что вышедшие наружу люди пока были живы. Но не факт, что их не держат на прицеле, чтобы мы расслабились.

«С другой стороны, почему нет ударов по нашим вагонам? Если цель – убить пассажиров, то проще всего было бы просто нас всех тут взорвать. Хотят набрать заложников? Это больше похоже на правду».

– Ты! – я обернулся к кухне Виктора, повысив голос так, чтобы точно получить на него ответ хоть от кого-то. – Кто самый знатный в поезде?! Живее!

Надувшаяся от возмущения, девушка, тем не менее, вместо ругани ответила вполне конкретно:

– Семья новоявленного графа Сориар, Лазарь. Мог бы и осведомиться об этом заранее, грубиян!

Я кивнул, отыскав взглядом богато одетую женщину со жмущимися к ней детьми. Она сжимала в руке катализатор-жезл, с тревогой глядя в сторону приближающихся террористов. И, кажется, именно она организовала экспансию из соседнего вагона – с ней была пара вооружённых юношей, которые выглядели так, словно готовы грудью закрыть госпожу.

«Правда, на бойцов они ни разу не похожи. Плохо. Времени мало, нормальный план не составить».

Вокруг нас был лес, густой и непролазный. На его краю я, пуская во все стороны автономных светлячков, не видел никого и ничего – ни техники, ни людей. Зато тела мужчин в форме охраны транспортной компании, как и трупы кого-то ещё, у вагонов простолюдинов заметил сразу.

«Что тогда? Взять в охапку Алисию, пару самых боеспособных аристократов и проваться через лес подальше от железной дороги. Там, в темноте, затеряться, дожидаться рассвета и выйти к людям. Цинично, жестоко, эффективно и вполне надёжно. Но...».

Одно большое «но», заставившее меня поморщиться. Дети. И тот факт, что самые боеспособные аристократы были куда правильнее меня, и явно собирались защищать их даже ценой своих жизней.

Я никогда не считал себя добряком. В прошлой жизни я не заходил слишком далеко по тропе серой морали, но и не спасал котят из горящих домов, не раздавал милостыню нищим и не скорбел над каждым преждевременно погибшим по моей вине.

Я был учёным, исследователем, преподавателем и магом до мозга костей. Холостяком и эгоистом, идущим тропой эскапизма. А здесь...

– План меняется, – я прорвался к Дмитрию, который уже вернулся в середину вагона. – Тут вот-вот начнётся толкучка. Выбора нет, нужно выходить наружу.

– Мы там как мишени...

– Нет выбора! – я огрызнулся. – Сейчас сюда наломится сотня с лишним паникующих идиотов. Мы или косим всех подряд, или рискуем пропустить среди них врага. Или уходим, прикрывшись туманом.

– Туманом? – он вскинул брови. – Один справишься?

– Да. Думаю, да. А если не выйдет, то пойдём напролом. Но мне нужно немного времени. Я создам туман вдоль ближайших вагонов. Плотный настолько, насколько смогу. Ты прикрываешь отход вместе со всеми, кто может держать защиту, любую. Лиза, – я повернулся к брюнетке, – ты берёшь графиню и контролируешь гражданских. Алисия... – я бросил взгляд на девушку. – Держись за Лизой. Лиза, доверяю её тебе.

Брюнетка, замешкавшись на секунду, кивнула. Умница. Сразу всё поняла.

– А ты? – В отличие от Алисии, снова вцепившейся в мой рукав побелевшими пальцами.

– Я – арьергард. Кто-то должен их задержать. Хотя бы ненадолго. – Будь иначе, и их действительно перебьют.

Не верю я в боевые способности вчерашних школьников и их обрюзгших родителей.

– Это самоубийство, – подала голос Эльза. И в её голосе я впервые услышал не высокомерие, а страх. – Ты не сможешь один...

– Смогу или нет – не твоя забота. – Вагон снова качнулся, и начал стремительно заваливаться на бок. – Держитесь!..

Удар, гулкий и пробирающий до костей, свалил с ног практически всех, кроме меня, Алисии и ещё нескольких людей.

Вагоны дружно рухнули, дав сигнал к началу эвакуации.

– Лазарь, действуй! – Дмитрий, заперев дверь, ведущую в соседний, уже опустевший вагон, до белизны сжал рукоять пистолета и сделал пару «выстрелов» по петлям, расплавив их.

«Не очень-то он в меня верит. Но я могу его понять».

– Не дёргаться! – сконцентрировавшись, я сформировал из ртути несколько «скальпелей», начав быстро и уверенно вырезать в «стене» подходящих размеров дыру. Скрежет при том стоял такой, что его эхо отдавалось в зубах, а грохот вылетевшей наружу груды металла наверняка привлёк внимание всех и каждого в радиусе километра как минимум. – Стоять! Ещё не всё!..

Я потратил несколько секунд на то, чтобы вообразить и материализовать снаружи сферу напитавшей воздух влаги – и с гулким хлопком нарушить её структуру.

Белое марево, плотное, вязкое, поглощающее звуки и искажающее свет, воплощённое в моей голове и проявившееся в реальности, волной хлынуло вдоль состава, за считанные секунды скрыв от наших глаз край леса. Сама завеса получилась небольшой, но нам сейчас должно было хватить и этого.

Я первым выпрыгнул из вагона, преодолев несколько метров. Сосредоточился и, озираясь, опосредованно перенаправил потоки тумана, не давая ему бесцельно растекаться по округе.

Параллельно я старался прикрыть свои тылы ртутью, и высмотреть в темноте врагов, но, кажется, лес был девственно чист и тих.

«Слишком тихо», – пронеслось в голове, когда Алисия, цепляясь за Лизу, скрылась из виду. Все четыре десятка человек из вагонов знати врассыпную двигались в лес, тем самым повышая свои шансы на выживание.

Я же, перенаправляя туман, анализировал ситуацию и понимал, что откат, которого я так боялся, всё-таки был. Только приходил он не из-за использования техник, а из-за воздействия на что-то ещё с их помощью.

Особенно чётко я это прочувствовал, вскрывая вагон и преодолевая сопротивление «настоящего» металла. Ещё и браслет умудрился за секунды выдать два прерывания – я еле успел «пересоздать» технику.

«Вот тебе и бытовая игрушка, будь она проклята» – я мысленно выругался, когда, наконец, случилось то, из-за чего нам пришлось менять план и рисковать.

Толпа простолюдинов, добравшаяся до нашего, последнего перед взорванным локомотивом вагона, моментально создала невообразимую давку, пытаясь выбить заваренную Дмитрием дверь. У них не вышло, и люди спустя считанные секунды полезли через выбитые окна, травмируясь о стёкла и падая, стеная, проклиная всех и вся. Женщины рыдали, мужчины ругались, а детвора вторила этому хаосу многоголосым хором.

А поверх всего этого стелились раскатистые очереди автоматического оружия. Гулкие хлопки больше не раздавались – охрана сделала всё, что могла, выиграв нам эти несчастные пять минут.

«Теперь дело за тобой, «Лекс». Не погибнуть бы героем... В случае такой кончины, если загробный мир существует, меня всё равно засмеют».

– Отойти от стен! – прокричал я перед тем, как вырезать в крыше опрокинувшегося вагона ещё одну «дверь», через которую тут же хлынули люди, сметающие всё на своём пути. – Врассыпную, по двое-трое! Не толпиться, сукины дети!..

На удивление, ругань благодатно повлияла на поведение толпы.

А спустя несколько секунд истерзанный вагон выплюнул из своего чрева усатого «грузчика» с вокзала. Того самого, что толкал тележку с ящиками и едва не сбил меня с ног. Вот только теперь мужчина не выглядел весёлым, безответственным работягой: в руках он сжимал катализатор-винтовку западного образца – изящную, почти тонкую и компактную, с характерными изгибами и дизайном.

– А вот и арис... – хлыст из ртути перечеркнул его шею прежде, чем он успел вскинуть оружие, а последовавшие за ним «контрольные» удары повалили на усыпанную щебнем насыпь изувеченное тело мужчины. Вновь из-за сопротивления и немогкости браслета удары вышли половинчатыми, и вместо аккуратно расчленённого врага я получил абстрактную жертву кровавадного маньяка.

«Плоть сопротивляется сильнее металла. Нужно это учесть и адаптироваться. Это сложно, но возможно».

Мимо всё ещё бежали простолюдины, воюющие и паникующие, а вместе с ними из вагонов начали вылезать террористы, увлечённые отстрелом беззащитных гражданских.

Они, вырезав охрану, уже не ожидали встретить серьёзное сопротивление, и потому в первые пол-минуты я убивал их, как свиней на бойне.

Один, три, пять – первая «партия» ничтожеств, коим сунули в руки катализаторы и объяснили, что воображать и как целиться, даже не поняла, что их убило.

– Окружай, окруж... – жгут ртути, следуя заложенной в него «программе», выстрелил на два десятка метров и пробил вагон насквозь, нанизав на себя командира группы террористов, как бабочку на булавку.

– Смерть голубокровным!.. – взлетевший прямо на пути гранаты экран из титана обрушил осколки на голову бросившему её, и неизвестный мужчина затих навечно.

– Достал суку!.. – особенно разрушительный залп с грохотом и дымом прорвался через полуметровый слой ртути, но развалился вместе с остановившей его рельефной структурой из титана.

Но вся слабость одиночных «болванчиков» разбивалась об их количество и командиров, которых я не мог достать с такой дистанции. Они координировали атаки, а катализатор чем дальше, тем чаще сыпал ошибками.

«Ты в середине большого дерьма, Лекс!».

Синхронно из окон вскинулась четвёрка стрелков, а волна ртути, встретившись с первым залпом, воющим от насытившего его электричества, потеряла стабильность. Браслет пискнул и выдал ошибку, прерывая технику и вынуждая меня пересоздавать защиту.

Ртуть, исчезнув и появившись, пропала снова, и этот цикл повторился ещё дважды, трижды, четырежды. И с каждым разом я перехватывал смертоносные сгустки неизвестной природы всё ближе к себе, теряя контроль над ситуацией.

«Чёртовы ублюдки не мажут, что б их!» – сцепив зубы, я рефлекторно махнул рукой в сторону, срубая тонкими жгутами ртути ближайшие деревья. Вековые сосны с треском обрушились передо мной, ворохом поднятого сора и густой зеленью ветвей на секунды лишая террористов возможности в меня спокойно целиться. – «Так дальше не пойдёт. Проклятье!».

Корка льда, по моей воле сковавшая раскалившийся браслет, таяла и шипела, отводя тепло от металлического корпуса. Капли воды стекали на кожу, раздражая свежие ожоги, и от боли перед глазами всё чаще вспыхивали чёрные пятна.

– Лазарь, бегом! Бегом! – голос Дмитрия раздался где-то позади ровно перед тем, как между мной и террористами с грохотом опустилось несколько массивных, одинаковых стальных плит.

Одновременно по траве дугой расплзлось ненастоящее пламя, от которого, впрочем, в небо хлынул вполне материальный и не нуждающийся в поддержании дым.

– Жив, сволочь! – Виктор, высунувшийся из-за дерева, выглядел так, словно только что отмахал с десяток стометровок. Но судя по тону, он вполне себе радовался озвученному факту, а не сокрушался. – Валим, пока целы! Остальные уже речку пересекли, не тормози, Лекс!

– Понял, не дурак, – я развернулся, бегом припустив за парнями, лично подавшими мне пример. За моей спиной всё ещё клубилась ртуть, от запястья пахло горелой плотью и раскалённым металлом, но я всё равно испытывал сейчас невероятное облегчение.

«Дожил, «Лекс». Радует, что на помощь прибыла парочка недорослей. Но будь я проклят, если они не появились очень и очень вовремя».

Но темнота леса сокрыла нас в своих тенях, как родных детей.

Террористы остались позади, а на передний план вышло дыхание, напряжение в мышцах и попытки не убится к такой-то матери среди буераков, сухостоя и оврагов.

«Одно лишь радует – никто и никогда не узнает, что от толпы мужиков с ружьями драпал не бездарный абитуриент, а опытный, горделивый маг» – промелькнула последняя мысль перед тем, как я всецело сосредоточился на беге...

## Глава 8. Надежд наивных позорный крах.

Лес встречал гостей гулкой, первобытной тишиной, нарушаемой лишь нашим дыханием, хрустом веток под ногами, да уханьем недовольных вторжением сов.

Полумрак сгущался с каждой минутой, а кроны вековых сосен смыкались над головой так плотно, что последние отблески заката терялись в вышине. Все звуки извне глушились целиком и полностью, так что даже если нас и преследовали, то мы этого просто не слышали.

Я бежал замыкающим, за Виктором, который, в свою очередь, ступал след в след за прокладывающим дорогу Дмитрием. Ртуть мою спину уже не прикрывала – браслет приказал долго жить уже спустя пять минут бега, но снять его было невозможно.

Кожа под металлическим ремешком и корпусом устройства спеклась, и каждый шаг отдавался в руке тянущей, заставляющей материться себе под нос агонией. Я слабо себе представил, во что превратилось моё запястье под металлом, но приятного было мало.

«Проклятый кусок железа. Надо было всё-таки выделить на эксперименты чуть больше времени. Впрочем, знал бы, где упаду – соломки бы подстелил. Или матрасик...».

– Чёрт! – Виктор споткнулся о корень, но удержался на ногах, вцепившись в ствол ближайшей сосны. Дмитрий притормозил, бросив на нас короткий взгляд через плечо.

– Не расслабляться, Шгаль! Помощи не будет ещё часа два минимум, мы сами по себе. Нужно нагнать остальную группу. Возможно, террористов больше, чем одна группа...

– Я... я в порядке, – выдохнул Виктор, нервно облизывая губы. – Оступился. Бывает. Просто никогда не думал, что мне придётся бегать по лесам... и убивать.

«О нет, только моральных терзаний нам сейчас не хватало».

– Добро пожаловать в реальный мир, дружок, – Дмитрий невесело усмехнулся, размяв пальцы, сжимающие рукоять его боевого катализатора. – Дерьмо не обязательно искать, чтобы оно с тобой случилось. И если ты сейчас распустишь нюни, то шансы всех там... – он кивнул вперёд, – упадут ещё ниже.

Виктор поморщился, сплюнув и вытерев со лба пот:

– Я в норме, Дима, в норме, – из уст вчерашнего мальчишки это звучало не слишком убедительно. – Давай уже, шевелись. Лазарь, ты как?

– Бывало и лучше, – честно признался я. – Но бежать я могу. Помирать-то не хочется...

– Тогда продолжаем, – ёмко бросил Дмитрий перед тем, как сорваться с места.

Мы ринулись следом за ним, напрягая глаза и щурясь: подлесок становился всё гуще, цепляясь за одежду колючими ветками и скрывая под прелой листвой особо коварные ямы.

Я уже дважды едва не вывихнул лодыжку, потому что то ли у тела в принципе координация и физические кондиции оставляли желать лучшего, то ли ранение и бой на пределе привели меня в полную негодность. Мышцы гудели, а держался я на адреналине и чистой воле человека, отказывающегося умирать во второй раз за неполную неделю.

– Стоп, – Дмитрий вдруг вскинул руку, и мы замерли, прислушиваясь.

Где-то справа, в десятке-другом метров, раздался треск – громкий и неритмичный. А спустя несколько секунд перед нами из зарослей вылез огромный лось... который испугался нас больше, чем мы его, и скрылся, издав негромкий, тревожный рёв.

Дима держал его на мушке до самой последней секунды, и выдохнул только тогда, когда шаги зверя окончательно стихли.

– Пронесло, – прошептал Виктор. – Тут до реки немного осталось, наверное.

– Наверное? – Дмитрий хмыкнул, косясь на экран «половинки» своего катализатора на левой руке. – С направления мы не сбились. Но расстояние и время в темноте имеют свойство растягиваться...

– Тогда просто идём вперёд. Или кому-то нужна передышка?

Оба парня на мою реплику лишь помотали головами, и мы продолжили забег, изо всех сил стараясь не навернуться: рельеф пошёл волнами, а света становилось всё меньше. Подсветить себе дорогу мы не могли из-за потенциальных преследователей, так что я в какой-то момент начал с трудом различать даже спины впереди бегущих.

Лес начал расступаться лишь спустя четверть часа, когда вся наша троица уже выглядела так, словно провела в чаще целую неделю, и не далее как час назад боролась за малину с медведем.

Бежать было тяжело физически и морально, а отсутствие доступа к «магии» заставляло меня сжимать всё сжимаемое при малейшем внешнем шуме. Поэтому, когда до моего слуха донёсся едва уловимый гул, я напрягся. Когда он перерос в шум воды – обрадовался.

Ну а когда шум превратился в рокот, переходящий в грохот – грязно выругался, не стесняясь в выражениях.

Потому что река, к которой мы вышли, оказалась шире и быстрее, чем я ожидал.

– И это её форсировали женщины и дети? – я скептически поднял бровь, пытаюсь отдышаться. Подошёл к камням, устилающим берег.

– Элизабет нашла брод. Там мелко, по пояс. Но течение сильное, – пояснил Дмитрий, рукой указав направление. – Нам в ту сторону. Тут должно быть недалеко, если мы не скосили по пути.

– Это обнадёживает...

Вдоль берега пришлось пройти ещё полсотни метров, прежде чем я заметил на другом берегу фигуры людей, жмущихся друг к другу на небольшом каменистом пляже.

– Они даже не ушли вглубь, к деревьям, – недовольно бросил Шталь. – Но нам переходить здесь. Лазарь?

– Я не настолько плох. Но за беспокойство – спасибо. – Я повёл плечами, глядя на два каменистых берега, между которых, вспениваясь на валунах, громыкала река. В полумраке вода казалась почти чёрной, и увидеть дно было попросту невозможно.

«Если тут перебрались хрупкие девушки вроде Алисии, то я-то и подавно не облажаюсь. Главное – не торопиться».

– Лазарь, ты уверен, что сам справишься? – голос Дмитрия звучал напряжённо, но без вызова, без попытки поддеть или оскорбить. Он стоял по колено в ледяной воде, удерживая равновесие на скольких камнях, и явно был готов протянуть мне руку.

В то же время Виктор уже выбрался на противоположный берег, и теперь озирался по сторонам, что-то говоря вцепившейся в него кузине.

– Справлюсь, – буркнул я, покачав головой и шагнув в воду.

Каждое движение отдавалось тупой пульсацией в обгоревшем запястье, но признавать слабость перед этими мальчишками, которые сегодня впервые убивали людей, казалось мне чем-то немыслимым. Это тело было не старше их, но на деле-то за моей спиной тянулись десятилетия опыта.

И гордость – проклятая, въевшаяся в кости гордость старого мага, не позволяющая хвататься за протянутую руку без оглядки на последствия.

Холод обжёг лодыжки, проникая сквозь тонкую кожу дорогих ботинок. Река, только что казавшаяся просто препятствием на пути, теперь ощущалась как нечто живое и враждебное. Течение неоднородными толчками давило на ноги, а камни под водой были скользкими, словно маленький злобный карлик-водолаз перед этим качественно их отполировал.

Я стиснул зубы, сосредоточившись на том, чтобы не рухнуть в воду, и медленно, шаг за шагом двинулся вперёд.

На середине реки вода поднялась до пояса, а ноги начали понемногу терять чувствительность от пробирающего до костей холода. Вода, попадая под браслет, вызывала просто непередаваемую гамму ощущений, но я молчал, прикусив губу и зашипев.

«Ещё и этот спасатель намеренно тормозит и держится рядом. Словно случись что, и он сможет меня подстраховать, а не отправится вместе со мной в плавание в один конец».

– Почти на месте, – бросил Дмитрий негромко, когда до берега осталось всего несколько метров. – Там должно быть мелко.

Я кивнул, не тратя силы на разговоры.

Последний рывок – и я цепляюсь ладонями за шершавые камни, выбираясь на берег. С одежды ручьями льётся вода, а вечерняя прохлада леса проникает под кожу... и снова запястье горит огнём, реагируя на такие фокусы.

Мазнув взглядом по людям на берегу, я нахмурился. Их было меньше, чем ожидалось. Тридцать три человека. Графиня Сориар, всё ещё сжимающая свой жезл, возилась с детьми, не только со своими. Лиза, брюнетка и родственница Дмитрия, о чём-то шепталась с графиней, но, заметив нас, тут же обернулась.

– Вы живы! – выдохнула она с облегчением, приблизившись и вцепившись в Дмитрия. Вдруг она заговорила на два тона тише: – Дим, Сергей умер. Мальчики его в сторону оттащили...

Дмитрий выругался сквозь зубы, а Шталь побледнел ещё сильнее.

– Дозорные? – уточнил я, хоть ответ и был очевиден.

– Да. – Лиза кивнула на лес по ту сторону реки. – Ещё когда мы из поезда сбежали. Пара сотен метров – и засада. Дима точнее скажет, но мы пятерых... шестерых потеряли. Сергея, племянника графини, ранили, но...

Она огорчённо качнула головой, опустив взгляд.

– Десяток террористов, Лазарь. Плебс с катализаторами, который обучили жать одну кнопку и воображать себе один тип боеприпаса... – Дмитрий поморщился пренебрежительно. – Но абитуриентам с семьями многого не надо было.

Я перевёл взгляд на остальных. Аристократы выглядели измотанными и напуганными. Женщины в дорогах, теперь потрёпанных платьях не могли найти себе места, ходя туда-сюда. Дети жались друг к другу, всхлипывая под присмотром графини, а парни и мужчины, даже те, у кого были катализаторы, держались с видом людей, которые не были уверены в своих силах. Только шестеро или семеро, включая Лизу, Дмитрия, Виктора, Эльзу и графиню, выглядели относительно собранными.

– Нужно уходить с пляжа, – сказал я, бросив взгляд на другой берег. – Открытое место, мы как на ладони. Даже я разглядел наших, а террористы и подавно справятся.

– Люди устали, – возразила включившаяся в диалог графиня Сориар. Но её голос звучал скорее устало, чем возмущённо. – Дети на пределе. Бежать дальше в лес в таком состоянии...

– Не обязательно бежать, леди, – Дмитрий указал на холм, возвышающийся в сотне метров от берега. Очень заросший растительностью, со склонами, испещрёнными камнями холм. – Если забраться на вершину, то нас видно не будет. А вот мы окажемся на трудно достижимой высоте...

– Это означает, что трудно забраться будет и нам самим, – возразил я, здраво оценивая перспективы девушек и женщин на каблуках.

– Только одно дело – забираться, опасаясь только оступиться, и совсем другое – под обстрелом, – не отступил от своего Дмитрий. – И вариантов у нас нет, Лазарь. Ты сам долгого перехода не выдержишь...

– Лекс! – я обернулся, и меня едва не протаранила Алисия. Она вцепилась в меня обеими руками, уткнувшись лицом в грудь. – Живой! Эти... эти дуры сказали, что ты уже не вернёшься!

Я поморщился, аккуратно высвобождаясь из её объятий. Девушка дрожала всем телом – то ли от пережитого страха, то ли от холода. Или вообще от того и другого разом.

Оттуда, откуда она примчалась, на земле лежал раненый, вокруг которого суетились его друзья и просто те, кто пытался чем-то помочь. Включая Эльзу Шталь, уверенно командующую толпой и даже что-то делающую лично.

– Вернулся, как видишь. Живой и почти целый, – я покосился на своё запястье. В полумраке браслет выглядел просто тёмной полосой, но боль никуда не делась. – Потом поговорим, Алисия. Сейчас нужно убраться с открытого места.

Алисия всхлипнула, утерев рукой нос и быстро взяв себя в руки. Она посмотрела на моё запястье, которое я старался особо не тревожить, и её глаза расширились.

– Лекс, твоя рука...

– Не отвалится. Всё потом, хорошо? – я натянуто улыбнулся. – Дима, в авангарде?

– Да, – парень кивнул, обернувшись и найдя взглядом родственницу. – Элизабет, организуй гражданских, графиню с детьми разместить в середине колонны!

«Если бы в этом ещё был какой-то смысл кроме открытой демонстрации лояльности».

– Алисия, держись поближе к Лизе. Мне так будет спокойнее.

Девушка посмотрела на меня, поджав губы, но вновь не стала спорить. Её характер в этом плане мне очень импонировал – она ни разу ещё не настаивала на своём, ни в поезде, ни у путей, ни здесь, в лесу. И пусть это, скорее всего, было следствием воспитания простолюдинки в обществе, подчинённом знати, о лучшей «подруге детства» я не мог и мечтать.

«Другая бы уже с десятков раз раскрыла меня, диагностировав амнезию. Но не Алисия, принимающая Лександра таким, какой он есть» – подумалось мне одновременно с тем, как я мобилизовал остатки сил и воли.

Откат с каждой минутой опускался на плечи со всё большей силой, словно насмехаясь над моей недавней детской радостью, навеянной его мнимым отсутствием.

– Выдвигаемся! Держим расстояние между группами в три-четыре метра, помогаем друг другу! Кто в состоянии использовать эрикс-искусства – дерзайте, упростите подъём! Женщин и детей не бросать! – Виктор, видя, что все остальные чем-то да заняты, взял на себя проведение «инструктажа».

А после мы двинулись вверх, на холм, тонким живым ручейком утекая с открытого всем ветрам пляжа.

Дмитрий лез впереди всех, цепляясь за корни и огибая выступающие камни, прокладывая дорогу в местах, где спуск казался более-менее пологим. Но даже там, где реально было пробраться на четвереньках, холм доставлял массу неприятностей щебнем, устилающим путь, и пробивающимся сквозь него колючим, сухим кустарником, перемежающимся с тянущимися вверх деревьями.

Женщины и девушки в длинных платьях и на каблуках мучились больше всех – то и дело кто-то оступался, едва не съезжая вниз по влажной траве. Мужчины и парни помогали им, периодически чуть ли не таща их и детей на себе, но и им было нелегко. А эрикс-искусства испуганная толпа применяла в единичных случаях.

Никто в целом поезде не собирался отправляться «на природу» в рубашках, пиджаках и лакированных туфлях. А уж о какой-то вразумительной физической подготовке среди абитуриентов и их родителей с младшими братьями-сёстрами говорить не приходилось вовсе.

Я же карабкался молча, сцепив зубы. Алисия, которую вела Лиза, несколько раз оглядывалась на меня, порываясь помочь, но её быстро и жёстко останавливала брюнетка. И правильно делала – на этой тропе сорок пять килограмм сочувствия только мешались бы, а не помогали.

«Чтобы я ещё раз понадеялся на то, что всё пройдёт как по маслу! Проклятье какое-то, честное слово».

Наконец, спустя четверть часа, наполненную руганью, стонами и травмами, вся группа наконец выбралась на относительно ровную площадку у вершины холма. По обе руки нас окру-

жали отвесные уступы, а единственным подходом со стороны преследователей оставалась тропинка, нами же и проложенная.

– Отсюда подходы простреливаются, как на ладони, – довольно кивнул Дмитрий, прицепив катализатор-пистолет на пояс. – Всем сесть, не шуметь! Огонь не разводить, на связь ни с кем не выходить, даже если глушилки нас отпустили! Если есть еда и вода – делитесь с детьми и девушками!

Люди, слыша командный, пышущий напускной уверенностью будущего военного, – ничуть не сомневаюсь, из какой семьи Дмитрий, – голос, успокаивались. Они послушно опускались на землю прямо на мох, траву и камни.

Даже графиня Сориар устроилась у какого-то пенька, прижимая к себе детей. Её лицо осунулось от усталости и страха, но она держалась с достоинством матёрой аристократки. Правда, в её руках быстро появилось какое-то устройство, издавая напоминающее смартфон.

«До своих пытается докричаться, не иначе» – подметил я, тяжёло дыша.

Виктор, парень из свиты графини и ещё какой-то мужчина, которых я не знал по именам, по приказу Дмитрия заняли позиции у края площадки, наблюдая за местностью.

И только тогда брюнет, убедившись, что все более-менее устроены, подошёл ко мне.

– Лазарь, дай гляну, – он кивнул на мою руку.

– Там смотреть особо не на что, – я всё же поднял запястье, позволяя парню оценить масштаб бедствия.

В свете луны, подглядывающей за нами из-за крон, картина казалась крайне нелицеприятной.

Браслет, казалось, вплавился в кожу, а вокруг него вздулись тёмные, поблёскивающие влагой волдыри. Пальцы слушались постольку-поскольку, а к боли я уже успел привыкнуть – бегство и восхождение не оставили на руке ни одного целого клочка кожи, наградив меня ощущениями, которые сложно чем-то переплюнуть.

– Дело дрянь, – прокомментировал Дмитрий, поморщившись. Обернулся, ища кого-то взглядом. – Шталь, подойти сюда! Да не ты, Виктор!

– Я здесь, Громов. – Эльза Шталь выросла из тени, словно только этого и ждала. В руках она сжимала увесистую дамскую сумочку, которую умудрилась не потерять, а её лицо, всё ещё бледное после пережитого, выражало странную смесь решимости и высокомерия. – Лазарь, покажи. Не дёргайся.

Девушка опустила на колени рядом со мной, взяв меня за предплечье. Поджав губы, она потянулась к браслету, запалив на кончике пальца совсем крошечный огонёк, света которого, впрочем, было достаточно, чтобы оказавшаяся совсем рядом Алисия испуганно выдохнула:

– Лекс, ты!..

– Я готовилась поступать в академию на медицинский факультет, – перебила Алисию Эльза. – У меня есть доступ к техникам малых хирургических вмешательств. И расходники тоже при мне, минимально необходимые. Я могу помочь.

– Это рискованно, – Дмитрий бросил напряжённо, но в его голосе было больше сомнений, чем возражения.

– Предлагаешь ждать, пока у него начнётся сепсис?

– Нет, – брюнет отвёл взгляд. – Я предлагаю не сделать хуже.

– А я не тебе помогать собралась, а ему, – Эльза перевела взгляд своих чёрных глаз на меня. Её голос чуть дрогнул. – Лазарь, я... то, что было в поезде, это одно. Но ты прикрывал нас там, у вагонов. Все видели. И если я могу что-то сделать, чтобы ты не остался без руки, я это сделаю.

Я смерил её взглядом. В глазах Эльзы читалась искренность, пусть и приправленная изрядной долей уязвлённой гордости и чувства собственной значимости. Похоже, наш кон-

фликт в купе теперь казался ей чем-то незначительным, и в этом она была права на все сто процентов.

– Хорошо, – кивнул я. – Но если что-то пойдёт не так, я буду очень расстроен, Шталь.

– Не пойдёт, – она поджала губы, но в её голосе промелькнуло облегчение. – Сядь ровно и не мешай. Мне нужен будет доступ к руке, так что сначала я отрежу рукава твоих рубашки и пиджака. Будет больно, но чего-то серьёзного у меня с собой нет...

Эльза сунула мне в левую руку пару таблеток.

– Проглоти. Обезболивающие. Хоть что-то, – она пожала плечами, как бы извиняясь.

Я без лишних слов отправил таблетки в рот, запив глотком воды из бутылки, которую вовремя подсунула подошедшая Алисия. Девушка стояла рядом, нервно теребя край своего истрепавшегося платья, но в процесс не вмешивалась – только смотрела на мою руку с ужасом и сочувствием, от которого мне было не по себе.

– Алисия, лучше отойди, – мягко попросил я. – Нечего тебе на это смотреть. Детишками, вон, займись...

– Я помогу, если надо, – неуверенно пролепетала она, но Эльза резко мотнула головой.

– Поможешь – будешь держать его за здоровую руку и следить, чтобы не дёргался. Дима, а ты принеси ещё воды, чистой, сколько найдёшь. Чем больше – тем лучше.

– Понял, – Дмитрий резко развернулся, обходя по кругу всех спасшихся людей. Но перед этим он успел бросить на меня короткий взгляд – держись, мол.

А я едва заметно кивнул в ответ, после чего продолжил наблюдать за действиями гордячки, у которой, тем не менее, за душой обнаружился очень полезный сейчас навык. Она достала из своей сумочки небольшой плоский футляр, внутри которого я не без удивления увидел набор миниатюрных инструментов.

Пинцеты, тонкие крючки, ножницы, скальпель, пара сменных лезвий, россыпь упаковок, названия и внешний вид которых ни о чём мне не говорили. Но я заметил, что часть была вскрыта – по всей видимости, Эльза уже успела позаботиться о раненых.

«Надеюсь, пресловутый Сергей, мир его праху, не пал жертвой её инициативного медицинского вмешательства. Иначе будет очень грустно».

– Не смотри так, Лазарь. Чувство такое, что ты экзамен принимаешь, а не ждёшь помощи... – буркнула девушка, поджав губы и взяв в руки ножницы.

– Просто удивлён, что ты действительно носишь с собой хирургический набор...

– Только базовый. Для экстренной помощи, и только то, что можно иметь при себе без образования, – как по писаному ответила она, не поднимая глаз. – И не болтай. Просто слушайся и терпи.

Я послушно замочал, набрав в лёгкие побольше воздуха.

Эльза положила мою руку себе на колени, подстелив какое-то полотенце, и немного увеличила яркость огонька, подвесив его над моей рукой. Дважды чикнув ножницами, она собралась с духом и принялась ловко кромсать рукава моей одежды.

Пару раз она неловко дёргала ткань, пока отрезала всё то, что можно было убрать загодя, но спустя пару минут с приготовлениями было покончено.

– Сначала нужно отделить браслет и ткань от кожи, – пробормотала она скорее себе, чем мне. – Он прикипел по всему периметру.

Протерев руки и свой катализатор спиртовыми салфетками, Эльза выудила из футляра запечатанный тюбик какого-то геля, выдавив половину на кусочек марли. Вновь обратилась к браслету – в воздухе появились тонкие, почти невесомые подвижные нити белёсого оттенка, которые девушка мысленным усилием быстро «испачкала» в геле.

– Это гель с локальным обезболивающим эффектом, – пояснила она. – Но всё равно будет больно. Я постараюсь доставить его, куда можно, и начну операцию. Не дёргайся, Лазарь. А ты, Алисия, держи его крепче...

Блондинка вцепилась в мои плечи, прижавшись грудью к спине и едва ли не всем весом навалившись, а спустя несколько секунд, когда наш полевой медик собралась с силами, я сполна ощутил, что царапающие ожоги ветви или холодная вода – это были цветочки.

Ягодки я испытывал на себе прямо сейчас, пока Эльза, поджав губы, сосредоточенно орудовала пинцетом, ножницами и нитями техники, смазывая ожоги гелем, размягчая подлежащую удалению плоть, удаляя из раны всё лишнее и понемногу, шаг за шагом, отделяя металлические ремешки браслета от кожи.

Неприятные звуки рвущейся плоти, кровь, сочащаяся из потревоженных участков раны, всхлипы Алисии над самым ухом – ничего из этого не действовало успокаивающе. Попытки провалиться в медитацию, обособившись от болезненной процедуры, не приводили ни к чему хорошему, но и тупо молчать я больше не мог.

– У тебя хорошо получается, – негромко заметил я, морщась от боли. – Практиковалась?

– На животных, – коротко ответила девушка. – И на себе. Однажды сильно обожглась на кухне, когда экспериментировала с температурными техниками. Решила совместить приятное с полезным. И я заклинаю тебя, молчи. Не мешай.

Она замолчала, вновь сосредоточившись на браслете. В сторону летели ошметки ремней и металлические скобы, пока, наконец, не остался только «финальный босс» – сам браслет, теперь кажущийся мне неадекватно огромным, а не изящным и удобным для повседневной носки. И держался он только за мою кожу. Буквально.

– Потерпи, – прошептала Эльза, обильно обрабатывая открывшуюся изувеченную кожу антисептиками. – Ещё немного. Дима, где вода?!

– Здесь, – брюнэт появился с несколькими закрытыми бутылками. – Всё, что нашёл.

– Хорошо, – выдохнула девушка, забирая у парня бутылки. Откупорив одну, она обильно смочила марлю, и начала промывать края раны. – Ткани обуглены, но, кажется, глубже второй степени ожог не ушёл. Повезло тебе, Лазарь. С твоим-то браслетом всё могло закончиться ампутацией.

– Именно с моим? – я поморщился, когда струйка воды попала на особенно чувствительный участок. Но я не жаловался, понимая, что лучше так, чем отдирать металл от кожи безо всякой подготовки.

– Бытовые модели не рассчитаны на такие нагрузки, – вместо Эльзы ответил Дмитрий, присевший рядом на корточки. Он смотрел на моё запястье с мрачным интересом, словно уродливые ожоги не были для него в новинку. – У них охлаждение пассивное, куча программных лимитов из-за этого. Ты же его, похоже, просто перегрел. Удивительно, как у тебя вообще получилось творить с этой игрушкой то, что я видел...

– Чудом, – признался я, совсем иначе глядя на свой браслет.

«Догадаться, что нагрузка проявляется при взаимодействии с другими, не подконтрольными мне объектами оказалось для мудрого старого мага слишком сложным. Проклятье. Расслабился, и вот итог – мог потерять руку. Или всё ещё могу, кто ж знает...».

– Учту на будущее, – буркнул я, стараясь не дёргаться, пока Эльза сосредоточенно втирала в края раны какую-то вонючую мазь из очередного тюбика. – Если доживу.

– Доживёшь, – отрезала она, не отвлекаясь от работы. – Я не для того стараюсь, чтобы ты загнулся от заражения через пару дней...

– Нас найдут через несколько часов максимум. Графиня уже подала сигнал, – вклинился Дмитрий, стремясь то ли приободрить меня, то ли подкинуть шепотку надежды всем остальным, кто прислушивался к нашему разговору в тишине ночного леса.

А пальцы Эльзы тем временем мелькали над моей раной, подготавливая её для последнего акта крайне болезненного шоу.

– Лазарь, держись за что-нибудь. Сейчас будет очень неприятно, но это быстро закончится, – бросила Эльза перед тем, как взять скальпель – и начать отделять металлический корпус катализатора от моей кожи.

Звук рассекаемой и хлопающей плоти потерялся в океане обрушившейся на меня боли, которой было так много, словно в молодом теле все чувства усилились десятикратно. Это было настолько паршиво, что момент, когда Эльза промыла рану антисептиком, а затем покрыла гелем, попросту испарился из памяти.

Я сфокусировал взгляд на своей руке уже тогда, когда девушка заканчивала накладывать стерильную повязку, закрепляя ту бинтами. Боль под давлением местных обезболивающих постепенно отступала, сменяясь тупым, ноющим ощущением, с которым уже можно было как-то мириться.

– Всё, – Эльза отстранилась, устало выдохнув и вытерев лоб тыльной стороной ладони. – Держи руку повыше, не напрягай. Через пару часов повязку нужно будет сменить, но пока сойдёт. Остальное – в госпитале, если доберёмся.

Она замолчала и отвела взгляд, начав собирать инструменты в футляр.

– Спасибо, Шталь. Я твой должник.

Девушка фыркнула, но на этот раз – устало и как-то неловко.

– Ты уже отработал любую помощь, Лазарь, – она поднялась на ноги, скользнув взглядом по всем остальным. – Тебя вообще заочно похоронить успели. Держи, попей...

Я молча принял из её рук почти пустую бутылку, сделав несколько жадных глотков. Вода показалась божественно вкусной – прохладной, чистой, без металлического привкуса крови, который, казалось, к этому моменту пропитал всё вокруг.

– Моих слов это не отменяет, – выдохнул, бросив пустую бутылку на землю. – С рукой мне жить будет как-то веселее, чем без. Дима, каков план?

– Ждать. Ждать и надеяться на то, что у организаторов теракта в загатнике была только одна сотня кретинов с пушками, и нас искать некому.

– Это было бы просто прекрасно. К слову, у нас лишних катализаторов нет?

Конечно, вероятность того, что кто-то снял устройства с павших, и те были без привязок к биометрии, как мой браслет, невелика, но спросить стоило.

– Нет, – Дмитрий развеял мои наивные надежды. – Лучше разомнись, Лекс. И, девочка... – он кивнул Алисии. – Можешь уже его отпустить.

– П-простите! – Алисия, всё это время державшая меня так, словно иначе я просто растворюсь, отпрянула. – Ты как?..

– Бывало и лучше, но жить буду, – я встал, повёл плечами и постарался улыбнуться. – Устал, как собака, и ощущение такое, что отрублюсь, если куда-нибудь снова сяду. Дима, моя помощь где-то нужна?

– Нет, – брюнет качнул головой, кивнув на валун, у которого уже сидела сжавшаяся в комок испуганная абитуриентка. – Сядь лучше, отдохни. Если придётся сниматься с места, нам бессознательная тушка только помешает.

– И то правда, – я кивнул. – Если что – пинайте. Алисия, не трясись так надо мной. Я не фарфоровый, не разобьюсь.

«Правда, интуиция мне подсказывает, что она мне так просто не поверит».

– Следи за тем, чтобы Лазарь не дёргался, Алисия, – Эльза снова вставила своё веское слово, и вот её моя подруга почему-то послушалась безоговорочно, уверенно кивнув. – И не отходи от него. На всякий случай.

– Хорошо. Лекс, садись, пожалуйста. Обопрись...

Прислушавшись к себе и к измотанному телу, я был вынужден признать в том, что сесть – это для меня самое желанное сейчас действие.

Ну а когда пятая точка коснулась более-менее ровной поверхности, а в плечо уткнулась голова Алисии, сознание, изо всех сил цеплявшееся за реальность, позволило себе раствориться в пустоте.

Я отключился, оставив боль, усталость, ночной лес и крах всех планов где-то очень далеко...

## Глава 9. В центре внимания + Интерлюдия 2.

Сознание возвращалось толчками, рваными, болезненными, словно кто-то упорно пытался разбудить то, чему судьбой было предписано крепко спать. Но забытье отступало, а вместе с ним отступало тепло, уступая место пробирающему до костей холоду. Запах земли, хвои и гари шёл неприятным, но неизбежным бонусом.

Особняком стояло ощущение чего-то тёплого и мягкого под затылком. И оно же заставило меня проснуться: любопытство, будь оно неладно, оказалось куда сильнее щемящей каждую мышцу слабости.

Я с трудом разлепил веки, вперив взгляд в серое предрассветное небо, проглядывающее среди сосен.

Справа-сверху слышалось мерное дыхание Алисии – девушка склонилась надо мной в позе, которую никак нельзя было назвать удобной.

И сейчас она крепко спала, расположив меня на своих коленках.

– Ц-ц-ц... – я наклонил голову, дёрнув большой рукой и поморщившись. Скользнул взглядом по окружающему пространству, вырывая из полумрака отдельных людей.

Графиня Сориар, закутанная в чей-то пиджак, сидела на поваленном стволе дерева, что-то тихо рассказывая перепуганным детям. Рядом с ней пристроился её, как я понял, племянник – один из двух выживших, и Лиза, вокруг которой собралась ещё одна кучка недорослей.

Виктор Шталь, бледность которого была видна даже с такого расстояния, стоял чуть в стороне, вглядываясь в лес и перебрасываясь фразами с Дмитрием Громовым. Вот уж кто держался молодцом, так это он.

Воспитание семьи военных, – а иначе и быть не могло, – давало свои плоды.

Эльза сидела чуть поодаль, со своей сумкой на коленях и в окружении немногочисленных припасов группы. Её идеальная причёска окончательно растрепалась, на щеке темнел грязный развод, а платье казалось безнадежно испорченным, но даже в таком виде она умудрялась выглядеть так, словно находилась не в лесу после теракта, а на неудавшемся пикнике.

«Все при деле. Тишина и благодать. Если бы не эта боль в запястье, то я бы сказал, что всё отлично. А так... проклятые террористы. И так с планированием всё было ни к чёрту!».

– Лекс? – Алисия вдруг встрепенулась, почувствовав моё движение. Её глаза, чуть красные от усталости и слёз, открылись. – Ты очнулся! Как ты?..

– Нормально, – прохрипел я, поморщившись от сухости в горле. – У нас ещё осталась вода?..

Девушка засуетилась, поднесла к моим губам бутылку. Вода оказалась холодной, с таким естественным привкусом – видимо, из ручья, или минеральная. Но и она сейчас казалась божественной.

Всё равно до последствий возможного отравления ещё нужно было дожить.

– Спасибо, – выдохнул я искренне, – Долго я пролежал?

– Часа два, наверное, – Алисия покосилась на Эльзу, которая, заметив шевеление, теперь смотрела прямо на нас. – Эта... Эльза сказала, чтобы тебя никто не трогал. Что ты потерял много сил. Она... она очень помогла, Лекс. Правда. Я бы так не смогла.

В её голосе прозвучала странная смесь благодарности и горькой зависти. Я хотел уже ответить, разрядив обстановку какой-нибудь глупостью, но не успел – откуда-то сверху донёсся низкий, нарастающий гул.

Все на площадке замерли. Дмитрий вскинул руку, призывая к тишине, и замер, прислушиваясь. Я резко сел, бросив взгляд на Алисию. Поднялся на ноги. Звук становился громче, ритмичнее. И теперь среди рокота можно было слышать свист пара и мерное «вж-вж-вух» – нечто, совершенно мне незнакомое.

– Воздух! – крикнул какой-то мальчишка, вырвавшись из объятий графини. – Дирижабли! Наши!

Люди зашевелились, зашумели, начали расталкивать спящих и вскакивать, как я несколькими секундами ранее.

– Алисия, если это враг – идёшь следом за мной, – бросил я, сглотнув вставший в горле ком. Катализатора не было. Магии тоже. Физические кондиции оставляли желать лучшего даже без учёта раны, а уж с ней...

А над лесом тем временем показалась пара компактных дирижаблей, прожекторы которых мельком черкнули по нашему сборищу, и теперь скользили по округе.

Хищные, обтекаемые силуэты с орудийными башенками и россыпью стабилизирующих винтов по бортам внушали трепет и осознание того, что от таких по лесу далеко всё равно не убежишь.

– Герб Красковых, – выдохнула Алисия, вцепившись в мою здоровую руку. – Всё-таки свои...

«Остаётся только поверить ей на слово, потому что я понятия не имею, какой у Красковых герб» – промелькнула горькая мысль.

– Быстро они, – выдавил из себя я просто для того, чтобы не молчать. Напряжение, навалившееся в первые секунды появления НЛЮ, начало понемногу отступать.

– Да, господин Лазарь, – графиня вышла вперёд, прямо под луч прожектора, который как по щелчку пальцев начал светить рассеянным, мягким светом, охватившим две трети холма разом. – Мой супруг с такими вещами не медлит. И заслуги каждого здесь будут оценены по достоинству, именем клянусь.

Я не нашёлся, что ответить – лишь неглубоко то ли поклонился, то ли кивнул даже несмотря на то, что графиня смотрела в другую сторону. И раз на меня глядеть волками не стали, то и по местному этикету вприсядку я не прошёлся.

«Красковы – союзники Сориар? Возможно. Присутствие рода Сориар в регионе невелико, а значит и свои силы на спасательную операцию в этом мире они перебрасывали бы ещё долго. Авиации-то человеческой не существует. Поэтому привлечь тех, кому доверяешь – разумный ход. Особенно когда счёт идёт на часы» – мои попытки анализировать хоть что-то, располагая лишь обрывочными сведениями, даже для меня самого выглядели жалко.

Но расслабиться и плыть по течению, словно известно что, я не мог.

Тем временем дирижабли зависли прямо над холмом. Борта одного из них раскрылись, и вниз скользнули тросы. А уже по ним вниз устремились фигуры в тактических экзоскелетах – более лёгких и подвижных, чем те монстры, которые использовались гвардией Императора.

Эти бойцы приземлялись мягко, почти бесшумно, и мгновенно рассредотачивались, беря под контроль местность и всех тех, кто казался им подозрительным.

«Профессионалы».

Последним на холм высадился их лидер – сухой, жилистый мужчина с лицом, исполосованным шрамами. Будь он в шлеме, и ото всех остальных безликих болванчиков его было бы просто не отличить.

И он, окинув площадку цепким взглядом, направился напрямиком к графине.

– Артур Красков, леди Сориар. Граф Сориар прислал за вами и детьми. Вы, ваши пленники и дети будут эвакуированы немедленно. Прошу следовать за мной, сейчас спустят снаряжение для подъёма...

Графиня выпрямилась:

– А остальные? Здесь раненые, женщины, дети...

– Грузоподъёмность не позволяет, миледи. Основные силы придут наземным путём через несколько часов. Состав уже в пути. Наша приоритетная задача – ваша безопасность. Остальные дождутся эвакуации здесь, под охраной.

«Грузоподъёмность? Два дирижабля, и из одного за раз высыпалось двадцать солдат в броне. Конечно же, там негде разместить хотя бы девушек и раненых» – я, полный скепсиса, напрягал слух, как мог, не желая пропустить ничего важного.

Графиня колебалась лишь мгновение, после чего кивнула, поджав губы. Она наклонилась к детям, что-то тихо сказала им с Лизой – и вновь обратила свой взгляд на офицера.

– Господин Красков, я останусь здесь и проконтролирую, чтобы эвакуация прошла гладко. Заберите детей, моего племянника и эту юную леди. Она присмотрит за всеми.

– Это неразумно, графиня.

– Такова моя воля, – отрезала женщина, бросив взгляд на всех тех, кто, как и я, прислушивался к разговору. – Если я покину это место несколькими часами позже, мир не перевернётся. Вы ведь сумеете обеспечить безопасность для людей, верно?

Дальнейший спор закончился так же быстро, как и начался. Красков капитулировал и переговорил с Громовым, у которого предполагалось нагло реквизировать родственницу. После этого детей, Элизабет и единственного выжившего племянника графини, подняли на борт дирижабля, который тут же умчался прочь.

А второй «владыка небес» остался, начав медленно барражировать над лесом по спирали и постепенно удаляться от нас. С учётом того, что часть солдат двинулась в чашу леса, откуда совсем скоро донеслись первые глухие хлопки, выводы сделать было нетрудно.

– Зачищают, – прокомментировал Дмитрий, вернувшись. – Значит, там ещё кто-то был. Хорошо, что мы смогли оторваться.

– Хорошо, что на сигнал графини помощь примчалась так скоро, – отозвался я, натянуто улыбнувшись. – Без неё мы бы куковали тут до утра, в лучшем случае.

Дмитрий улыбнулся:

– Это правда. Но подождать несколькими часами больше – не столь критично в нашей ситуации, – парень окинул взглядом Алисию, всё ещё за меня державшуюся. – Серьёзно раненых в группе нет. А с твоей рукой, как докладывала Шталь, в запасе есть пара суток, прежде чем отсутствие квалифицированной помощи начнёт угрожать конечности.

– И на том спасибо, – я хмыкнул, встретившись с парнем взглядом. Алисия вцепилась в меня чуть крепче. – Но приятного всё равно мало.

«Для реалистичности образа могу позволить себе пожаловаться. Хотя бы чуть-чуть».

– Очень мягкие выражения для того, у кого рука запеклась в собственном соку, Лазарь, – вздохнул Громов, сложив руки за спиной. – Ладно. Отдыхай, в ближайший час никто никуда всё равно не двинется. А мне нужно поговорить с офицерами. Поделиться оперативной информацией, так скажем.

– Именно этим я заняться и планировал, – я кивнул. – Удачи, Дима.

– И тебе, Лекс.

Оставшиеся часы до прибытия состава спасателей тянулись бесконечно долго даже несмотря на то, что мы с Алисией как могли пытались себя занять праздной болтовнёй.

Вернее, таковой она была только поначалу, пока девушка не попросила рассказать, как я делал то, что делал, и что вообще творилось у поезда после того, как они ушли в чашу леса. Отмалчиваться не было смысла – особы Империи или хотя бы безутешные родственники преждевременно погибших будут рыть землю носом, и наверняка наткнутся на свидетелей моих подвигов.

Но исключительно для Алисии я опускал некоторые моменты, приукрашивая действительность и скрадывая детали. Слишком уж наивной казалась эта блондинка, не отошедшая от меня даже тогда, когда этого потребовал медик из отряда Краскова.

Этот специалист начал свой обход только после того, как солдаты образовали вокруг холма жидкий периметр, убедившись в том, что атаки ждать не приходится. И лично я удо-

стоился беглого осмотра с рядом вопросов – «в поле» со мной ничего сделать было нельзя, а Эльза, со слов профессионала, «сделала всё правильно».

Вот только взгляды, которыми Алисия то и дело достаивала хвостиком следующую за медиком Эльзу, вызывали беспокойство.

– Всё нормально? – спросил я, легонько толкнув девушку плечом.

– Да, – она ответила слишком быстро. – Просто... Я рада, что помощь пришла. И что ты жив.

– Я тоже рад, что жив, – хмыкнул я. – И что ты цела. А с остальным разберёмся.

Она кивнула, вновь замолчав.

И я не мог сказать, что её терзало. Зависть? Чувство собственной неполноценности на фоне аристократов, которые и здесь, в глухом лесу сразу после теракта, умудрились сохранить достоинство и применить свои навыки в деле?

Я слишком плохо знал Алисию, чтобы читать её, как открытую книгу. Но то, что она переживала, было очевидно.

Спустя ещё час, когда небо начало понемногу светлеть от самой линии горизонта, со стороны железной дороги донёсся протяжный гудок. Низкий, гулкий, он эхом разлетелся по лесу, заставив всех встрепенуться.

– Состав прибыл, – коротко бросил Красков, всё это время не отходящий от графини ни на шаг. – Собираемся.

Нас организовали в колонну, и повели вниз, к путям. Я к этому моменту уже мог идти сам, и делал это вполне себе бодро. Но исключительно потому, что спасатели разве что ковровую дорожку не постелили в стремлении обеспечить нам максимальный комфорт.

Шутка ли – с холма мы спускались по лестницам с поручнями, а реку переходили по надёжному мосту, с таким освещением, словно на улице был летний полдень? Всё то, на что не хватило сил и концентрации у паникующей толпы, было доступно экспертам в своём деле.

И наблюдение за ними, стоило признать, многое мне дало в плане понимания рамок этого мира.

– Не толпиться, господа и дамы! Первостепенно проходим к медикам на осмотр, даже если кажется, что вы целы!.. – зычный голос Краснова подстёгивал аристократов, которые, казалось, в противном случае ломанулись бы в ближайший пассажирский вагон, сулящий тепло, еду и безопасность.

Но моё внимание привлёк не транспорт для знати и не медицинский вагон с алым крестом на борту, а вереница открытых платформ, разгруженных наполовину. Их груз – массивные экзоскелеты, укрытые под брезентом. Часть боевых машин уже стояла по периметру, и вид громадин высотой в три с половиной метра и шириной в два с лишним не могла не произвести на меня впечатление.

Не потому, что громадины в цветах бронзы и меди, шипящие паром идвигающиеся с неожиданными мягкостью и плавностью казались технологическим шедевром – как раз-таки нет, в своём мире видел я машины и покруче.

Просто каждый экземпляр являлся одним огромным катализатором, мощь которого я не мог себе даже вообразить.

«Поразительный контраст мощи и возможностей, возвышающихся в считанных десятках метров от этого... борделя на колёсах, что б его».

Я, поморщившись, перевёл взгляд на другую сторону подорванных и на скорую руку восстановленных путей.

Там, как бы отдельно от нас, тянулся куда более скромный состав: выдавшие виды старые вагоны для перевозки грузов, с решётками на окнах и, вероятно, простыми лавками внутри.

Туда уже загоняли выживших простолюдинов – тех, кого успели найти среди лесов, и кто не пострадал от рук террористов. И, несмотря на все старания солдат, из этих вагонов

доносились монотонная, местами рваная смесь криков, плача, ругани и людского гомона, что резко контрастировало с чинной тишиной со стороны аристократов.

– Девушка, пройдёте к остальным... – я обернулся, прищурившись и инстинктивно остановив Алисию, к которой обратился один из солдат.

«Только этого не хватало. Почему в такие моменты меня так раздражают местные порядки, а? Хотя казалось бы...».

– Она со мной, – я смерил взглядом мужчину в шлеме, который безошибочно определил среди аристократов чужака.

– Господин, таков регламент. Все из низшего сословия транспортируются отдельно, для последующей проверки и фильтрации. Вопрос безопасности...

«Регламент. Знать бы, к чему апеллировать и насколько это вообще будет разумно» – неприятная мысль проистекала как из моего состояния, так и из незнания местных реалий. Были ли здесь приказы военных выше слова аристократа? Обладал ли я сейчас хоть какими-то правами, или в таком инциденте каждый – под подозрением до полного выяснения?

Критический недостаток информации играл против меня, и с каждым проклятым днём это становилось всё существеннее. И пока в моей голове формировался достаточно неконфликтный ответ, ситуация поспешила разрешиться «сама собой».

– Оставьте их, пусть идут вдвоём, – рядом материализовался Дмитрий вместе с подозрительно на него похожим мужчиной в строгой военной форме со знаками различия. – Лазарь, вам вон туда. Шталь уже всё приготовила.

Брюнет кивнул на медицинский вагон, возле которого действительно хлопотала Эльза, составляя, кажется, характеристику для каждого раненого человека, прошедшего через её руки. На одном только медике-с-холма она не утомилась, и делала всё от неё зависящее, чтобы помочь всем.

– Алисия, тебе можно будет за ним присмотреть. Если что, ссылайтесь на мою фамилию. Она тут имеет вес, – несмотря на то, что говорил Дмитрий, вслед этим словам усмехнулся его служивый родственник.

Но говорить мужчина ничего не стал, продолжая молча наблюдать.

– Эльза времени зря не теряет, – я чуть улыбнулся. – И спасибо, Громов. Не хотелось бы поднимать шум и спорить с теми, кто просто выполняет свои обязанности.

– Спасибо! – Алисия тоже поторопилась поблагодарить Дмитрия, быстро и глубоко поклонившись – жест, въевшийся ей в подкорку, не иначе.

– Пустое. Только не теряйся, Лазарь. Даже если очень захочется, – бросив эту многозначительную фразу, Громов со своим спутником двинулся дальше, а солдат, который приходил за Алисией, развернулся на сто восемьдесят градусов, и удалился прочь быстрым шагом.

– Что ж... – я улыбнулся Алисии, которая выглядела так, словно у неё с плеч валун свалился. – Идём. Не будем заставлять медиков ждать, раз для нас там отдельная очередь.

«Видимо, лояльное ко мне отношение Громова открывает тут многие двери».

Внутри медицинского вагона пахло антисептиками, металлом и чем-то сладковатым. Тут присутствовало несколько коек, разделённых подвижными стенами-ширмами, оборудование и то, что я определил как катализаторы медицинского класса – массивные «гробы» с органами управления в виде перчаток.

Персонал был представлен парой врачей и тремя медсёстрами, которые хлопотали над ссадинами и прочими ранами людей, которым не слишком повезло.

Эльза обнаружилась рядом с ними и, заметив меня, тут же вручила ближайшему врачу стопку бумаг.

– Лазарь, сюда, – скомандовала она, указывая на свободную кушетку. – Быстро-быстро. Тебе вообще лишний раз ходить не стоило, а ты тут экскурсию себе устроил! А ты куда смотрела?

Эльза требовательно задрала голову к Алисии, которая была хоть и невысокой, но всё-таки выше Шталь.

– Мы никуда не сворачивали! – возмутилась моя подруга, нахмурившись. – И вообще, это ты сейчас время тратишь, а не я!

Я вскинул брови, удивившись столь яростному отпору. Эльза тоже опешила, причём настолько, что с ответом нашлась не сразу. А когда открыла рот, то рядом нарисовался врач, и ей стало не до споров:

– Пациент Лександр Лазарь. Ожог второй степени, площадь поражения около ста двадцати квадратных сантиметров. Проведена первичная...

Врач, уложив меня на кушетку, слушал Эльзу и кивал, хмурясь и записывая что-то на самом обычном листке бумаги. И только после завершения её монолога, включающего всё вплоть до дозировок применённых лекарств, хмыкнул:

– Неплохо для сложной раны в полевых условиях. Вам, юная леди, прямая дорога на медицинский. По итогам всего этого, – он обвёл взглядом вагон. – Обратитесь ко мне за рекомендациями. Лишними не будут. А теперь можете покинуть помещение. Юная мисс?..

Алисия мотнула головой:

– Я останусь, если позволите, господин. Я не буду мешать...

– Вам всё равно не хватает рабочих рук, – Эльза коварно улыбнулась, бросив взгляд на отошедшую к стеночке блондинку. – Я могу ассистировать, если необходимо...

Не отвлекаясь от моей повязки, врач провёл для Эльзы экспресс-опрос, и вскоре с её помощью аккуратно снял мою повязку. Цокнул языком, но в целом увиденным остался доволен. Меня попотчевали обезболивающими и антибиотиками, рану промыли, сменили гель, наложили новую повязку, пропитанную какими-то серьёзными составами, и велели лежать – тяжёлых пациентов не предвиделось, так что врач решил транспортировать меня в медицинском вагоне, где можно было хотя бы лечь.

И Алисию оставил здесь же, до того напористо та уверяла мужчину в том, что ей хватит откидной сидухи у стенки, и сам медицинский вагон для неё вполне комфортен.

– Как рука? – Эльза, в отличие от врача, уходить не торопилась. И вопрос задала, глядя не на меня, а куда-то в сторону.

– Терпимо. Твоё своевременное вмешательство сильно помогло, – честно ответил я. – Ещё раз спасибо. И, повторюсь – я твой должник.

– Перестань, – она мотнула головой. – Я не только тебе там помогла, Лазарь. Ты просто оказался самым невезучим среди всех. Или везучим, тут уж как посмотреть. Выжить в бою, когда катализатор буквально расплавился...

Она хотела сказать что-то ещё, но её прервали. В вагон вошёл Громов, и выражение его лица – задумчивого такого, не предвещало ничего особенно приятного.

– Лекс, – отыскать меня взглядом в пустом вагоне было несложно. – Мой дядя хочет с тобой поговорить. Это касается всех, кто сталкивался с террористами, не беспокойся. Сможешь встать?

– Ему нельзя, – Эльза шагнула вперёд, вскинув голову. – Если очень нужно, то пусть сам сюда придёт. И то, любые расспросы могут потерпеть...

– Не могут, – Дима вздохнул, демонстративно разведя руками. – Но ладно. Я передам, что с тобой придётся говорить отдельно ото всех, Лекс. Жди гостей через час, плюс-минус. Может, уже после того, как состав тронется. Мы тут, кажется, почти закончили...

– Я понял, Дима. Спать меня пока не тянет, – я натянута улыбнулся, в мыслях прокляв предстоящую беседу тет-а-тет. – Я подожду столько, сколько нужно.

– Отлично. Тогда я временно откланяюсь. И не мандражируй, Лекс, – он читал меня, как полуоткрытую книгу, не иначе. – Дядя только с виду угрожающий. Отдыхай пока.

Щёлкнув замками межвагонной двери, Дмитрий покинул помещение.

А я занялся тем, о чём меня и просили – отдыхом...

## [Интерлюдия 2]

Штабной вагон, в котором обосновался Константин Громов, мало чем отличался от кабинета любого высокопоставленного военного.

Актуальные карты и схемы на стенах, заваленный бумагами и планшетами массивный стол с бортиком по периметру, пара экранов под потолком, яркие лампы и вереница «кабинов» для подчинённых, которым могла потребоваться возможность поработать в спокойной обстановке.

Империя, как наследник некогда павшего гегемона, использовала железнодорожные пути на все сто процентов, и этот конкретный образчик ушедших времён был тому доказательством.

Дмитрий вошёл в вагон без стука. Константин Аркадьевич Громов, высокий, седовласый мужчина с властным, будто высеченным из камня лицом, сидел за рабочим столом, обложившись бумагами с отчётами о прошедших допросах – самых интересных, переданных ему по цепочке от нижестоящих офицеров.

Он оторвал взгляд от бумаг только когда племянник сел напротив.

– Отбор тех, кого есть смысл слушать, закончен? Докладывай.

Дмитрий вытянулся:

– Я проинформировал всех причастных, дядя. Виктор Шталь ожидает за дверью...

– Сначала я выслушаю тебя, – бросил мужчина, отложив в сторону планшет. – Начинай с самого начала, Дима. Включая всё то, что ты сам уже успел понять. Я слушаю.

Неожиданный «родственный» экзамен не застал Громова врасплох. Сглотнув, он сконцентрировался – и начал свой доклад:

– Терракт был хорошо спланирован. Три взрыва одновременно, один в «голове» состава и два в хвосте, у вагона охраны. Охрану проредили, обездвигили, зажали и уничтожили, хоть бойцы и продержались достаточно долго. Нападавшие – простолюдины, вооружённые боевыми катализаторами западного образца. Аналоги наших «Хорьков», плюс тяжёлое оружие – «Реплейсменты». Выучка у боевиков была минимальной, но их мотивация зашкаливала, а численность вызывает вопросы касательно того, как Первая Имперская Служба Безопасности проморгала подготовку. Они начали продвижение с хвоста поезда – нам повезло с тем, что состав не остановился сразу после взрыва, и преодолел ещё сотню метров, удалившись от позиций штурмовых групп...

– Что, вкупе с отсутствием личных навыков у террористов, позволило вам впоследствии безнаказанно уйти в лес, – понимающе покивал Константин. – Продолжай.

– Не только благодаря этому, дядя, – Дмитрий качнул головой. – Среди пассажиров оказалось достаточно тех, кто умел пользоваться катализатором. Графиня Сориар вместе с Элизабет организовала людей, не позволив подняться панике. Виктор Шталь и племянники графини уничтожили тех, кто пытался нас перехватить. А Лександр Лазарь... он держал арьергард в течение времени, которого гражданским хватило, чтобы заглубиться в чашу.

– Элизабет, Штали... и Лазарь? – Константин вскинул бровь. – Сын Альберта? Тот, что два или три года вообще не просыхал?

– Он самый, – Дмитрий кивнул. – Я сам видел, как он работал. У него был бытовой браслет, дорогая гражданская модель концерна Лазарей. И он вскрывал с его помощью стены вагонов, как консервные банки. Жидкий металл, предположительно – ртуть. Плотный, управляемый. С его помощью он удерживал себя и свою подругу во время крушения, и впоследствии прикрывал отход всей группы, когда террористы всё-таки добрались до наших вагонов. Лично я этого не видел, но застал развязку столкновения. Я сам бы так не смог, даже с моим «Громобоем»...

Громов огладил кобуру со своим именованным катализатором-пистолетом.

– Жидкий металл с бытового катализатора... – Константин поджал губы, сцепив руки в замок перед собой. – Такой контроль образа и качество материализации требуют мощностей, которых нет даже в самой дорогой и пафосной гражданской игрушке. Это за гранью возможного, Дима.

– Поэтому я и говорю об этом лично, – Дмитрий выдохнул. – Я видел, как он с плавящимся на руке браслетом, раскалившимся докрасна, за раз повалил пару десятков деревьев, чтобы прикрыть свой отход. И вскрытие вагона до этого момента. Плюс свидетели утверждают, что «серебряные росчерки» убивали террористов на каком-то неадекватном расстоянии. И после этого он на равных со мной и Виктором прошёл через лес, форсировал реку, и отключился только на холме, откуда нас забрали...

Громов-старший поднялся из-за стола и прошёлся по вагону, сложив руки за спиной. Остановился у карты, на которой были помечены зачищенные квадраты области, а также присутствовали отметки обнаруженных схронов террористов.

– Он не единственный, кто проявил себя. Но для человека его репутации... Мне это не нравится. Что ещё можешь сказать о нём? Как о личности, отстранившись от того, что было раньше?

– Лазарь – сосредоточенный, хладнокровный, опасливый и внимательный. С настороженностью относился и относится вообще ко всем, кроме тех, с кем успел плотно пообщаться. Безоговорочно доверяет только своей подружке-простолюдинке, Алисии Фольт. Остальным он даже спину на отдыхе не подставлял, предпочтя сидеть на окраине у камня, – Дмитрий замолчал, собираясь с мыслями. – Если бы не тот факт, что он все эти годы был на виду, то я бы сказал, что он прошёл через то же училище, что и я. Или через аналог. Слишком стойкий для Лазарей. У них в роду никогда не было воинов, не считая, разве что, Родерика...

– Исключение лишь подтверждает правило, – Громов-старший отмахнулся. – Ладно. Вызывай Виктора Шталь, и проконтролируй, чтобы остальные отличившиеся тоже нигде не затерялись...

– Лазарь не сможет прийти, дядя, – Константин поднял на племянника вопросительный взгляд. – Ему запретили покидать санитарный вагон.

– Прекрасно, – мужчина поморщился. – Но мучить «героя дня» мы не будем. Я зайду к нему лично, после того, как закончу с остальными. И, Дима...

– Да, дядя?

– Ты хорошо проявил себя. Я доложу отцу, – мужчина выдохнул. – И Элизабет уже в безопасном месте, можешь не беспокоиться.

Дмитрий улыбнулся, сдержанно кивнул и, дождавшись ответного кивка, покинул вагон. А Константин Громов ещё долго стоял и, поджав губы, глядел на схему местности.

В его голове билась одна-единственная мысль:

«Альберт, старый лис, что же ты вырастил на самом деле?».

## Глава 10. Ощущая последствия + Интерлюдия 3.

Состав тронулся почти час назад, и теперь мягко покачивался на стыках железнодорожных путей, тянувшихся через леса, поля и холмы.

Алисия, утомлённая пережитым, свернулась калачиком и задремала, реквизируя под свои нужды свободную койку-кушетку. Эльза, закончив с ассистированием докторам, теперь сидела на соседней койке, листая что-то на своём планшете – связь появилась, и каждый второй человек теперь этим пользовался. Кто-то связывался с родными, кто-то листал новости, а кто-то пытался впитать как можно больше информации, как я сейчас.

Планшет удалось одолжить у Алисии после того, как солдаты прямо перед отправкой вытащили из сошедшего с рельсов состава личные вещи пассажиров, позволив каждому забрать своё – на чистом доверии, потому что воришек среди знати, по всеобщему мнению, просто не должно было быть.

«Странное общество, в котором честь аристократии соседствует с погрузкой «неполноценных» по происхождению людей в вагоны, словно скотину какую. Всё ещё не могу привыкнуть к тому, что тут нет даже привычной мне видимости равноправия» – я вздохнул, переключая на планшете вкладки.

Новости... их можно было обобщить в одну фразу: серия терактов по всей Империи, цель – абитуриенты, направляющиеся в Первую Академию и не только. Где-то отпрысков знати просто убивали, где-то, как у нас, пытались взять в заложники. Почти везде террористы провалились и не достигли своих целей, но список погибших перевалил за полсотни человек... и пару сотен «голов черни».

По меркам Первой Империи – страшный удар, который будут обсуждать месяцами, а искать виновных – даже спустя десять лет после.

Тишину нарушил звук открывшейся двери. В вагон, на ходу отряхивая китель, вошёл дядя Дмитрия – Константин Громов, имя которого я успел выяснить окольными путями. Прибыл он без сопровождения, но такому человеку оно и не требовалось.

«Эксперт эрикс-искусств – сродни дипломированному магу моего родного мира. Только этот ещё и аристократ-военный, что автоматически делает его опаснее в разы».

– Лександр Лазарь... – он окинул меня внимательным взглядом. – Полагаю, это вы.

– Он самый, – я сел ровнее, игнорируя протест всех мышц разом. – Честь имею, господин Громов.

– Взаимно, – он чуть склонил голову. Его взгляд переместился на спящую Алисию, а затем – на прищурившуюся Эльзу. – Юная леди, не могли бы вы оставить нас на несколько минут? В соседнем вагоне прямо сейчас подают дивные десерты. Самое то, чтобы снять накопившийся стресс...

Эльза поджала губы, но этим её возражения и ограничились. Она широкими шагами направилась в сторону сцепки вагонов. Хлопнула дверь, и мы остались наедине с Громовым, если, конечно, не считать спящую Алисию.

Константин же присел на край соседней койки, положив планшет на колени:

– Я не буду ходить вокруг да около, Лександр Лазарь. Я опросил всех, кого счёл нужным. Кроме вас. И именно о вашей персоне мой племянник рассказал то, что, скажем так, сильно расходится с тем, чего можно было ожидать от обычного талантливого абитуриента. Я хочу услышать вашу версию, без прикрас. Что произошло после взрыва?

«Ну надо же. И никаких упоминаний того, что Лександр три года кутил как не в себя, и никак не смог бы дать террористам отпор. Ещё и сам вопрос без конкретики – откровенная провокация на ложь. Жаль, что Громов – не простой вояка. С таким играть попросту опасно».

– После взрыва началась паника, господин Громов. Нам повезло с тем, что вагоны не опрокинулись сразу же, но в коридорах всё равно началась давка. Мы с Димой организовали людей, а после крушения я проделал ход наружу, создал завесу для прикрытия отступления, и придержал террористов ещё на несколько минут. Простолюдины из хвоста поезда сильно мешали террористам, чем я был вынужден воспользоваться, – пусть лучше считает меня расчётливым ублюдком, готовым разменять жизни черни на лишний шанс, чем видит во мне «супергероя». – Браслет под обстрелом начал отказывать, а под конец меня спас Дима. Они с Виктором вернулись и прикрыли меня, когда я сам уже выдохся...

Мужчина, кивающий на протяжении всего моего рассказа, прищурился:

– Тем не менее, мой племянник, который с детства готовился к военной карьере, прямо сказал, что не смог бы повторить то, что сделали вы с бытовым катализатором на руках, – бросил он. – Это не везение, Лазарь. Это выдающийся талант, помноженный на железную волю. И меня интересует, почему обладатель такого таланта последние два года методично разрушал свою жизнь и репутацию, а теперь – раз, и объявился практически героем непосредственно перед поступлением в академию. Слишком необычно для воли случая.

– Причины... это личное, господин Громов, и вряд ли имеет отношение к произошедшему, – я позволил себе небольшую паузу, изображая нежелание говорить на болезненную тему. – Могу сказать лишь, что я решил исправиться, а теракт спутал мне все планы. Да и не только мне...

Я кивнул на отложенный в сторону планшет со сводкой новостей на экране.

– Личное... – мужчина фыркнул, задержав взгляд на громком заголовке статьи. – Что ж, допустим. Ваши действия спасли жизнь многим людям, включая супругу и наследников графа Сориар. Я не могу это проигнорировать. Но мой вам совет, Лазарь: когда к вам с теми же целями придут люди Имперской Безопасности, вам лучше дать им то, что они требуют. В противном случае даже я не возьмусь предсказывать последствия.

«Любопытно. Он правда отступил так просто?».

– Благодарю за совет, господин Громов. Я это учту.

– Не стоит благодарности, – он резко качнул головой, демонстративно выдохнув. – От себя лично я задам ещё один вопрос. Какую именно технику вы адаптировали для того, чтобы на мощностях бытовой игрушки выдать полноценный жидкий металл, Лазарь?

– Материализацию, – я честно ответил, не моргнув и глазом. Потому что сама «болванка» браслета потерялась на холме, и видит Небо – она окажется на руках у этого человека быстрее, чем я пойму, что теперь будет с экзаменом. А уж удастся ли местным ледорубам вытащить из памяти устройства какие-то данные – это вопрос, на который у меня ответа просто нет. – У меня хорошо развито воображение, господин Громов. И жидкий металл, в частности, ртуть, всегда давался мне особенно легко.

Константин Громов смерил меня долгим, изучающим взглядом, от которого даже у меня по коже побежали мурашки. Но я всё равно не отвёл глаза и не дрогнул.

– Легко, значит, – протянул он, словно пробуя слово на вкус. – Материализация D-ранга, бытовой браслет... и управляемая, аморфная структура высокой плотности под огнём. В настоящем бою, пусть и против плебса, вооружённого пушками.

Он хмыкнул, покачав головой.

– Ладно, Лазарь. Пока что мне этого достаточно. Отдыхайте.

Он поднялся, одёрнув китель, и направился к выходу. У самой двери обернулся:

– И да, если вы продолжите общаться с моим племянником в стенах академии, род Громовых не будет чинить тому препятствий. Всего хорошего.

Дверь за ним звучно щёлкнула, но даже этот звук не разбудил Алисию – она лишь заворочалась, повернувшись ко мне лицом. Умиротворение и усталость проявились в каждой её чёрточке – она действительно вымоталась за эти сутки.

«Неудивительно. Для «домашней девочки» скакать по лесам, постоянно ожидая продолжения кошмара – это сильный стресс. Тут и я-то пару раз чуть не лопнул от натуги, когда всё держалось на волоске».

Снова щёлкнула открывшаяся и закрывшаяся дверь – в вагон вернулась Эльза. Она выглядела заметно повеселевшей, а в руках держала пару небольших контейнеров.

– Он ушёл? – спросила она, оглядываясь.

– Ушёл. И даже меня не пытал.

– Даже странно, как мы вообще разминулись... – она вздохнула, подходя ближе. – Держи. Твоё сладкое с раздачи. Пара бисквитов и пирожное. И для твоей... – она шумно, почти демонстративно вздохнула. – И для Алисии тоже прихватила.

Эльза сунула мне в руки контейнер, предварительно открыв крышку. Внутри и правда оказались очень приличные на вид бисквиты, вляпавшиеся в кремовое пирожное-корзинку.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, – Ты прямо ангел-хранитель...

Эльза фыркнула и отвернулась, но её щёки чуть порозовели.

– Не обольщайся, Лазарь. Просто не хочу, чтобы мой пациент загнулся от голода после всех моих усилий. Это было бы обидно.

Она села на соседнюю койку и снова уткнулась в планшет, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

«А уголки губ подрагивают. Сдерживает улыбку? Мило. Даже и не скажешь, что это та же самая стерва, которая не ставила, да и не ставит ни во что Алисию просто по праву рождения».

Но язвить вслух я не стал, молча принявшись за еду. Во рту растекалась ненавязчивая сладость качественной выпечки, а в голове безостановочно крутились мысли. Громов-старший. Имперская Безопасность. Допрос. Экзамен, что б его.

Всё это не сулило мне ничего однозначно хорошего в ближайшем будущем. Но сейчас, в тепле и в безопасности, под мерный стук колёс и рядом с приятными глазу девушками, думать об этом совершенно не хотелось.

«Так или иначе, но пока я могу только плыть по течению и надеяться на то, что теракт послужит для отца достаточным аргументом в пользу того, чтобы дать мне ещё времени»...

### [Интерлюдия 3]

Особняк графа Сориар, расположенный в столичной провинции, уже не первый час тишиной вторил холодной собранности хозяина, изучающего последние сводки, доставленные курьером.

Генрих Сориар уже знал, что его супруга и внуки были в безопасности. И один лишь этот факт заставлял немолодого мужчину испытывать сильнейшую благодарность по отношению к Небесам и тем, кто принял посильное участие в спасении его родных.

К сожалению, не обошлось и без потерь – племянник графа, Сергей Сориар, погиб в бою, а счёт аристократов, отдавших своих жизни в терактах по всей Империи, перевалил за половину сотни. Сотрудники Имперской Безопасности рыли носами землю, безутешные родственники погибших смотрели на запад и требовали крови, а Император, ведомый советниками, безжалостно снимал с должностей всех тех, кто, по их разумению, был повинен в трагедии.

Первую Империю ни много, ни мало, а захлестнул хаос, могущий собрать жатву, которая аукнется ещё их, высшей знати, детям.

Лишь для плебса всё ограничивалось громкими заголовками в СМИ и объявленным трауром. Внутри системы в то же самое время происходили перестановки, равных которым граф не видел со дня принятия им титула. За половину суток Имперская Безопасность лишилась семи высокопоставленных чиновников, а с кураторов железнодорожных компаний, тех, кто отвечал в том числе за обеспечение безопасности, должны были вот-вот спустить шкуры.

Ведь по какой-то чудовищной цепочке случайностей в большинстве пострадавших составов вагоны охраны цепляли в хвост, грубейшим образом нарушая все возможные инструкции. Опоздание там, ошибка в бумагах здесь...

Никто не верил в то, что виной тому был обычный недосмотр и халатность.

«И всё-таки, Сориар всё ещё могут пережить это с минимальными потерями. И всё благодаря тому, что в злосчастном поезде ехала горстка перспективных абитуриентов» – подумал мужчина, вновь пробежавшись глазами по составленному собственноручно конспекту, ровными строками лежащему на толстой бумаге.

Дмитрий и Элизабет Громовы. Лександр Лазарь. Виктор и Эльза Шталь. Ещё несколько человек, среди которых затесалась даже простолюдинка, не бросившая оступившегося младшего внука графа – трёхлетнего Лиона.

«Видит Бог, я провалюсь сквозь землю, если моя благодарность окажется недостаточной».

Генрих тщательно изучил все отчёты, часть которых граф получил через третьи руки – от союзников своих союзников, и потому, в каком-то смысле, знал ничуть не меньше самых осведомлённых сотрудников опозорившихся безопасников Первой Империи.

Рука мужчины легла на выполненную из слоновой кости трубку телефона, а пальцы, уже не дрожащие, как спустя час после теракта, набрали трёхзначный код.

Сориар не стал запрашивать сеанс связи через официальные каналы, воспользовавшись системой, единой цепью объединяющей Первую Сотню знатных фамилий государства.

И ждать ему пришлось недолго: Альберт Лазарь ответил после второго гудка.

– Генрих? Я ожидал твоего звонка ещё час назад.

– Альберт, – Сориар выдохнул. – Долг требовал иного. Ситуация... слишком щекотлива, и многие горячие головы мне пришлось остужать лично. В этом году у троих моих вассалов наследники должны были поступить в академию, но двое мальчишек уже никогда не смогут о себе заявить.

– Мои соболезнования, – Альберт Лазарь ответил спустя пару секунд, куда тише, чем говорил изначально. – Информаторы меня подвели...

На несколько секунд установилось неловкое молчание. Лазарь мысленно костерил тех, кем гордился больше всего – своих людей в стане союзников и врагов. Сориар же заново переживал тяжёлые разговоры с убитыми горем родителями, готовыми разорвать первого, на кого падут подозрения в организации терактов.

– Сейчас они подводят всех, друг мой, – наконец выдохнул Сориар. – Но звоню я, чтобы лично сообщить о другом. Твой сын жив, Альберт. Ранен, но не критично. И он проявил себя с лучшей стороны. Судя по тому, что мне известно, он прикрывал отход всей группы, рискуя собой. И делал это крайне эффективно, хочу тебя заверить...

– Я знаю об этом из... своих источников, – на секунду в голосе мужчины прорезалась гордость. – Лександр изменился. Я не понимаю причин, но он больше не тот пропойца, которого все мы знали.

– Это я уже понял, – хмыкнул Сориар. – И, признаться, я рад за тебя. Но этот звонок нужен не только лишь за тем, чтобы поблагодарить за воспитание отпрыска. Альберт, то, что произошло – не случайное стечение обстоятельств. Кто-то целенаправленно ударил по нашим детям, по детям Первой Сотни. По будущему Империи. И я не верю, что Имперская Безопасность не знала о готовящихся терактах. Не те масштабы. Я могу понять – десяток боевиков, но по сотне голов в семи местах разом? Впору брать всю верхушку охранителей нашего покоя, и поочерёдно снимать с них головы, пока кто-то не начнёт говорить...

– У меня есть кое-какие наработки, Генрих, – произнёс мужчина после небольшой паузы. – Следы ведут на запад, к Федерации, но слишком уж это очевидно. Слишком прямо и топорно.

Кто-то хочет, чтобы мы думали на нелюбимых соседей. Вот только все «хвостики» ведут прямым ходом в наше же нутро.

Генрих шумно втянул носом воздух, так, что даже аппаратура телефона зафиксировала этот звук:

– Ты уверен?

– Абсолютно, – Альберт отозвался в ту же секунду. – Не гарантирую, что виновники прячутся там, но один из слоёв этой пирамиды точно сокрыт среди нас. Но моих связей и влияния недостаточно. Промышленники слишком консервативны, и новые течения проходят мимо нас, в большинстве своём...

– Если ты поделишься этими «хвостиками», Альберт, то я окажу всю возможную поддержку. Армейские могут знать больше, а я знаю, кого можно разговорить, – ответ графа Сориар был лаконичным, цельным и однозначным. – Я предлагаю объединить усилия. Проведём собственное расследование, тихо и без лишнего шума. И без участия тех, кто уже нас подвёл...

– Согласен. «Щиты нашей родины» дискредитировали себя. Пока Его Величество не представит новых руководителей этого органа, им не будет веры, – слова, способные вызвать серьёзные неприятности даже для высшей аристократии, с глазу на глаз были произнесены без какого-либо страха. – Но ставить им палки в колёса не стоит.

– И то верно. Смутные времена настали тогда, когда их ждали меньше всего. Прямо как вещал ещё мой дед...

– Старики распивали из одной бутылки, – Альберт усмехнулся. – Потому что мне говорили ровно то же самое. Я пришлю тебе документы, как только их приведут в порядок. Через сутки-двое. И ещё одно...

– Да?

– Спасибо за то, что похлопотал о Лександре. Мне на это потребовалось бы куда больше времени...

– Не за что, Альберт. Твой сын был среди тех, кто грудью встал на защиту моих внуков и моей супруги. А род Сориар не забывает платить по счетам, – Сориар улыбнулся. – Сообщи мне, если вдруг всплывёт что-то важное.

– Незамедлительно, Генрих. До связи.

Гудки наполнили кабинет, а спустя секунду граф Сориар уже отложил телефонную трубку, вернувшись к бумагам.

Ему предстояло сделать слишком многое, и отвлекаться сверх меры он просто не имел права.

## Глава 11. Заслуженная передышка.

В палату я возвращался с чувством глубокого удовлетворения, слегка подпорченного начинающейся мигренью.

Несмотря на то, что поезде удалось хорошенько вздремнуть, пока нас транспортировали до военного госпиталя на окраине Сант-Море, и проснулся я обновлённым, проклятая бюрократия за считанные минуты довела меня до белого каления.

Я сам считал себя образчиком спокойствия и принятия – никогда не любил суетиться, ругаться и нервничать на пустом месте. Но местные медики с воинскими званиями, заправляющие в госпитале буквально всем, вполне могли до инсульта даже мертвеца, не то, что вашего покорного слугу.

Камнем преткновения стало их нежелание размещать Алисию в соседней палате даже на время. Местные ссылались на её происхождение, ни в какую не желая идти на уступки. И только упоминание фамилий Громовых и рода Сориар, по протекции которых мы тут и оказались, позволило добиться желаемого – девушку разместили в соседней палате.

Они вообще хотели переоборудовать для этой цели кладовую, но я не собирался идти на компромиссы даже в малом.

«Ну а скорбные и недовольные лица в лучших сердцах оскорблённых несчастных я как-нибудь переживу. Напугали ежа голым задом, п-ф-ф» – подумал я, толкая дверь своего временного обиталища.

Алисия сидела на краю моей койки, нервно теребя край выданного ей больничного халата. А едва заслышав мои шаги, вскочила, глядя на меня с немым вопросом.

– Всё в порядке, для тебя подготовят соседнюю палату. Через пятнадцать минут можно будет заселяться, если так можно сказать...

Девушка быстро приблизилась и, замерев на мгновение, порывисто меня обняла:

– Лекс... Я уже думала, они тебя там... – она запнулась, не договорив.

– Съели? – я усмехнулся, потрепав её по волосам. – Нет, обошлось без членовредительства. Я вообще удивлён, что они так долго сопротивлялись. Мы же тут даже на пару дней не останемся, ан нет...

– Правила такие, – тихо бросила Алисия, с неохотой от меня отцепившись. Не найдя, куда пристроить руки, она села на край койки, вцепившись пальцами в матрас. – Меня вообще тут не должно быть. Это же военный госпиталь. И так, вон, осмотрели, лекарства и халат дали...

– За нас похлопотал Дима, так что происхождение – последнее, что должно их волновать, – произнёс я тоном, не терпящим возражений. – И мы тут всё равно ненадолго. Максимум на одну ночь...

Алисия подняла на меня взгляд, в котором смешались облегчение и тревога.

– Ты уже что-то узнал? Насчёт академии?

– Пока нет, но очень хочу, – я качнул головой. – Врачи сказали, что моя рука вне опасности, дальше только перевязки делать. И по поводу экзаменов стоит всё-таки что-то разузнать. В сети тишина, а остаться неучем на веки вечные мне как-то не хочется...

Алисия слабо улыбнулась, но её глаза остались серьёзными, чуть прищуренными. И она уже открыла рот, чтобы наверняка посетовать на мою легкомысленность, когда в дверь постучали, и на пороге возник никто иной, как лично Дмитрий Громов.

Выглядел он, в отличие от нас, так, словно и не было никакого теракта. Подтянутый, в отутюженной форме с эмблемой своего рода на груди, с блестящим катализатором на поясе и с улыбкой, позволяющей в равной степени рассчитывать на благосклонность преподавателей и прекрасных дам.

– Не помешал? – спросил он, окинув взглядом комнату.

– Заходи, Дима. Как раз вовремя, – я кивнул человеку, которого, кажется, уже считал не просто знакомым, а почти другом. Или без «почти» – сам пока не разобрался.

Громов же тем временем вошёл в палату и присел на стул у окна, облокотившись на спинку и выдохнув. Пара секунд у него ушла на то, чтобы собраться с мыслями, после чего он тихо заговорил

– Есть новости. Во-первых, по всей Империи объявлен траур. Экзамены в Первую Академию официально перенесены на неопределённый срок. И никто не знает, когда их назначат заново...

Алисия ахнула, а я нахмурился. С одной стороны – отсрочка была мне на руку. С другой – отец вполне мог не дать мне этого времени. И неизвестность в таком контексте пугала сильнее, чем риск опозориться на теоретическом экзамене.

– Но есть и хорошая часть, – продолжил Громов. – Академия открыла двери для абитуриентов. Можно заселяться в общежития, посещать подготовительные курсы, лекции – словом, не тратить время впустую. Негласно же большинство аристократов сошлось на том, что дети должны быть «на виду». Для демонстрации силы духа аристократии и негибамости Империи в целом.

– Если все разбегутся по домам, то это ударит по имиджу высшего сословия, – понимающе покивал я. – И я не ошибусь, если предположу, что «приглашение» касается только знати?

Дмитрий мельком бросил взгляд на Алисию, поняв, к чему я клоню.

– Думаю, исключения из этого правила возможны. Всё зависит от личности просящего, – неуверенно ответил парень. – Но всех абитуриентов до единого академии просто негде будет разместить. И так внешние корпуса организуют...

– Но ты уже решил ехать, верно?

– Да. И тебе советую. В академии есть медицинский корпус, там и руку долечишь. А здесь... – он покосился на голые стены палаты, – здесь тоска зелёная, Лекс.

Я же перевёл взгляд на Алисию. Она сидела, опустив голову, но явно очень внимательно слушала.

– Алисия, что ты думаешь?

Она вздрогнула от неожиданности, подняв голову. На лице Громова промелькнуло неиллюзорное удивление – видимо, он в последнюю очередь ожидал того, что я стану интересоваться мнением простолюдинки.

– Я... – она замаялась, – я поеду туда, куда и ты. Если ты считаешь, что так правильно, Лекс.

– Тогда решено, – я не стал спорить или пытаться донести до неё важность наличия собственного мнения. Нельзя за день исправить то, к чему она приучивала себя годами, следуя за местными устоями и тем, старым Лексом, канувшим в лету. – Мы едем, Дима. Когда?

– Отлично, – брюнет хлопнул себя по колену и поднялся со стула. – Полчаса-час. Мне нужно найти Шталей, их уже должны были осмотреть. Поедем на экипаже моей семьи, доберёмся с комфортом – до академии отсюда пара часов, если напрямик через город.

– Договорились, – я кивнул, а спустя несколько секунд Дмитрий вышел из палаты, оставив нас с Алисией одних.

Девушка, вздохнув, подошла к окну, глядя на больничный парк – почти пустой, с редкими видимыми отсюда пациентами, передвигающимися строго в сопровождении медсестёр и медбратьев.

– Лекс, – тихо начала она, не оборачиваясь. – А я ведь даже не знаю, что мне делать в академии. Экзамены отложили, а я... я не аристократка. И меня там никто не ждёт.

Я беззвучно вздохнул, пользуясь тем, что Алисия меня сейчас не видела.

– Как минимум, тебя жду я. Да и остальные не будут против твоей компании, – я подошёл к ней, встав чуть в стороне. – Если ты опасаясь того, что тебе не дадут комнату, то не стоит. Я

могу быть очень настойчивым, если нужно. И уж администрацию-то академии уговорить будет легче, чем местных вояк, у которых кроме устава и правил в голове ничего не помещается...

– У тебя и так проблемы с отцом, Лекс, – Алисия качнула головой. – Хорошо, если там просто согласятся с твоей просьбой. А если нет? Это же Первая Академия. А ты... у тебя...

«Всё и без тебя висит на волоске, да? И что же ты тогда рядом со мной делаешь, дурёха?» – но вслух я сказал другое.

– А у меня изменились приоритеты, Алисия. Мы разберёмся с этим, вместе. И... – я усмехнулся тихо. – И отец не настолько плох, чтобы зачесть мне «провал» в таких обстоятельствах. Его свои же не поймут.

Алисия не нашлась, чем ответить, и ограничилась коротким кивком.

В отражении окна я видел, как она поджала губы, а её лицо исказилось в отчаянной попытке не заплакать – всё пережитое под очередным витком давления просилось наружу, напоминая мне о том, что Алисия Фольт всего лишь восемнадцатилетняя девушка, неведомо каким чудом выдержавшая всё это без истерик.

У неё нет армейской выучки Громова, сурового воспитания Эльзы и Виктора или восьмидесяти с лишним лет моего жизненного опыта.

«И потому она особенно интересна. Слишком странная для простолюдинки. А её мотивы уже сложно объяснить влюблённостью в предыдущего Лекса. Такого просто не бывает – годами таскаться за тем, кто тебя ни во что не ставит, и не разочароваться в нём. Вернее, уже во мне, не суть...» – я ещё раз окинул её взглядом со спины, и подошёл ближе, мягко приобняв за плечи.

– Всё будет нормально. В любом случае будет. Обещаю.

Мы простояли так ещё несколько минут, после чего занялись своими делами – я продолжил самообразование, а Алисия наконец-то дошла до того, чтобы лично связаться с родственниками и сказать, что с ней всё в порядке. По-хорошему мне тоже стоило бы этим заняться – хотя бы написать отцу и уточнить положение дел наших скорбных, но вместе с браслетом в лету канули и контакты.

А номера или способы связи Лазарей мне были банальнейшим образом неизвестны. И позвонить в поместье со словами «здрасьте, пригласите к телефону графа, пожалуйста», мне не позволяло чувство самосохранения.

Благо, долго разрываться между двумя крайностями мне было не суждено: спустя половину часа в моей палате собралась вся наша «дружная компания».

Первым в дверь просунулся Виктор Шталь. Выглядел он не очень – бледный, с неестественно прямым позвоночником и маской вежливого интереса на лице. Едва переступив порог, он замер у стены, сложив руки за спиной и явно не зная, куда себя деть.

Следом в палату вплыла Эльза. И, в отличие от кузена, она держалась с уверенностью человека, который точно знает, куда и зачем пришёл. Одета она была в аккуратное, свежее платье тёмно-синего цвета. Волосы девушки были уложены в строгую причёску с хвостом на затылке, а лицо – аккуратно доведено «до кондиции» минимумом косметики.

А в руках Эльза несла объёмный ланч-бокс из матового металла с выгравированным на крышке гербом Шталей.

– Лазарь, ты ещё жив? – вместо приветствия бросила она, окинув меня цепким взглядом с ног до головы. – Выглядишь паршиво. Дай-ка руку...

Я не успел и рта открыть, как она уже оказалась рядом, бесцеремонно усадила меня обратно на койку, выудила из кармана флакончик с антисептиком, обработала свои руки и, закатав рукав моего халата, принялась разматывать повязку. Быстро, точно и сосредоточенно, так, словно у неё экзамен принимали, а не она сама решила мельком оценить моё состояние.

– Шталь, у тебя мания величия или просто пунктик на контроле? – поинтересовался я, не сопротивляясь «нападению».

– Пунктик на том, чтобы мои пациенты не подышали от сепсиса из-за криворуких медсестёр, – отрезала она, хмурясь. – Повязку меняли?

– Утром... ну, условно утром. Пять часов назад.

– Это хорошо. Отёк спадает, края чистые, – она ловко закрепила бинт обратно и, удовлетворённо кивнув, отступила на шаг. – Теперь точно порядок...

В этот момент в палату вошёл задержавшийся где-то Громов, а я, подняв на него взгляд, заметил, что Алисия стояла, словно каменное изваяние. Такая же напряжённая, хмурая, поджавшая губы и сжавшая кулачки.

Её взгляд метался между мной, Эльзой и ланч-боксом, который покоился на тумбочке у койки.

– Это что? – я кивнул на контейнер.

– Еда, – лаконично ответила Шталь. – Нормальная. Я успела зайти в ресторан, пока дражайший кузен, – она небрежно кивнула на Виктора, – соизволил говорить с моим отцом. Там запечённое мясо с овощами, ещё тёплое. Ешь, пока совсем не остыло.

Алисия поджала губы, а я кожей ощутил, как воздух наэлектризовался. Один раз – случайность, два... Ну, в нашем случае это уже не просто проявление заботы.

Интрига или симпатия – вот, в чём вопрос.

«Преимущества молодости тесно переплетены с минусами... Хотя, что б меня прокляло, если это минусы».

– Благодарю, Эльза, – я взвесил в руках контейнер. – Только я попозже поем, если не возражаешь. Завтрак недавно был, да и, – я демонстративно обвёл взглядом палату, как бы намекая на то, что есть у всех на глазах было бы моветоном, – сейчас у нас есть дела. Дима, мы уже выдвигаемся?

– Почти, – брюнет неопределённо махнул рукой. – Десять минут, и экипаж подадут.

Я кивнул, вернул контейнер на тумбочку и встал, чтобы начать собирать вещи, когда Виктор, всё это время стоявший столбом, наконец подал голос:

– Лександр, я бы хотел... выразить признательность. За то, что ты сделал. Для Эльзы, для всех нас. Я понимаю, что в поезде мы повели себя не лучшим образом, и...

– Забудь, – я перебил его, уловив в его речи нотки «отеческих наставлений». – Ты прикрывал меня в лесу, да и потом тоже. Мы квиты.

Виктор слабо улыбнулся и развёл руками, как бы извиняясь: не по моей инициативе, мол. А вот Эльза, проследив за тем, как я отложил контейнер в сторону, поджала губы и переключила своё внимание на Алисию.

– А ты, я смотрю, уже освоилась? – в её голосе проскочили знакомые высокомерные нотки. – Раз всё ещё находишься здесь...

– Лекс постарался, – тихо ответила Алисия, переведя взгляд в пол.

– Похвально. – Эльза улыбнулась так, что я вздрогнул. До того ехидно и зло она это сделала. – В академии тебе тоже понадобится его поддержка. Простолюдинам там нелегко..

– Эльза, – одёрнул её Виктор, но та лишь отмахнулась.

– Я всего лишь беспокоюсь о нашей подруге, – Эльза, демонстративно не замечая, как отчаянно Алисия вцепилась пальцами в край своего халата, повернулась ко мне. – К слову, Лазарь. Мой отец выразил желание с тобой познакомиться. Думаю, в ближайшее время он передаст через меня официальное приглашение.

Я глубоко кивнул:

– Я польщён, – предельно нейтральный и по тону, и по смыслу ответ. – Как только устроюсь в академии, буду рад нанести визит. В свободное время.

«Лишь бы приглашали не на другой конец Империи, а то неловко получится».

Эльза кивнула удовлетворённо, и в палате установилась неловкая тишина. Да, я мог вступить за Алисию и прервать пикировку... но будем честны – Эльза к Алисии относится ещё

неплохо по сравнению с тем, что может ждать простолюдинку в академии. И там я не смогу постоянно быть рядом, чтобы её защитить.

Следовательно, она должна сама учиться давать отпор, пока один лишь факт опеки с моей стороны и своеобразной дружбы с нашей «компашкой» не начнёт выступать для девушки надёжным щитом.

«Если простолюдинка этого мира вообще способна этот самый отпор дать. Учитывая полноту власти знати над обычными людьми, сказанная в ответ колкость может привести к очень печальным последствиям».

– Алисия, тебе помочь собраться? – бросив пустые рассуждения, я улыбнулся девушке, которой, по правде, было, что собирать. В моей палате она успела обжиться весьма основательно, пожертвовав сном. – И раз у нас остались считанные минуты, надо бы сбежать за одеждой...

– Я уже распорядился, – бросил Громов, не отвлекаясь от экрана планшета. – Вот-вот ваше добро принесут. И твоё, и Алисии.

– Спасибо, – искренне произнесла девушка, только сейчас поняв, что она сама даже не задумалась о том, в чём же ехать в академию. Но замешательство на её лице быстро сменилось каким-то новым выражением. – Ты всегда такой предусмотрительный, Дима?

Дмитрий обворожительно улыбнулся:

– Лишь в отношении друзей, – в дверь постучали. – А вот и вещи, собственно...

Дальнейшие события смазались в закрутившийся хаос быта.

Все сновали из палаты и обратно, потому что переодеться требовалось и мне, и Алисии, а светить трусами даже перед «боевыми товарищами» не хотелось никому. Плюс дали о себе знать мелкие формальности – мне пришлось под тяжёлым взглядом очень недовольного врача подписать бумаги о своём отбытии.

А недоволен он был потому, что я, как настоящий аристократ, сначала продавил свою линию и формально заселил Алисию в палату, а теперь вознамерился свалить в закат.

Сама девушка при этом в палату даже не зашла ни разу, но кто ж знал, что Громов предложит куда более привлекательный вариант убраться подальше от дотошных вояк?

Так или иначе, но спустя половину часа я уже облачился в чистый и относительно целый дорожный костюм, показавший, что вещи знати – это качество, а не просто заоблачный ценник и дорогая ткань. Конечно, рубашку и пиджак пришлось заменить, ибо рукава там отсутствовали, но всё остальное стойко пережило поход. А вот Алисия выглядела не столь притязательно, потому что её платье поистрепалось куда заметнее, а сменку она с собой не взяла.

Но выбирать не приходилось, и наша нестройная компания вскорости вышла на больничное крыльцо.

Уличный воздух Сант-Море встретил нас сомнительными ароматами пыли, конского навоза и чего-то цветочного, доносящегося с окружающего госпиталь парка. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в грязно-оранжевые тона, а у подъездной дорожки, чуть в отдалении, нас ждал экипаж Громовых – длинный, лакированный пепелац с гербом рода на дверцах. Одновременно эта машина урчала паровым двигателем, выбрасывая в небо струйки пара, и была запряжена двойкой мощных вороных жеребцов, ведущих себя на удивление смиренно.

Кучер, едва нас завидев, спрыгнул с козлов и приподнял цилиндр, открывая массивную дверцу.

– Не стесняемся, внутри просторно, два ряда, – бросил Громов, с улыбкой глядя на девушек. Эльза фыркнула и залезла внутрь первой лишь для того, чтобы быстро утянуть Алисию на задний ряд, подальше от нас. – Парни, потеснимся не переднем?

– Да без вопросов, – я хмыкнул, и уже собрался забраться в недра экипажа, когда мне на плечо легла рука Димы.

– Лекс, обожди.

Я обернулся. Прямоком к нам, широко и быстро шагая, направлялся человек в строгой форме, которую я не сразу, но худо-бедно опознал – тёмно-серый китель с серебряным шитьём и фуражка с кокардой в виде почему-то трёх распахнутых крыльев не оставляли простора для воображения.

Имперская Безопасность. Не полиция, не жандармерия – а те, в ведении кого находились «особые случаи».

– Господин Лазарь? – мужчина остановился в трёх шагах, оценивающе оглядев меня с головы до ног. – Следователь Фидеас Корвин, внешний отдел Имперской Безопасности. Мне необходимо задать вам несколько вопросов касательно недавних событий...

Дмитрий шагнул вперёд:

– Господин Корвин, мой друг ранен, и направляется прямоком в медкорпус при Первой Академии. Ваши вопросы могу подождать хотя бы пару часов?

– Боюсь, не могут, молодой человек, – Корвин даже не взглянул на Громова, продолжая в оба глаза меня рассматривать. – Это не займёт много времени. И я предлагаю компромисс: мы побеседуем в моём экипаже по дороге в академию. Он последует за вашим, – мужчина кивнул Диме, – господин Громов. Никаких задержек не случится, гарантирую.

Дмитрий нахмурился, явно собираясь возразить, но я его опередил. Не в моих планах было вступать в конфронтацию с безопасниками государства, не зная даже, какими правами я располагаю.

– Я согласен, господин Корвин. Чем быстрее мы покончим с формальностями, тем лучше.

Громов бросил на меня быстрый взгляд, но спорить не стал. Лишь кивнул:

– Я предупрежу остальных, – бросил он уже через плечо, забираясь в салон.

Меня же Корвин повёл к неприметному чёрному экипажу, припаркованному поодаль. Никаких гербов, никаких опознавательных знаков – только затемнённые стёкла, самый обычный на вид кучер и ничем не примечательные лошадки в упряжи.

Я сел внутрь, отметив про себя удивительную комфортабельность салона: кожаные сиденья, небольшой столик, встроенный в перегородку экран, ныне чёрный и безжизненный. Корвин устроился напротив, и экипаж мягко тронулся, пристроившись за транспортом Громовых.

Несколько секунд Корвин молчал, разглядывая меня со всё тем же цепким, неприятным вниманием. Затем достал из кармана небольшое устройство, переключил некий тумблер и опустил его на столик между нами.

– Итак, Лександр Лазарь. Расскажите мне, что произошло после взрыва в поезде. В деталях. Особенно Имперскую Безопасность интересует, как вам удалось сдерживать нападавших с помощью бытового катализатора...

Я набрал в лёгкие побольше воздуха, и за один присест повторил ту же версию, которую озвучил и Громову-старшему: паника, организация отхода, материализация для создания завесы, оружия и щитов. Корвин слушал, не перебивая. При этом лицо у него оставалось настолько невыразительным, что нельзя было даже предположить, о чём он сейчас думает.

Когда я закончил, он откинулся на спинку своего сиденья, потерев подбородок.

– Любопытно. Даже очень любопытно. – Он сделал паузу. – Где вы научились так использовать бытовые техники, господин Лазарь? Судя по услышанному мною, ваш уровень контроля и качества воображения должны быть прямо-таки зашкаливающими. Это не уровень абитуриента. Да и бывалые эксперты, стоит признать, едва ли способны столь эффективно использовать материализацию в реальном бою без соответствующих инструментов...

Он шумно выдохнул, сцепив руки в замок перед собой, и продолжил:

– Бытовой катализатор, даже самый совершенный, намеренно разрабатывался так, чтобы его проблематично было использовать в качестве оружия. И всё же, вам удалось эффективно обойти это ограничение, поставив под вопрос компетенции регулирующих органов. Или, – он

подался вперёд, – вами были внесены нелегальные модификации в аппаратную и программную части устройства, господин Лазарь? Попрошу отвечать предельно честно...

«Проклятье. Только этого сейчас не хватало. Я ведь понятия не имею, была ли игрушка Лекса модифицирована. Значит, опять придётся играть вслепую».

– Нет, господин Корвин. Насколько мне известно, мой браслет не был как-либо модифицирован. И использование его в таком ключе было сопряжено с болью, чрезмерной нагрузкой и огромными рисками, – начал я, собравшись с мыслями. – Материализация легко давалась мне с детства, но в бою эта техника едва держалась. Любое внешнее воздействие приводило к тому, что браслет прерывал поддержание, и мне приходилось пересоздавать всё заново, рискуя тем больше, чем дольше длился бой. Меня спасло только то, что вокруг разбежались толпы черни, а террористам было тяжело в полумраке по мне стрелять. Да и палили они в белый свет как в копеечку.

Мужчина сдержанно кивнул:

– Это ожидаемо для плебса, наспех вооружённого слабыми катализаторами типа «костыль». Но сам факт того, что вы, господин Лазарь, сражались бытовым катализатором... – он покачал головой. – Это опасный прецедент. И вскорости мы будем вынуждены провести ряд сравнительных тестов, для чего вы будете приглашены в один из филиалов нашей организации.

– Тестов? – я вскинул бровь.

– В нашем распоряжении есть аналоги оборудования любой из главных академий, господин Лазарь. Возможность в лабораторных условиях зафиксировать качество и глубину контроля и воображения позволит доказать или опровергнуть наличие или отсутствие модификаций вашего бытового катализатора, – он качнул головой. – Иными словами, мы попросим вас повторить ваш подвиг и продемонстрировать навыки. Ничего сложного в том случае, если вы были честны с Имперской Безопасностью. Продолжим наш разговор...

Вопросы сыпались как из рога изобилия, демонстрируя крайнюю степень квалификации безопасника, который, казалось, решил вынуть из меня душу своими едкими колкостями и готовностью задавать неудобные вопросы по десять раз кряду, меняя формулировки и оттенки тонов в них.

Таким образом он от и до проверил мой рассказ, выискивая неточности или ложь, но безуспешно: в этом плане мне скрывать было нечего, и, по сути своей, я говорил чистейшую правду.

А подозревать меня в том, что я – не я, не додумался даже столь въедливый следователь.

– Что ж, – он кивнул удовлетворённо после того, как я ответил на очередной каверзный вопрос. – Всё это замечательно, господин Лазарь, но ваши таланты... слишком велики для того, кто последние два года, простите за прямоту, пил и дебоширил, не проявляя ни малейшего интереса к эрикс-искусствам. Как?

«Что – «как», въедливая ты скотина? Он к чему-то ведёт, но к чему?».

– У меня было много свободного времени, господин Корвин, – ответил я, тщательно подбирая каждое слово. – Воображение и дисциплина ума не требуют постоянной практики с катализатором. Достаточно тренировать разум.

– И вы тренировали его, лёжа пьяным в канаве?

Я сжал зубы, но сдержался.

«Провокация, Лекс. Всего лишь провокация. На служивых не обижаются, пока они остаются в рамках своих обязанностей».

– Пусть даже и так, господин Корвин. Благодаря этому мои действия во время теракта, смею надеяться, спасли немало жизней. Это всё, что должно иметь значение... как мне кажется.

Следователь хмыкнул.

– Возможно. Но меня, знаете ли, смущает другое. Ваш брат, Родерик Лазарь, служит в гвардии Императора. Он – признанный мастер боевых эрикс-искусств, с прицелом на становление экспертом задолго до тридцати лет. Однако, – Корвин наклонился, прищурившись. – Даже он в вашем возрасте не был способен на то, что сумели сотворить вы. А ведь Родерика с малых лет присмотрели для службы в гвардии Его Величества. А посему, Лександр Лазарь, ответьте мне ещё на один вопрос. Почему вы не решились пойти по стопам старшего брата?

– У меня другие интересы, господин Корвин. Далёкие от военной стези. – Что было чистой правдой, ведь использовать такую силу сугубо для убийств по моим меркам было просто позорной растратой таланта, что магического, что «местного».

– Интересы аристократа не должны стоять выше нужд родины, господин Лазарь. И сокрытие столь выдающегося таланта не может не вызывать вопросы, уж простите меня за прямоту, в очередной раз.

Я криво усмехнулся:

– Вы и правда очень прямолинейны. Словно вам в руки негодный простолюдин попал, а не отпрыск графского рода, – я поймал взгляд мужчины, чуть прищурившись. – Вас интересует что-то ещё, господин Корвин?

– От кого вы прятали свои способности, Лександр? – на удивление фамильярно бросил он, демонстративно щёлкнув тумблером на записывающем устройстве. – От семьи? От Империи? От вашего старого друга, вашей же рукой лишённого всякого будущего?

Я замер, а моё лицо дрогнуло. Мне даже не пришлось разыгрывать оторопь, потому что эта щепотка конкретики оказалась сродни горсти брошенного в костёр пороха. «Старый друг», о котором я знал, у этого тела был только один.

Некто Игорь, человек, не оставивший никаких следов в сети – а ведь я постарался его найти. Безуспешно.

«И вот теперь, кажется, мне заботливо подбросили очередной кусочек мозаики. Всё сходится. Друг, пострадавший от «моей» руки. Психологическая травма или обещание, ему данное – тут не сказать точно. Но итог один. Лександр Лазарь поставил на своей жизни жирный крест, а потом втянулся в вереницу праздных развлечений. Проклятье!».

– От самого себя, – выдохнул я тихо. – Иногда нужно упасть на самое дно, чтобы понять, чего ты стоишь сам по себе. И к чему имеешь право стремиться.

Корвин откинулся обратно, и на лице его впервые за всё это время проявилось некое блеклое подобие эмоций: он сморщился так, словно я скормил ему обильно присыпанный солью лимон. Для остроты ощущений.

– Красиво сказано, – он закивал, поджав губы. – Прямо для газет. Но это не интервью, господин Лазарь. Впрочем, более вопросов у меня нет. Воды?

– Откажусь, – я качнул головой.

Остаток пути прошёл в тягостном молчании.

Я смотрел в затемнённое окно, за которым проплывали улицы Сант-Море – широкие проспекты, особняки знати, магазины с яркими вывесками в старинном стиле, конные жандармы, богатые экипажи и редкие прохожие. Город казался спокойным, почти сонным, если бы не вывешенные на балконах чёрные, с золотой окантовкой отрезки ткани, и отсутствие флагов там, где им положено было находиться.

Сант-Море, центр эрикс-искусств Империи, пребывал в трауре. Вереница терактов стала сродни необъявленной войне, унёсшей десятки жизней молодых аристократов и сотни – простого люда.

«По меркам мира, не ведущего масштабных войн, это из ряда вон выходящее событие. И общество реагирует соответствующе».

А экипаж тем временем замедлил ход, следом за транспортом Громовых остановившись у высоких кованых ворот, увенчанных гербом Первой Академии Эрикс-Искусств – скрещенные меч, игла и молот.

Символы воинов, медиков и творцов – специальностей, пользующихся особым престижем.

Территория вокруг тонула в зелени, потому что саму академию окружала широкая, ухоженная лесополоса. Она же выполняла роль естественной преграды для техники – расстояние в пару километров, если считать напрямик, мы преодолели за почти четверть часа, петляя по узким дорогам среди деревьев и блокпостов.

Академия являлась символом безопасности, но не демонстративной, а вот такой – прикрытой церемониями, ландшафтными решениями и причудливой архитектурой.

– Прибыли, господин Лазарь. От своего лица и от лица департамента могу пожелать вам успехов в учёбе. И рассмотрите военную стезю. Такого человека, как вы, примут с распростёртыми объятиями в любой части нашей великой страны, – напутствовал меня Корвин, получивший в ответ строго формальное и вежливое прощание.

Я вышел на свежий воздух, глубоко вдохнув и сразу же заметив своих.

– Лекс! Что он хотел? Ты в порядке? – Алисия оказалась рядом быстрее, чем я успел даже рот открыть.

– В полном. Обычные вопросы, – я улыбнулся. – Ничего такого, о чём стоило бы волноваться. Просто формальности, проистекающие из моих неочевидных талантов.

Эльза, стоявшая чуть поодаль, фыркнула:

– Да ты сама скромность, Лазарь. Смотри, не сияй слишком ярко. А то раньше времени потухнешь. Ненароком.

– Это мне не грозит, – отозвался я. – Мой план на обучение в академии заключается в том, чтобы особо не отвешивать...

Но семена сомнения Эльза во мне посеяла, вынудив вспомнить о том, что звучное имя, статус и подвиги, возможно, потешат моё самолюбие, но идущий со всем этим богатством рука об руку долг спросит вдвойне. Просто не сразу.

Громов в эти секунды уже общался с охраной – парой поджарых мужчин, один из которых, глядя на нашу компанию, сверялся с чем-то в планшете, на лету внося пометки стилусом. И минуты не прошло, как Дима вернулся:

– Всё улажено, господа и дамы. Проходим, не стесняемся, – и улыбался он при этом так, словно договорился о поступлении в обход экзаменов. Впрочем, учитывая тот факт, что пустили даже Алисию, это могло быть недалеко от правды. – Нам выделили комнаты в восточном крыле. Девушки – в западном, разумеется. Это во-он то здание. И, Алисия, для тебя тоже есть место, не беспокойся.

Алисия просияла, но тут же настороженно покосилась на Эльзу. Та посмотрела на блондинку как на врага народа, но промолчала.

– Спасибо, Дима, – искренне сказала Алисия, убедившись в том, что Шталь язвить пока не собирается.

– Пустое. За тебя уже и до меня похлопотали, – парень махнул рукой. – Пойдёмте, покажу, где что...

– Похлопотали? – Алисия вскинула брови.

– Иначе я понятия не имею, почему ты присутствуешь в списках, – он пожал плечами, задавая направление. – Возможно, графиня Сориар или Лекс...

– У меня руки не настолько длинные, – я тут же откестился от чужих деяний. – Да и не успел бы я.

– В любом случае, не суть важно. Всё тайное станет явным, рано или поздно...

Произнеся это многозначительным и таинственным тоном, Громов повёл нас дальше, вглубь территории академии. По мощёной дорожке идти было одно удовольствие, а утопающие в зелени корпуса выглядели величественно и естественно даже через призму прожитых мною лет. А уж я-то повидал всякого, стоит заметить.

Где-то вдалеке уже слышался смех и приглушённые голоса – абитуриенты-аристократы уже обживались. Лично мы ни с кем так и не столкнулись, но сам факт чужого присутствия был налицо.

А когда подошла пора разделяться, – мальчикам налево, девочкам направо, – я подошёл к Эльзе, чуть наклонившись.

– Эльза, у меня есть небольшая просьба, если позволишь, – негромко произнёс я, поймав взгляд Виктора и кивком донеся до него, что всё в порядке. – Пожалуйста, присмотри за Алисией в общежитии. В том плане, чтобы не случилось... эксцессов. Не хочу обрастать врагами ещё до начала занятий.

– Хорошо, – Эльза ответила почти сразу, но в её голосе послышалась странная смесь покорности... и разочарования. Она поджала губы, скосив взгляд на Алисию, идущую рядом и, судя по напряжённому выражению лица, прислушивающуюся к нашему разговору. – Только не думай, что я стану её нянькой, Лазарь. Максимум – предупрежу, если какая-нибудь дура решит по доброте душевной устроить травлю странной простолоудинки.

– Этого более чем достаточно, – я выдохнул с облегчением, которое даже и не скрывал. – Спасибо, Эльза. Я твой должник.

– Замяли, – бросила она, резко развернувшись, на ходу подцепив Алисию под локоток, и направившись в сторону махины западного крыла.

Виктор, проследив за кузиной, улыбнулся мне одними уголками губ, а Громов... Громов скорчил такое лицо, в котором с первых мгновений читалось: «ой, дура-а-ак».

– Ты всерьёз попросил Эльзу присмотреть за твоей подругой? – негромко поинтересовался Дмитрий, уже сделавший кое-какие выводы. – Она же... как бы помягче... не самый чуткий человек в Империи.

– Зато она девушка пробивная, и умеет ставить на место зарвавшихся особ, – вставил я своё веское «однако». – Алисии нужна не столько защита, сколько кто-то, кто создаст рядом с ней видимость того, что она не сама по себе. А потом в академию приедут другие простолоудины, и всё нормализуется естественным образом. Я на это уповаю...

– Логично, – согласился Громов, задумчиво почесав подбородок. – И всё же, будь осторожен. Эльза Шталь – девушка с характером. Если она решит, что ты ей что-то должен сверх меры, отвергаться будет сложно...

– Подпишусь под каждым словом, – буркнул Виктор, которого, кажется, не самые лестные слова в адрес кузины ничуть не смущали. – Как бы твоя просьба, Лекс, хуже не сделала...

– Да ты брось, – я скептически прищурился. – Эльза показала мне достаточно умной, чтобы не цепляться к окружающим по мелочам.

– О, ты её переоцениваешь. Впрочем, время покажет, – махнул рукой Виктор Шталь перед тем, как мы ступили под своды восточного крыла.

Холл общежития встретил нас прохладой каменных стен и ароматами старого дерева. Внутри царил тишина – шаги тонули в шелесте ковровых дорожек, а голоса поглощались высокими потолками и плотно закрывающимися толстыми дверьми.

Дежурящий в холле комендант сверился со списком, и быстро распределил нас по комнатам, располагающимся, как назло, в разных частях огромного здания. Мы разделились, а спустя десяток секунд я уже осматривался в своём новом пристанище – светлой комнате с высоким окном, выходящим во внутренний двор.

Убранство тут было с одной стороны спартанским, а с другой – богатым. Широкая, без украшений, кровать была застелена до безобразия мягкими простынями, массивный дубовый

стол выглядел так, словно его вырезали из цельного куска древесины, а платяной шкаф, лишённый лишних деталей, щеголял характерными оттенками красного дерева.

Очень и очень прилично смотрелась пара простых, как топор, стульев, а в зеркало на двери хотелось нырнуть рыбкой – до того совершенным оно казалось.

За неприметной дверкой у входа нашлись и удобства: отхожее место, соседствующее с крохотной душевой кабинкой и рукомойником. Может, аристократа это и оскорбило бы, – памятуя «мою» уборную в поместье, – но мне эта компактность даже импонировала.

В конце концов, общежитие – это место, где можно бросить кости в перерывах между другими, более важными делами.

«По-хорошему стоит помыться, но как же не хочется потом идти и менять проклятую повязку. Ещё и следователь этот, что б ему икалось... Вроде и не устроил ничего такого, а я всё равно как после марафона» – в мыслях, как и ожидалось, довольства не было ни на грош.

Я примерно представлял себе масштабы предстоящих «великих дел», и потому просто запретил себе об этом думать. Разделся, запер дверь комнаты, рухнул на кровать – и отключился, заснув мёртвым, беспробудным сном.

И пусть весь мир подождёт. Снова.

## Глава 12. Чужое сердце – всегда тайна.

Свет из окна безжалостно бьёт прямо в веки, выжигая на сетчатке алые, пульсирующие круги. Голова раскалывается так, словно в неё забили ржавый гвоздь, а в голове заканчивает формироваться мысль, гласящая, что мучительная побудка в новом мире скорее норма, чем исключение из правил.

– Проклятье... отчего такая реакция? – чертыхаясь, я сел на кровати, поморщившись от резкой боли в запястье. Прислушался к себе: тело рапортовало о том, что все системы работают, но не на сто процентов.

Иными словами, мне хотелось лечь и проспать ещё вечность. Вот только я не мог себе этого позволить, потому что время в моём случае было чрезвычайно ценным.

«А это значит, что покой нам только снится. Вставай, Лександр Лазарь. Пора вершить великие дела... но начать всё равно придётся с малого».

Комната, вчера казавшаяся почти спартанской, при свете дня выглядела чужой и неприветливой. Высокие потолки, плоская, но огромная люстра, пустые книжные полки – всё это не было моим и ждало, пока я тут как следует освоюсь.

Пока раскидаю по углам вещи, расставлю литературу... но у меня ничего такого с собой просто не было. Почти.

«Три книги да стопка одежды – вот и все богатства отпрыска графского рода. Это было бы смешно, если б не было так грустно».

Первым делом я, встав перед зеркалом, бросил взгляд на перевязанную руку. Повязка держалась крепко, но уже успела прийти в nepотребный, растрёпанный вид. С собой у меня не было ни бинтов, ни медикаментов, ни даже понимания, что и сколько мазать – в суматохе не было возможности акцентировать на этом внимание. А потому дорога моя в любом случае лежала в местный госпиталь: на перевязку.

«Медицинское крыло – первая цель на сегодня. Отличное, что б его, начало дня» – подумал я, переводя взгляд на тумбочку.

Там, поблескивая матовым металлом, стоял вчерашний ланч-бокс с выгравированным на крышке гербом Шталей. И все сомнения по поводу того, что еду принято хранить в холодильнике, моментально и безальтернативно разбились об зверский аппетит.

Дела были отложены, ланч-бокс – открыт, а аккуратно разложенные внутри кусочки запечённого мяса с овощами, давно остывшие, но ароматно пахнущие до сих пор, начали постепенно перебираться в мой желудок.

Мысли же сами собой потекли в неприятное русло.

Эльза Шталь и эта её забота, слишком настойчивая для простого «спасибо» или «мы же друзья». При условно-первой встрече мы доболтались до того, что она посмотрела на меня, как на орангутана в костюме, а теперь казалось, словно я стал её личным пациентом и проектом, которого надо обязательно выходить, чтобы получить зачёт.

В общем и целом я ничего не имел против студенческих романов, да только наше с Эльзой происхождение делало всё на порядок так два сложнее. Не потому, что это был потенциальный мезальянс, – ни на что не претендующий отпрыск графа не особо далеко ушёл от дочери барона, – а из-за неиллюзорных рисков того, что за симпатией девушки могли торчать уши самого барона.

«Ненавижу интриги всем сердцем, но там, куда стоит стремиться, без них никак. Увы и ах, Лекс. И ладно бы только это...».

Я поморщился от того, насколько отчётливо в памяти отложился момент, когда я попросил Эльзу присмотреть за Алисией, надеясь скинуть заботу о ней на чью-то не столь больную голову хотя бы на время.

Вспомнил лицо рыжей оторвы в тот момент, и понял, что это была ошибка.

Не потому, что Эльза не справится. С её характером она катком пройдёт по кому угодно, и даже не вспотеет. Просто сам факт такой просьбы, во-первых, был ей как пощёчина, если это всё-таки попытки сблизиться, а не банальная вежливость.

А во-вторых, обратившись к Эльзе, я автоматически поставил Алисию в унижительное положение «подопечной», а Шталь дал лишний повод считать, что между мной и блондинкой есть нечто большее, чем просто взаимная вежливость и тянущаяся с малых лет дружба.

«Сделанного не воротишь, а тупость на состояние аффекта после перерождения не спишешь», – мрачно резюмировал я, доедая последний кусок. – «Теперь главное – не усугубить. Ещё бы время найти на эти игрища...».

Вздыхнув и признав собственную недалёковидность, я кое-как привёл себя в порядок – умылся, причесался, разгладил вчерашний костюм-химеру, дополнив композицию новыми, чистыми и целыми элементами взамен утративших лоск. Получался своего рода корабль Тесея, но мне было наплевать, куда смотрелось это более-менее прилично.

Я вышел в коридор, заперев за собой дверь, и, напрягши память, спустился в холл восточного крыла – «главный перекрёсток» общежития, встретивший меня тишиной и шепотками абитуриентов. Кто-то из них читал, кто-то переговаривался в углу, а кто-то бросал на меня любопытные взгляды, которые я демонстративно не замечал, проследовав к доске объявлений.

Эта приметная громадина шириной в шесть метров была сплошь усеяна листками бумаги: расписания подготовительных групп, консультаций, часы работы библиотеки, «окна» в столовой, профилактические осмотры в медицинском крыле с требованием зайти и заранее получить все справки...

Всё это пока что было необязательным – экзамены отложены, и абитуриентам предлагалось самим решать, чем занимать время. Меня такой расклад более чем устраивал по понятным причинам, но я всё равно прошёлся взглядом по каждому документу, запоминая и мысленно формируя рейтинг их значимости.

Хотелось выжать из внепланового «сезона подготовки» все соки, но пока оставалось только смотреть и облизываться, решая насущные, не терпящие отлагательств вопросы.

Кивнув смутно знакомому и поприветствовавшему меня парню, который удрал быстрее, чем я успел открыть рот, я переместился к одному из солидных, грубообразных и украшенных медью терминалов, расположенных тут же.

Функционал устройства ограничивался отображением интерактивной карты академии, но и это был хлеб: я быстро узнал, где нахожусь, и как добраться до библиотеки, читальных залов и медицинского крыла. Не обошёл вниманием и столовую с учебными аудиториями и основными административными помещениями – на будущее, чтобы не задаваться этим вопросом дважды.

И я уже собирался двинуться дальше по своим делам, когда за спиной раздался знакомый недовольный голос:

– Лазарь, – произнёс Шталь на выдохе. – Хорошо, что ты здесь.

Я обернулся, окинув Виктора взглядом. Он выглядел так, словно его подняли с постели пинками, а из комнаты выйти заставили, тыча в спину дулом артиллерийского орудия. Взъерошенный, самую малость неопрятный, с тёмными кругами под глазами и рубашке не в тон костюму, он выглядел... не жалко, но непривычно.

– Доброе утро, Виктор, – я позволил себе лёгкую улыбку, отслеживая его реакцию. – Ты как будто не сильно рад меня видеть...

– Ох, Лекс, – парень потёр переносицу. – После твоего вчерашнего дурного экспромта «не рады» будут все, кто вынужден контактировать с моей дражайшей кухней.

Я тяжело вздохнул, понимая, что ошибка уже была готова мне аукнуться:

– Всё так плохо?

– Сам и посмотришь, – с каким-то ехидством и тщательно замаскированным предвкушением хмыкнул он. – Эльза потребовала найти тебя и отправить в медицинское крыло, потому что иначе, цитата, «Лазаря доставят туда на носилках». И я не хочу даже предполагать, опасается ли она за то, что тебе станет хуже, или планирует что-нибудь тебе сломать...

– Она всегда такая... настойчивая?

– Она не раскрыла свой потенциал в этом искусстве даже наполовину, – Виктор качнул головой, и в его взгляде промелькнуло совершенно искреннее сочувствие. – Ты научишься сливаться с тенями, если Эльза решит проявить настойчивость, Лазарь.

– Звучит очень, – я сбился, подбирая слова, – угрожающе. Ты же не делаешь из неё монстра только для того, чтобы отомстить мне за раннюю побудку?

Виктор не ответил, молча разведя руками и вздохнув: как знаешь, мол.

– В любом случае, спасибо, Виктор. И за предупреждение, и за сообщение от Эльзы. Я как раз собирался сходить на перевязку...

– Вот и славно. Проводить не провожу, Лекс – родственники приехали, и они полны энтузиазма выдать из меня максимум информации о теракте. Удачи с Эльзой... – он неожиданно нахмурился. – И постарайся её больше не обижать.

Он резко развернулся и быстрым шагом направился к выходу, оставив меня в одиночестве. Я постоял несколько секунд, осмысливая его слова, и цыкнул языком:

«Значит, я её всё-таки задел. Паршиво. Вроде бы и не сопля зелёная, а всё туда же» – с такими мыслями я и вернулся в комнату за ланч-боксом, который следовало всё-таки вернуть.

А после направился в медицинское крыло, не став затягивать – и потому, что перевязку всё-таки нужно было сделать, и потому, что бегать от женщин, даже юных, куда позорнее, чем от племса с ружьями.

Медицинское крыло встретило меня стерильной прохладой, тянущейся из глубин кабинетов, характерным «больничным» запахом и приглушённой тишиной, в которой даже шаги звучали приглушённо. И это на каменных-то полах!

«Естественно, тут почти никого нет. Чего я ожидал под конец каникул, собственно?» – пронеслась мысль одновременно с тем, как я шёл куда глаза глядят.

Широкие коридоры, похожие друг на друга как две капли воды, не способствовали упрощению навигации. На табличках не было ничего, кроме номеров кабинетов и редких фамилий, а хоть какие-то информационные стенды, видимо, разобрали и унесли в парк для растопки костров – иначе я никак не мог объяснить то, что в медицинском крыле непонятно было, куда и к кому идти.

«И это часть Первой Академии, пафосной и обеспечивающей безопасность пополам с комфортом. А если бы я тут умер в муках?».

Спасением стал одинокий студент-медик, понимающе сориентировавший меня и отправивший в нужную сторону, прямо противоположную той, куда я шёл ранее. А у самых дверей кабинета, такого же безликого, как и все остальные, сбоку раздался знакомый, резкий и высокий голос:

– Лазарь, а ты не торопился.

Эльза стояла в нескольких шагах, опершись плечом о стену и сложив руки на груди. Рядом с ней переминалась с ноги на ногу Лиза Громова – та самая пробивная брюнетка, организаторские способности которой сослужили всей группе в лесу большую службу. Выглядела она несколько напряжённой, словно не разделяла настроения подружки.

– Доброе утро, – я кивнул обеим. – Прости, я потерялся. Это место явно не предназначено для того, чтобы сюда кто-то приходил своим ходом. Или я проморгал указатели...

– Тут делали ремонт, – буркнула Эльза. – Стрелочки на полу для дурачков ещё заново не нанесли, Лазарь. Но то, что ты всё-таки нашёлся – это похвально.

Она отлепилась от стены, шагнув ко мне, и выхватила ланч-бокс. Взвесила его в руках, кивнула и принялась утрамбовывать железную коробочку в свою сверхместительную сумку.

– К слову, спасибо за еду. Отменный вышел завтрак, – воспользовался я паузой.

– Пф-ф. Естественно, – Эльза фыркнула, но без присущего ей высокомерия. – Я не стала бы кормить пациента всякой дрянью. Заходи, тут уже всё готово.

Она первой проскользнула в кабинет, поманив меня следом. Я же бросил короткий взгляд на Лизу, и та ответила мне вежливой, но какой-то напряжённой улыбкой. Словно знала что-то, чего не знал я... и от этого мне стало как-то не по себе.

Внутри перевязочной всё было устроено практично и аскетично: светлые стены, медицинская кушетка с кучей регулирующих механизмов, наполненные медикаментами шкафы с прозрачными дверцами, пара табуреток и служебный терминал медперсонала в углу.

Именно там спокойно стояла медсестра, удостоившая нас беглым взглядом, кивнувшая Эльзе и вернувшаяся к своему занятию, уж не знаю, что она там делала.

– Садись, чего стоишь, – Эльза указала мне на кушетку, и не дожидаясь, пока я усядусь, принялась мыть руки в небольшой раковине, вмонтированной в стену. – Подготовь руку. Пиджак снять, рукав рубашки закатать. Могу снова отрезать лишнее, если хочешь...

– Вот уж чего не надо, – хмыкнул я, быстро обнажив повязку. – А тебя уже назначили на практику?

– По рекомендации, – буркнула девушка, чего-то смутившись. – В академии такое часто практикуется. Студенты – неиссякаемый источник ушибов, порезов, ожогов и переломов. Не пользоваться этим было бы попросту глупо, Лазарь.

– Раз ты так говоришь, то просто приму это на веру, – произнёс я, глядя за тем, как подошедшая ко мне Эльза быстро, профессионально и с минимумом неприятных ощущений размотала повязку, открепив откуда-то взявшиеся там скобы, удерживающие бинты и всё то, что было под ними. Её лицо при этом оставалось сосредоточенным, но мельком бросаемые на меня взгляды не позволяли обозвать происходящее простой формальностью.

Лиза тем временем отошла к окну, и принялась разглядывать что-то за стеклом, явно чувствуя себя третьей лишней. Молчание затягивалось, но Громова, шумно вдохнув, решила его внезапно нарушить:

– Лекс, у Эльзы и Алисии в общежитии произошла... размолвка, – Громова говорила в совсем не свойственной ей манере. – Они вчера немного повздорили. Я подумала, что ты должен знать.

Я поднял взгляд на Эльзу. Она, не поднимая глаз, расположила поверх ожога пропитанную мазями марлю, и процедила сквозь зубы:

– Да, Лазарь, я не удержалась. И указала твоей драгоценной простолоюдинке, где её место. А она вдруг решила, что имеет право огрызаться. – Эльза лязгнула ножницами, отрезав кусок эластичного бинта. – Я хотела, чтобы она приняла своё положение. Не более.

Мне оставалось только устало вздохнуть, качнув головой. Конфронтация уже произошла, но пока ещё была возможность сгладить углы... или хотя бы попытаться.

– Эльза, – я наклонил голову, заглянув ей в глаза. – Алисия... она прекрасно понимает своё положение. Это я её затащил в наш «знатный» вагон, несмотря на сопротивление. И это из-за меня она оказалась здесь раньше срока, единственная простолоюдинка среди тьмы знатных абитуриентов. Если кто-то и виноват в том, что это выглядит, как попрание устоявшихся норм, то этот кто-то – я.

Шталь поджала губы, механическими, но выверенными и точными движениями начав фиксировать ткань бинтом. Она внимательно слушала, вопреки всем моим о ней представлениям не начав огрызаться сходу.

– Она – единственный человек, который не отвернулся от меня даже тогда, когда я был на самом дне, понимаешь? Да, Алисия – простолоюдинка, но её лояльность прошла проверку

временем. Годами. Даже когда я её ни во что не ставил, заливая свои печали алкоголем, она упорно пыталась меня как-то реабилитировать. Поэтому, Эльза, – я выдохнул, – в моих глазах она заслуживает хотя бы базового уважения. И я намерен ей это обеспечить. Даже в ущерб себе.

Эльза замерла. Её пальцы, только что ловко управлявшиеся с бинтом, застыли над моим запястьем. В кабинете повисла такая тишина, что я буквально улышал, как удивлённо хмыкнула Лиза, а медсестра принялась активнее стучать по клавишам терминала, лишь бы не услышать лишнего.

– Вот как, – задумчиво протянула Шталь. Её голос звучал ровно, но вот в моё запястье она вцепилась с такой силой, что налицо была попытка удержать эмоции под контролем. – Значит, лояльность простолюдинки для тебя важнее, чем?..

Она осеклась, не договорив. Резкими движениями Эльза закончила перевязку, окончательно зафиксировав бинт и пригладив края. Встала, выпрямившись, и посмотрела на меня сверху вниз с выражением, в котором смешались обида, злость и что-то ещё, чему я пока не мог подобрать названия.

– Перевязка закончена, Лазарь, – отчеканила девушка. – Следующая – завтра, в это же время. И постарайся не мочить больше руку.

Я поднялся, одёрнув рукав и накинув пиджак. Посмотрел на Эльзу, мазнул взглядом по Лизе и медсестре. Мысленно выругался, подойдя к девушке и кончиками пальцев коснувшись её плеча:

– Эльза, речь не о том, что для меня важнее. Я ценю и то, что ты для меня делаешь, и своё прошлое. И мне жаль, что моя просьба вчера тебя обидела. Правда жаль, – Эльза, фыркнув, обернулась, горделиво вскинув голову и посмотрев на меня. Её грудь вздымалась неравномерно, так, словно она дышала рывками. Губы вытянулись в тонкую линию, а в глазах опасно заблестела влага. – Как насчёт того, чтобы прогуляться вечером вокруг академии и обо всём поговорить? Обстоятельно и без... необходимости торопиться.

Я неопределённо покрутил рукой в воздухе, не став прямо указывать на нежелательное присутствие Лизы, и уж тем более – медсестры.

– Прогуляться? – Эльза вскинула брови и на секунду застыла. – Ты серьёзно, Лазарь?

– Абсолютно, – я глубоко кивнул, улыбнувшись. – У тебя сегодня как со свободным временем?

Лиза демонстративно прокашлялась, глядя на нас с каким-то насмешливым взглядом исподлобья:

– Эльза сообщит тебе о своём свободном времени позже, Лазарь. Давай-ка ты сейчас пойдёшь по своим делам, а её я забираю, – Громова стремительно приблизилась к Эльзе, подхватив её под локоток и потащив на выход. – Всё потом, Лазарь!

– Эм... – я успел только рот открыть, когда Лиза уже вытащила возмущающуюся девушку наружу – лишь каскад рыжих волос мелькнул, и только. Хлопнула дверь, и я остался стоять посреди перевязочной с невысказанным вопросом на языке: что это было, и почему у меня такое ощущение, что надо мной поржали?

– Господин Лазарь, если у вас нет жалоб или просьб, пожалуйста, освободите кабинет, – от терминала отлипла медсестра, взгляд которой был не менее ехидным.

– Да-да, конечно...

На ходу застёгивая пуговицы, я вышел в пустующий коридор. Ни Элизабет, ни Эльзы. Только тишина и шелест вентиляции.

«Это была плохая идея, или очень плохая идея – вот в чём вопрос. Остаётся только надеяться на то, что я не наломал дров ещё больших».

В холл восточного крыла я вернулся в мрачной задумчивости.

Абитуриентов тут уже прибавилось – с десятков человек сгрудились у доски объявлений, обсуждая что-то вполголоса. Несколько парней у кресел громко спорили о том, какая подгото-

вительная секция даст увеличит их шансы на поступление, пока третий указывал на то, что за несколько дней из них атлантов не спит даже сам батюшка-Император. Чуть поодаль обнаружилась и одна-единственная девушка, что-то читающая на экранчике своего браслета и постоянно озирающаяся: ждала кого-то, не иначе.

Убедившись в том, что тут делать нечего, я уже собирался подняться к себе, чтобы сориентироваться относительно обязательной к изучению литературы, когда меня окликнули:

– Господин Лазарь! Господин Лазарь!..

Комендант, этот пожилой мужчина с военной выправкой и статью в каждом движении, вчера распределивший нас по комнатам, сегодня выглядел ещё более официально: его китель был застёгнут на все пуговицы, а на груди блестел начищенный до блеска значок с символикой академии.

«Не иначе, как вчера мы были сродни дождю в ясный день. А сегодня он успел принарядиться».

– Я вас слушаю, господин комендант, – я подошёл к нему ближе, обозначив приветственный полупоклон.

– Для вас оставили сообщение, господин Лазарь, – комендант говорил негромко, но чётко. – Звонили из поместья Лазарей. Граф Альберт Лазарь просил передать, чтобы вы связались с ним незамедлительно по этому номеру...

«Отец. Что ему нужно? И почему он звонит сюда, а не... ах да, я же гол, как сокол. И полностью отрезан от мира» – промелькнула мысль одновременно с тем, как в руки перекочевала обычная бумажка с записанной на ней вереницей цифр.

– Благодарю, – ответил я ровно, в мыслях уже перебирая все возможные варианты замаячившего на горизонте разговора. – К сожалению, так вышло, что я остался без средств связи...

– Ох, конечно же, – комендант кивнул понимающе. – Теракт, понимаю. Вы не первый с такой проблемой, господин Лазарь. Пойдёмте, пожалуйста...

Он двинулся на выход, и я шагнул следом, прислушиваясь ко всему тому, что мужчина счёл необходимым мне сообщить:

– На территории академии присутствует связная комната. Обычно ею пользуются студенты без знатного происхождения, потому как им запрещено иметь при себе средства связи, кроме академических коммуникаторов. Но в вашей ситуации это, не считите за оскорбление, оптимальный вариант, – мы вышли на улицу, двинувшись по дорожке вдоль стен корпуса. – Вон та пристройка, видите?

Я кивнул, сразу же заметив аккуратную, но не выделяющуюся особой «скрытой роскошью» постройку в полтора этажа высотой. О её предназначении говорила только россыпь антенн на крыше, почти невидимых из-за окружающей растительности.

– Вижу, господин комендант. И ещё раз спасибо. Признаться, я бы потратил порядком времени в попытках связаться с графом без вашей помощи...

– Пустое, господин Лазарь, – комендант довольно улыбнулся. – Мне не трудно оказать помощь сыну человека, который столько сделал для Империи. Прощу...

Комендант распахнул довольно неприметную с виду дверь, и мы сразу вошли в просторное помещение, не очень-то напоминающее «комнату». Это скорее был приличных размеров зал с высокими потолками и рядом деревянных кабинок вдоль стен.

В каждой кабинке виднелись примитивные, – для меня, – телефонные аппараты, чёрные, с наборными дисками и витыми шнурами, уходящими в стену. Над каждой из кабинок светила тёплым жёлтым светом надпись «СВОБОДНО», а на открытых сейчас дверцах висели отполированные до блеска бронзовые таблички с номерами.

Людей тут не было – ни персонала, ни студентов, так что комендант был вынужден сопроводить меня к кабинке лично, по пути покопавшись в распределительном щитке и запустив оборудование.

– Вот, господин Лазарь. Набираете внешний код – вот этот, – он ткнул пальцем в один из номеров, записанных на бумажке с цифрами, – затем номер абонента. Оплата не требуется, всё за счёт академии. Когда закончите разговор, просто положите трубку.

– Благодарю, господин комендант, – я кивнул. – Вы очень помогли.

Мужчина в ответ лишь улыбнулся, коротко поклонился и покинул помещение, оставив меня в гордом одиночестве. Я же зашёл в кабинку, плотно прикрыл за собой дверцу и опустился на жёсткий стул.

«Внешний код – не мобильный. Он соответствует коду Сант-Море, если верить таблице. Значит ли это, что отец в городе? Проклятье. Не хотелось бы сейчас с ним встречаться...».

Под давлением внешних обстоятельств я подсознательно проигнорировал и то, что простоявшим даже телефоны в академии были не положены, и то, что для них аж создали такую вот «совятню», как единственный способ связаться с родными, не покидая территорию.

«А если они тут ещё и заперты, то это какая-то возведённая в абсолют система построения зависимостей и вербовки кадров в самом начале их пути. Ровно то, с чем пришлось столкнуться мне в родном мире, но куда лучше и жёстче организованное...».

Я тряхнул головой, прогоняя лишние мысли. Сейчас не время для рефлексии.

Сначала – звонок отцу, а потом уже всё остальное.

Набрав внешний код и номер, я прижал трубку к уху. Гудки. Один, второй, третий, пятый – и вместо шестого в ухе раздался щелчок.

– Лександр, – граф даже не сомневался в том, кто именно ему звонит. – Оперативнее, чем я ожидал. Это хорошо. Как ты?

– Лучше, чем могло бы быть, отец, – честно признался я, немало удивившись тому... а чему, собственно? Интересу, который проявил отец к какому-никакому, а сыну, пережившему теракт? – Здоровью ничего не угрожает. Ожоги есть, но мешать они мне перестанут уже спустя пару-тройку недель. Благодарю за беспокойство...

Граф фыркнул в трубку:

– Рад, что ты не пострадал слишком сильно, Лександр. А теперь слушай внимательно, – его голос стал собраннее, резче. – Я нахожусь в Сант-Море. Здесь проходит экстренная встреча аристократии региона, по поводу недавних событий. Поэтому у нас есть возможность встретиться лично. Сегодня. Желательно – сейчас.

«Я определённо проклят. Верно мне друзья говорили: завязывай со своим «проклятием», мысли материальны. Кому, как не магу воплощения, об этом знать? Но тем не менее...».

– Я понял. Где и когда?

– Гостиница «Золотой Фазан». Это недалеко от академии, минут пятнадцать на любом приличном экипаже. Тебя встретят на входе. Вопросы?

«Жаловаться на отсутствие катализатора и денег? Нет уж. Кое-какая наличность сохранилась, на четверть часа в пути хватит. А остальное можно обсудить с глазу на глаз. Вдруг тут прослушка? Хотя... какое вдруг? Это даже не смешно».

– Вопросов нет, отец. Я выдвигаюсь прямо сейчас.

– Не гони коней слишком сильно, Лександр, – почему-то мне показалось, что граф улыбнулся. – Раньше, чем через час, я тебя всё равно не приму. И я рад, что ты выжил. До встречи... сын.

Длинный протяжный гудок обозначил завершение разговора, и прервался он только после того, как я повесил трубку. Я поднялся, вышел из кабинки и одёрнул пиджак, уже всецело пребывая в чертогах своего разума, всполошившегося и просчитывающего варианты.

«Гостиница «Золотой Фазан». Что ж, посмотрим, что приготовил для меня граф и отец. Вряд ли это что-то нехорошее – слишком уж мягким он мне показался, относительно того, что было в его кабинете. И всё-таки, нужно быть готовым ко всему».

Теперь мой путь лежал к воротам академии – благо, тропинки тянулись напрямик, а не петляли, как дороги. А дальше придётся поймать экипаж...

И как следует воспользоваться этим часом для того, чтобы всё как следует обдумать.

## Глава 13. Большие перемены + Интерлюдия 4.

Дорога до «Золотого Фазана» отняла у меня немногим больше тридцати минут с учётом затянувшегося поиска экипажа. Оказалось, что вокруг академии транспортное сообщение находится в состоянии «скорее мёртв, чем жив», и мне, чтобы поймать местный аналог такси, пришлось сильно удалиться в сторону центра.

И всё же, я отыскал экипаж – неказистую с виду повозку с угрюмым кучером, оживившимся после того, как я назвал пункт назначения и заплатил немного сверх озвученной суммы.

Всю дорогу я молчал, рассматривая проплывающие мимо особняки, общественные здания, магазины, небольшие «крепости» и редких прохожих, столь немногочисленных в разгар рабочего дня.

Мысли... мысли ворочались тяжёлые.

Отец не стал бы вызывать меня просто так. Не прямо перед этой, как он выразился, «экстренной встречей» аристократии, и не после теракта, подкинувшего дровишек в топку политической жизни Империи. Делать ему больше было нечего, чем разбираться с непутёвым сыном, когда его внимания требуют десятки людей в регионе и вне его.

«А вот с оказавшимся в числе тех, о ком заговорили с толикой уважения он вполне себе мог захотеть пообщаться. Если даже студенты на меня косились, значит, слухи ходят самые что ни на есть громкие. Вопрос: чем это чревато?».

«Золотой Фазан» оказался именно таким, каким я его себе и представлял – респектабельным, но без показной роскоши. Место для деловых встреч, где превыше всего ставят приватность и комфорт, а не возможность пустить пыль в глаза.

Да и кому, если каждого посетителя, – как и меня самого, – тут сразу заводили в предназначенную ему и его визави дверку, не давая пересекаться с другими гостями?

Лишнему в «Фазане» просто не было места, и это подкупало.

– Господин, прошу за мной, – представительного вида сотрудник сего заведения глубоко поклонился, когда миловидная девушка с холла «передала» меня ему на руки. – Господин Лазарь уже ожидает вас.

«Уже? Освободился раньше срока?» – промелькнула мысль между тем, как меня повели по коридорам, устланным тёмными с золотом коврами.

Здесь не было лишних дверей – лишь мягкое освещение, тишина и портреты личностей, ставших своего рода легендами. Кое-кого я даже знал, хвала моему экспресс-экскурсу в теорию этого мира, но подавляющее большинство лиц оставалось всего лишь лицами, неузнанными и серыми.

– Прошу, – мой проводник, трижды постучав в дверь, дождался короткого «войдите», и открыл её передо мной, отступив в сторону.

Поблагодарив его коротким кивком, я шагнул внутрь, мельком оглядевшись.

Переговорная была под стать гостинице – массивная мебель, камин, в котором потрескивали дрова, и снова портрет, но на этот раз принадлежащий самому Императору. Слева и справа от него висели портреты поменьше, изображающие предшественников владыки Первой Империи, а очерчивали эту композицию изгибающиеся двухцветные ленты сверху и снизу.

Альберт Лазарь стоял у окна, заложив руки за спину и глядя куда-то вдаль, на улицу. Он не обернулся на звук моих шагов, и в этой нарочитой небрежности я почувствовал знакомую игру – демонстрацию власти и превосходства, попытку заставить собеседника нервничать.

В прошлой жизни я видел этот приём десятки раз, и этот отголосок прошлого вселил в душу немного уверенного спокойствия.

– Отец, – я остановился в паре шагов от наливающегося тут стола, не садясь без приглашения. – Я прибыл, как и было велено.

– Лександр, – граф наконец повернулся, окинув меня оценивающим взглядом. – Пройди, садись. Разговор будет долгим и основательным.

Я опустился в кресло напротив стола, стараясь держать спину прямо и не показывать своего напряжения – неожиданно заныло запястье. Граф, немного помедлив, сел напротив, сложил руки перед собой, и с десятков секунд просто молча меня разглядывал.

– Ты приятно меня удивил, сын, – наконец произнёс он, выдохнув. – Мне стало известно, что во время недавнего допроса ты не доставил сотруднику Имперской Безопасности удовольствия лицезреть твою растерянность. Это похвально, пусть и несколько неожиданно...

Граф скупой, одними лишь уголками губ, улыбнулся. Он поймал мой взгляд, дав понять, что продолжать он не будет, и ждёт моей реакции.

– Я просто отвечал на вопросы. Мне было нечего скрывать. – А что ещё я мог сказать? То-то и оно.

– Разумеется, – граф усмехнулся. – И всё-таки, не каждый юноша твоих лет способен сохранить хладнокровие под давлением Корвина. Он, знаешь ли, считается одним из лучших следователей региона...

Я промолчал, не зная, как реагировать на эти откровения. Ну а Альберт Лазарь, кажется, даже не ждал ответа. Он откинулся в кресле, тут же продолжив:

– Но я позвал тебя не для того, чтобы обсуждать твои подвиги. О них я уже слышал. От Генриха Сориара, от Валении Громовой и от доброго десятка людей, которые вдруг вспомнили, что ты – не просто строчка в генеалогических каталогах. И каждый из них счёл своим долгом выразить... признательность.

Он сделал паузу, и в голосе мужчины вдруг прорезалась едва заметная горечь.

– Знаешь, каково это, Лександр? Узнавать о том, что твой сын – гениальный герой, из уст посторонних? Читать в газетах о том, как «молодой Лазарь» проявил себя, и понимать, что ты сам не знал о нём практически ничего? Не знал о его настоящих талантах? О храбрости, стойкости? И на все вопросы благодарных знакомых отвечать очередной вежливой двусмысленностью...

Я сглотнул, почувствовав, как по спине пробежала дрожь. Не потому, что мне вдруг стало стыдно за прошлое Лександра или за тайну, которой никогда не было.

А потому, что в словах графа звучала неподдельная, хоть и тщательно скрываемая боль.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – ответил я осторожно. – Всё произошло слишком быстро. А потом у меня просто не было возможности связаться с вами сразу, отец.

«Соккрытие моих «талантов» я оставлю без комментариев. Иначе это может плохо кончиться».

– Знаю, – граф снова, в который уже раз, вздохнул, проведя ладонью по лицу. – Знаю, Лександр. О том, что твой браслет вышел из строя, я узнал одним из первых. Ты просто пропал из сети. И именно поэтому, – он выдвинул ящик стола, и извлёк оттуда три предмета, – я решил, что тебе пора перестать быть отрезанным от мира.

На стол легли небольшая металлическая карточка с голографическим гербом рода Лазарей, угловатый «кирпичик» смартфона, и матовый браслет – почти точная копия того, что расплавился на моём запястье во время боя.

– Твой счёт, – граф постучал пальцем по карточке, – разблокирован. Сумма пока ограничена. Достаточно для жизни и учёбы, но без излишеств. Заработаешь право на большее – получишь. Это не наказание, Лександр. Ты потерял три года, и должен научиться ценить ресурсы, которые привык тратить, не глядя.

Я молча взял карточку, ощутив холод металла на кончиках пальцев. Затем перевёл взгляд на браслет и смартфон.

– А это?..

– Твой новый катализатор. Последняя ревизия так любившейся тебе модели, в максимальной конфигурации. Это всё ещё гражданское бытовое устройство, но что-то более серьёзное вот так, из рук в руки, не передать. Нужна сертификация, даже с твоими навыками. Этим ты займёшься в академии.

– Я... понимаю, – я кивнул, беря в руки браслет. Всё так и свербило поскорее его надеть и вернуть себе доступ к «магии», но я сдержался. Пока что. – Спасибо, отец.

– Это ещё не всё, – граф взял и протянул мне смартфон. – Держи его при себе. Смею надеяться, телефон высшего класса защиты позволит тебе оставаться на связи в любом случае. Ситуации вроде произошедшей недопустимы. Не для нашего рода, Лександр.

– Этого не повторится, – я уверенно кивнул, внутренне ликуя.

– Я рассчитываю на это, – удовлетворённо бросил граф. Он подался вперёд, сцепив руки в замок перед собой. – А теперь то, что касается твоих скрытых талантов. Родерик в городе, и он хочет поговорить с тобой. Твои сёстры тоже прибыли в Сант-Море, и я вижу за этим хороший шанс собраться вместе. После всего того, что произошло, это было бы... уместно, Лександр.

Я помедлил. В другой ситуации, произойди это хотя бы через неделю или две, я бы согласился – контакт с наследником рода и «моим» старшим братом мог быть очень полезен. Плюс возможность разобраться с Розалией и поведением её подружки...

«Но у меня не было недели. Даже пары дней для того, чтобы вникнуть в обстановку вокруг – и тех террористы не дали, что б их пробрало и не сразу отпустило. Значит, я вынужден отказаться. И у меня даже есть хороший повод, с которым отец не сможет поспорить. Лазари – это честь и единство, в конце-то концов».

– Простите, отец, но сегодня вечером у меня уже есть планы, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал достаточно ровно. – Я уже дал слово, и не могу его нарушить.

Бровь графа поползла вверх:

– Планы? И что же это за планы, которые важнее рода?..

– Я обещал разговор дочери рода Шталь, Эльзе, – ответил я прямо, не отводя взгляда. – Она помогла мне в лесу сразу после теракта, и впоследствии проследила, чтобы с рукой не было осложнений. Пусть договорённость – это не клятва, но я всё равно не хотел бы её нарушать в самом начале своего пути, отец.

Граф вздохнул демонстративно и так, словно хотел, чтобы я почувствовал всю глубину его недовольства. Его взгляд, прежде тёплый, мгновенно потяжелел, пропитавшись целым коктейлем эмоций: неодобрением, предупреждением и чем-то ещё, мною непонятым.

– Шталь, – произнёс он наконец. – Барон Карл Шталь – человек амбициозный. И его дочь, насколько я знаю, не обделена ни умом, ни характером, ни внешностью...

Отец опустил руки на стол, сжав кулаки. На его скулах дёрнулись желваки, но не от гнева, а, скорее, от напряжения и крепкой задумчивости.

– Ты не маленький мальчик, Лександр, и сам должен осознавать все риски. Об одном лишь предупрежу – я не прощу, если ты возьмёшься за старое, и начнёшь путать деловые связи с романтическими похождениями.

– У меня другие приоритеты, отец, – я склонил голову, не соврав ни единым словом.

«Но одно другому не мешает, если подходить ко всему с толикой самоконтроля, конечно же».

– Посмотрим, – граф поднялся, давая понять, что на этом аудиенция окончена. – Надеюсь, ты воспользуешься открывшимися возможностями с умом, Лександр. И ещё одно...

– Да?..

– Ты показал себя достойно, – произнёс он тихо. – И я надеюсь, что ты действительно изменился. Потому что второго шанса уже не будет. Иди.

Я встал с кресла, неглубоко поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь.

На часах было без двадцати шесть, так что время у меня, смею надеяться, ещё было.

#### [Интерлюдия 4]

Вечерний парк Первой Академии тонул во всеобъемлющем, но готовящимся вот-вот отступить покое. Кроны вековых дубов и клёнов скрадывали робкие лучи закатного солнца, а тени под ними клубились и дрожали, саваном накрывая посыпанные почти белоснежным гравием дорожки. Воздух тут вобрал в себя ароматы влажной после только-только прошедшего дождя листвы и далёких цветников, и на фоне стерильности громады академии казался чуть ли не целебным.

И среди всего этого великолепия раздавались шаги: быстрые и злые, соседствующие с не менее быстрыми, но размеренными и ритмичными.

– И зачем было тащить меня сюда, Лиза?! Мы с Лазарем даже о времени договориться не успели! Я что, собачонка, искать его по всей округе теперь?! – распаялась Эльза, сжав кулачки в отчаянном стремлении сделать хоть что-то.

– Ты сегодня просто невыносима, – выдохнула Элизабет, даже не глядя на подругу. – Ты за пять минут довела до заикания Виктора. Виктора! Того, кого вообще ничего пробрать не может! А Лазарь в медкрыле? Ты его запугать решила, или что? Ещё и дулась, как мышь на крупу! Эльза, стой, кому говорят!

Лиза нагнала ускорившуюся было Шталь, схватив её за плечи и как следует встряхнув. Эльза от этого злиться не перестала, но теперь хотя бы не пыталась сбежать ненароком.

– Я не терроризировала Лазаря. И Виктор просто не выпался, – Эльза фыркнула, отвернувшись. Дальше пары секунд взгляд Громовой она не выдержала. – Лиз, я выполняла свой долг перед пациентом. И всё!

– Долг, – Лиза покивала, посмотрев на подругу, как на блаженную. – А то, что ты чуть не расплакалась, когда он заговорил о своей драгоценной простолюдинке – это тоже часть врачебной этики?

Эльза резко поджала губы, сбросила руки лизы со своих плеч и, зажмурившись, выдохнула:

– Я. Не. Плакала, – глухо произнесла девушка. – И я не... не вешаюсь на него. Лазарь спас нам жизнь, Лиз. Всем. Если бы не он, то кто знает, скольких бы мы потеряли в том лесу? Я... Я просто отдаю долг. И всё.

– Повторяешься, – спокойно констатировала Лиза. – И врешь. Сама себе врешь, Эльза. Или признай это, или убеди меня в том, что я ошибаюсь, и к Алисии ты цепляешься не потому, что она хвостиком ходит за Лексом, а он её не прогоняет...

– Я не цепляюсь к ней! Вернее, цепляюсь, но только потому, что эта девица забыла своё место! – в её голосе прорезались знакомые высокомерные нотки. – Ты же даже не слышала, что она мне вчера сказала! Мы только зашли в комнаты, я хотела помочь ей освоиться. Просто подсказала, что вещи стоит разложить иначе, и что её платье не подходит для ужина в общем зале, что...

– Зная тебя, ты начала ею командовать, Эльза, – перебила её Громова. – Или я ошибаюсь?

– Я... – Эльза надулась от возмущения. – Я говорила с ней вежливо!

– О, не сомневаюсь, – Лиза покивала деловито. – Твоя «вежливость» кого угодно до белого каления...

Лиза прервалась на полуслове, заметив, что Шталь резко потупила взгляд, и начала едва заметно подрагивать. Смутившись, брюнетка в два шага приблизилась к подруге, аккуратно ту приобняв:

– Эль, ну чего ты? Извини. Я не со зла, просто... – Громова запнулась, подбирая слова, но ничего подходящего так и не пришло ей в голову. Поэтому, по старой традиции своего рода,

она пошла напрямик. – Просто ты сама не своя, и выглядишь... ну, как дура. Вон, тут лавочка рядом, идём.

Продолжила Лиза только после того, как усадила резко потерявшую всякое желание что-то говорить Эльзу рядом с собой:

– Эльза, ну не дуйся. Я же на твоей стороне. Лучше расскажи, что Алисия тебе такого сказала?..

Эльза собиралась с духом несколько секунд, прежде чем начать тихо:

– Она сначала молчала. Кивала, делала вид, что слушает. Пф-ф, - девушка фыркнула. – А потом её будто прорвало. Так на меня посмотрела, словно я – таракан, представляешь? Потребовала, чтобы я перестала командовать. Сказала, что она не моя горничная. А потом...

Эльза замолчала, но Лиза не собиралась её перебивать. Просто терпеливо ждала, нервно постукивая пальцами по коленям – ей категорически не нравилось то, во что за считанные дни превратилась её непомерно гордая подруга, с которой они были знакомы с детства.

– А потом она потребовала, чтобы я отстала от Лазаря, Лиз. Можешь себе это представить? Прямо мне заявила, что я слишком «злобная и горделивая» для него. И что... – Эльза продолжила на пол-тона тише, – что если мне так не везёт кого-то найти, то пусть этот кто-то будет таким же, как я. И дверь перед моим носом захлопнула. На замок заперлась...

Повисла пауза. Ветер качал кроны деревьев где-то над их головами, но больше ничего не пыталось потревожить непоколебимую, ровную тишину. Абитуриенты к этому моменту уже по большей части укрылись под сводами академии, потому как не было среди них любителей бродить по тропинкам в преддверии дождя или вообще грозы.

– Это... – наконец, выдавила из себя опешившая Громова. – Это просто... Ну, ничего себе? Она правда так сказала? Эта тихоня-Фольт?

– Да! – Эльза всплеснула руками. – Да, Лиз, она так сказала! Рискуя вообще всем, потому что она – никто! Простолюдинка! Если бы я захотела, я бы могла её уничтожить, просто попросив, кого нужно! Её бы вышвырнули из академии ещё до начала экзаменов, и она это знает! Но эта... эта корова всё равно посмела ТАК со мной говорить!

– Но ты ведь не собираешься жаловаться, да? – тихо заметила Лиза, переварив удивление.

– Нет, не собираюсь. Это... было бы низко, – наконец выдавила она. – И Лазарь бы не простил. И вообще, я не настолько мелочна, чтобы так мстить какой-то простушке за дерзость. Но это не отменяет того, что это неправильно! Простолюдины не должны быть такими! Они не должны гоняться за аристократами, не должны огрызаться... не должны даже смотреть на нас так, как она смотрит на Лекса!

– Можешь не продолжать. Я понимаю, о чём ты, – Лиза вздохнула, наклонившись вперёд и уперев локти в колени. – Но, знаешь, у неё ведь всё равно нет шансов. Лазарь – сын графа, и этого не изменить. Он её максимум может любовницей своей сделать, и то, это будет такой позор, что его свои же не поймут...

– Ты думаешь, ему не наплевать? – бросила Эльза негромко. – Он на неё вообще не так смотрит, Лиз. Он её защищает, уважает, беспокоится о ней... А со мной он просто вежлив. И это бесит!

– Он её и знает куда дольше, – резонно подметила Громова. – Сколько эта Алисия за ним хвостиком волочится? Годы. А мы с ним пересекались считанные разы. Я уже не говорю о том, что Лазарь не дурак, и понимает, что в стенах академии его подруга... ну, не на птичьих правах, но обидеть её может каждый. А если её фигурку учитывать, то...

– Фигурку?! – Эльза вновь вспыхнула, вскочив с лавочки. – Ну давай, скажи ещё, что я до неё не дотягиваю!

Лиза отмахнулась:

– Да я не об этом, Эль. Ты миниатюрная, изящная, это всем нравится. Просто опасения Лазаря не беспочвенны, вот он и носится с ней. И вообще, заметь – он попросил о помощи тебя, а не меня. – Элизабет улыбнулась, поравнявшись с Эльзой.

– Пф-ф. Я просто под руку удачно подвернулась, – Эльза фыркнула в привычной ей манере. – Ты вообще отдельно сюда ехала, а спасать эту простолюдинку нужно было уже тогда.

– И всё-таки, у сына графа имелась масса возможностей обеспечить какое-никакое, а прикрытие своей питомице, – ободряюще улыбнувшись, Лиза шагнула в сторону академии. – Но он доверился тебе, так что ты рано паникуешь. Он не дурак, и не будет загонять свою и без того сомнительную репутацию под плинтус. А если будет – то он тебе вообще такой нужен?

– Ты говоришь так, словно я новые туфли выбираю, Лиз, – вздохнув, Эльза нагнала подругу, поравнявшись с ней. – Мне ещё этого дурака у общежития как-то вылавливать. У него же ни браслета, ни телефона – ничего нет. А время и место ты нам обсудить не дала... за что я тебе благодарна. Правда, спасибо.

Эльза, едва сказав это, поспешила отвести взгляд. Очень уж нелегко далось ей признание собственной слабости, пусть и кратковременной.

– На то мы и подруги. А то получилось бы, как на том чаепитии, где ты заставила тех бедняжек вкушать твою бесподобную песочную выпечку...

– Лиза! – Эльза в считанные секунды покраснела до состояния, когда от неё можно было прикуривать, а Громова заразительно рассмеялась. – Нам было по пять лет! И я уже не настолько упёртая!..

– Рассказывай сказки!..

Голоса девушек растворялись в подступающем сумраке, пока вдоль тропинок загорались фонари, а в небе – сгущались тучи. Где-то вдалеке уже звенел колокол, призывающий абитуриентов к ужину, а время неуклонно стремилось к семи часам вечера...

\*\*\*

К моменту, когда небо начало затягиваться низкими, свинцовыми и темнеющими на глазах тучами, экипаж только-только высадил меня у ворот академии. Пахло близкой грозой, а воздух хоть и казался пронизанным свежестью, но напитался влагой и вдыхался с ощутимым усилием.

Я поёжился, поправив воротник, и быстрым шагом двинулся к контрольно-пропускному пункту. Пара минут на неформальную проверку, марш-бросок по петляющим среди деревьев тропинкам – и я оказался в холле общежития, пустом и тихом.

Абитуриентов видно не было, и даже комендант с прочими сотрудниками куда-то запропастился.

«Это нехорошо. Надеюсь, через четверть часа кто-нибудь да объявится, потому что вечер – он не резиновый. А если я пропущу встречу, под предлогом которой избежал семейного ужина, то мне все ручки-ножки поотковыривают, как пить дать».

Я быстрым шагом двинулся вверх по лестницам, влетев в свою комнату и скинув пиджак. Браслет, – мой новый катализатор, – тут же оказался в руках... и я на пару секунд впал в ступор, нахмурившись.

Привычное для устройства место было самым что ни на есть наглым образом занято повязкой и ожогами под ней. От идеи приспособить катализатор на другое запястье я отказался, сымпровизировав: закатал рукав правой руки, и закрепил браслет чуть выше повязки, на предплечье.

Сел он непривычно туго и высоко, тянуться было неудобно, но я повеселел вопреки всему. Ведь самое главное – «магия» вновь была со мной, и я перестал ощущать себя так, словно у меня отобрали последние трусы.

– Бесспорно, могло быть и хуже, – пробормотал я, активируя браслет и выполняя первичную привязку биометрии. – Ну, давай, не тупи...

Экран вспыхнул мягким тёмно-синим светом, а я почувствовал лёгкое, уверенное касание чего-то к разуму – катализатор нащупывал, откуда ему брать команды.

Я незамедлительно открыл каталог эрикс-искусств, пролистав доступный перечень... весьма скромный, если сравнивать с тем, что было раньше. Но мои основные инструменты тут присутствовали – и моделирование, и материализация. Плюс сам интерфейс стал чуточку более функциональным и удобным – теперь выбор и активация техники требовали на один клик меньше.

Светлячок появился над ладонью почти мгновенно, без малейшей задержки. Яркий, размеренно пульсирующий и послушный, он закружился в танце с себе подобными, но гражданская бытовая модель опять не позволила создать больше десяти искорок одновременно. Экспресс-проверка материализации показала, что и с ней не произошло никаких перемен.

Увы – ограничения, по всей видимости, не зависели от того, насколько премиальным было само устройство.

«По крайней мере, я снова обрёл возможность постоять за себя. И предыдущий браслет, хвала всем Богам, не был слишком уж очевидно модифицированным», – подумал я, пытаюсь зафиксировать рукав рубашки так, чтобы он не мешался, и не выглядел при этом смешно. Худо-бедно, но у меня вышло что-то приемлемое, и я в спешке покинул комнату. – «Безопасники меня не порвут – и на том спасибо. Теперь нужно найти Виктора. И как можно быстрее, а то меня Эльза препарирует поутру».

В холле было по-прежнему пусто, если не считать двоих парней, о чём-то спорящих у доски объявлений. Комната Виктора оказалась заперта, и на стук так никто и не ответил. Библиотека, курилка на первом этаже – я проверил почти все «точки интереса», о которых знал.

Осталась только «мужская» столовая, расположенная в этом же здании, и позволяющая не ходить на общие завтраки, обеды и ужины, тратя время.

И именно в этом небольшом и уютном зале на полсотни человек я обнаружил пропажу: Шталь сидел за столиком у окна, с тоской смотрел на непогоду и неспешно жевал что-то мясное. На столе лежал включенный планшет и одинокая рабочая тетрадь, вся исписанная решёнными и не очень задачками по «прокачке» ощущения пространства.

– Виктор, – я, не спрашивая разрешения, уселся напротив. – Я на минутку. По делу. Мне нужен личный номер Эльзы, и желательно ещё полчаса назад.

– Юморист? – блондин хмыкнул, вздев бровь. – И почему через меня, Лазарь? Надеюсь, вы не поругались? После недавних событий я бы не удивился, но...

– Всё нормально, Виктор. Можешь унять своё беспокойство. Просто мы не успели договориться о времени и месте для вечерней прогулки, а связью я обзавёлся час назад, – я постукивал пальцем по браслету на предплечье.

– К слову, выглядишь, как главный герой подросткового боевика, – хмыкнул Шталь, после чего мигом посерьезнел. – Но, знаешь... Я, конечно, своей кухне ни разу не нянька, но ты ведь понимаешь, что я должен кое-что сказать?

Я кивнул, со вздохом потеряв переносицу. И Виктор в точности повторил мои движения – настолько точно, что на мгновение мне показалось, будто я смотрюсь в зеркало.

Мы синхронно прыснули, но взгляды остались серьёзными.

– Не загуливай её допоздна, Лазарь. Я серьёзно. Девичья репутация – это вещь, с которой легко распрощаться, но невероятно сложно восстановить даже в стенах академии. А твоя слава... – он замаялся, подбирая слова. – Прости за прямоту, но о девушке, которая гуляет с тобой до темноты, я бы однозначно подумал плохо. И я не хочу, чтобы Эльзу обидели или оскорбили из-за того, что у вашей «прогулки» появятся случайные свидетели.

«Что б тебя, Лександр Лазарь. Мне снова аукается твоя репутация... но без неё меня бы здесь тоже не было. Так что ты прощён, но не до конца».

Вне царства своих мыслей я расстроено выдохнул:

– Я не обижу её, Виктор, – я выдержал его взгляд, мысленно отметив, что вот эта вот забота о родственнице представила мне блондина в новом свете. – И репутацию тоже не испорчу. Обещаю. Это просто разговор, ничего больше. Всё будет в рамках приличий, и далеко мы не уйдём. За окном погода нелётная...

Шталь посмотрел на меня в течение ещё нескольких секунд, после чего кивнул с видимым облегчением:

– Я тебе верю. Номер сейчас дам, – он сунул руку в карман, достав оттуда телефон, и через несколько секунд уже заканчивал диктовать цифры. – И, Лекс... Удачи.

– Надеюсь, что в удаче надобности не возникнет, – я поднялся со стула, уже вбивая номер в свой телефон – защищённый и увесистый, аки кирпич в миниатюре.

Пальцы летали над клавишами, и сообщение с вопросом касательно того, где её искать, отправилось к Эльзе ещё до того, как я вышел из столовой.

Телефон пискнул спустя полминуты, не больше:

*«Я возвращаюсь из парка с Лизой. Буду на центральной площади через десять минут. Можешь перехватить меня там. Э.Ш.»*

Сообщение было коротким и деловым – вполне в духе Эльзы. Но обозначенные место и срок заставили меня прибавить шаг, и чуть ли не выбежать на улицу.

Вечернее небо к этому моменту уже окончательно окрасилось во все оттенки чёрно-синего, а тучи, мелькавшие на горизонте, укрыли Сант-Море непроглядным, клубящимся полотнищем. Где-то вдалеке грохотал гром, а дождь, прежде лишь робко накапывающий, становился всё сильнее с каждой секундой.

Я не успел и сотни метров пройти, как пришлось тянуться к браслету. Клики по физическим клавишам отдавались в пальцах уверенными, отчётливыми щелчками, а само устройство безо всяких проблем воплотило не самый примитивный образ – большой чёрный зонт с кованым гербом Лазарей на рукояти. Как-то так использовали свои катализаторы простые люди, решающие с их помощью бытовые проблемы.

«Непозволительная роскошь там – совершенно обыденное явление здесь» – эта мысль промелькнула и растворилась в дробном перестуке капель дождя, разбивающихся о натянутую ткань зонта. Последние прохожие в радиусе видимости, на бегу материализуя зонты, торопились укрыться от непогоды, а на меня, углубляющегося вглубь парка, смотрели не иначе как на дурачка какого.

«Мнительность – это порок, Лекс. Отставить рассуждения, прибавить ходу!».

Я ускорился, и спустя десять минут вышел на край центральной площади – мощёного камнем пространства перед главным зданием Первой Академии. По периметру тут стояли десятки кованых скамеек, да проклянут их студенты в зимнюю пору, и тянулись вереницы ярких, светящих жёлто-оранжевым светом фонарей.

В центре возвышалась пятнадцатиметровая статуя ныне здравствующего Императора – сурового мужчины лет тридцати пяти, сжимающего в одной руке жезл с россыпью кнопок, а в другой держащего некую сферу, внешний вид которой однозначно указывал на то, что это не просто украшение.

Но прежде всего меня интересовала миниатюрная девичья фигурка, укрывшаяся под куполом полупрозрачного зонта алых с позолотой оттенков. Чуть поодаль, уже удаляясь в сторону западного крыла, истаивал в стене дождя второй силуэт – судя по осанке и размашистому шагу, это Громова стремилась укрыться от непогоды, оставив подругу дожидаться меня в одиночестве.

– Не опоздал? – я приблизился, улыбнувшись.

Эльза окинула меня внимательным взглядом, задержав его на правой руке, с повязкой и браслетом, выставленными на всеобщее обозрение. Уголки её губ чуть приподнялись, а ответ показал, что передо мной действительно Шталь, а не доппельгангер:

– Почти. Ещё минута, и я бы решила, что ты передумал.

– Я бы не позволил себе такую глупость, – я с немым вопросом кивнул в сторону аллеи, тянущейся параллельно женскому общежитию. – Просто... дела. Отец вызывал в город, а потом я отлавливал Виктора по всему корпусу, чтобы узнать у него твой номер. И, как назло, нашёлся он там, куда я заглянул в последнюю очередь...

– Дай угадаю, – Эльза сделала полшага вперёд, позволив мне поравняться с ней. – Малая столовая?

– Она самая. Сегодня он решил быть выше какого-то там общего ужина...

– Пф-ф. Это вполне в его духе, – фыркнула Эльза, продолжив чуть теплее. – Леня – вторая сильнейшая сторона его характера.

– А первая?..

– Спокойствие, – моментально ответила девушка. – Его только теракт заставил понервничать. А так он всегда такой – неспешный, спокойный, как скала, основательный... и чертовски ленивый.

Над нашими головами вновь громынуло. Дождь усилился, застучав по зонтам с такой силой, что мне пришлось повысить голос, дабы перекрыть эту канонаду:

– Ты хорошо устроилась?! – я приблизился к ней, надеясь на то, что так не придётся орать. Не помогло. – С соседями, с комнатой всё в порядке?!

– Комната – как комната! А соседи... – она запнулась, набрав в лёгкие побольше воздуха.

– Если бы не твоя подопечная, то всё было бы прекрасно!

Я мысленно поморщился, понимая, что разговор свернул именно туда, куда я ожидал. И отсрочить не получилось.

«Но и обсуждать столь щепетильную тему в таком хаосе – это сродни мазохизму».

Техника материализации уже была активна благодаря поддерживаемому зонтику, поэтому мне не пришлось даже тянуться к браслету на предплечье. Образ в голове сформировался мгновенно – не «щит» или тент, а воздух, подчинённый моей воле и оформленный для исполнения одной конкретной задачи.

«Там, на моей родине, это «стоило» бы целого заклинания. А здесь – всего лишь мыслеобраз, контроль и универсальная техника, позволяющая создать чуть ли не что угодно».

В паре метров над нашими головами воздух вздрогнул и уплотнился, обдав нас прохладным ветерком пришедших в движения воздушных масс. Сплошная стена воды, прежде обрушивающаяся на нас, начала замедляться и растекаться в стороны, словно ударяясь о невидимое стекло.

И шум ливня притих достаточно для того, чтобы мы могли поговорить, как белые люди.

– Что это?.. – прошептала Эльза, задрав голову кверху. – Что за техника? Я такой не знаю.

– Вольное использование материализации, – я пожал плечами, развоплотив зонтик. Сильно сжатый, циркулирующий по кругу воздух.

Девушка шумно вдохнула носом, резко обернувшись ко мне:

– Лазарь! Ты вообще понимаешь, что это та же самая механика, что у «Звукового удара»? Это же боевая техника С-ранга! Волна, которая или слуха лишает, или вообще потроха отбивает! И ты держишь это, – она бросила вверх испуганный взгляд, – над моей головой?!

«Она реально напугана. Проклятье».

– Я всё контролирую, Эльза, – я демонстративно поднял «блин» сжатого воздуха ещё выше, увеличив его размеры и снизив плотность. – Видишь? Теперь даже если он взорвётся, чего не может произойти, то нас максимум ветерком обдаст.

– Это... – она сглотнула. – Это всё равно, что топить печь бензином! Одна ошибка...

– Одна ошибка – и ты ошибся, – я покивал, улыбнувшись. – Я понимаю. Мне всё убрать и вернуть нам зонтики?

На несколько секунд установилась пауза. Эльза держала свой накренившийся зонт с гербом Шталей, то и дело косясь на завораживающую картину того, как вода стекает по защищающему нас куполу, очень точно очерчивая его границы.

– Нет, – наконец выдохнула она. – Не надо убирать. Но если что-то пойдёт не так...

Я хмыкнул, кивнув в сторону аллеи:

– Идём? Мы вообще отвлеклись...

– Угу...

Мы двинулись дальше. Купол беззвучно скользил над нами, полностью послушный моей воле – тяжёлые капли разбивались об него, и стекали по «пустоте», преломляя и искажая лучи света фонарей. Вид получился такой, что даже я невольно засмотрелся, а Эльза так и вовсе смотрела то на дорогу, то на меня, то на купол.

Постепенно напряжение в её плечах ослабло, но взгляд вновь стал цепким и оценивающим.

– Ты так и не ответил, – ровно, но как-то неуверенно произнесла она.

– На что именно?

– Не притворяйся, Лазарь, – девушка вздохнула, поправляя выбившуюся прядь огненно-рыжих волос. – Ты же прекрасно понимаешь, что меня интересует. Алисия. Мне нужно понять, почему ты так над ней хлопочешь на самом деле. Что у вас с ней?

Я замедлил шаг. Ливень усилился настолько, что вдоль дорожек парка уже начинали течь нестройные потоки грязной воды. Местами нам приходилось обходить лужи там, где дорожка со временем просела.

Молчание затягивалось, но я и не хотел отвечать, не продумав каждое слово.

– Между нами ничего нет, Эльза. В том смысле, в котором ты спрашиваешь, – я поймал её взгляд, позволяя хотя бы так убедиться, что я кристально честен. – Алисия была рядом, когда от меня отвернулись все, кому я в принципе был небезразличен. Я уже рассказывал об этом, и повторяю снова: она – мой друг. Но не более того.

Эльза поджала губы. Я ожидал, что она отпустит колкость или обвинит меня в излишней сентиментальности и привязанности к черни, но вместо этого она произнесла тихо:

– Ты правда думаешь, что она для тебя просто друг? Потому что сама Алисия, очевидно, считает иначе, Лазарь.

– Тц, – я выдохнул, перебирая в мыслях все свои опасения на этот счёт. – Я знаю, Эльза. Знаю.

– И что же? – Эльза остановилась, и купол над нами замер вместе с ней. Я смотрел на неё сверху вниз, глядя в чуть прищуренные, собранные глаза. – Ты видишь её как друга. Я... допускаю, что так оно и есть. Но она смотрит на тебя иначе. Любая женщина это заметит, просто посмотрев на вас несколько минут. И если ты продолжишь её защищать, опекать и нянчиться, то однажды тебе придётся либо ответить за это, либо сделать больно. Очень-очень больно, Лекс.

«Как же всё это не к месту! Но... она говорит об Алисии, или о себе?» – вспыхнула на периферии сознания крамольная мысль, которую я тут же отогнал.

– Я понимаю, о чём ты, – я двинулся вперёд, и Эльза пристроилась по правую руку. – Но я не имею права оставить её без защиты там, где каждый второй считает простолюдинов просто грязью, об которую даже сапоги марать жалко. И если моя помощь напрямую создаст проблемы, я найду другой способ. Не столь... приметный.

– Хм. Это благородно, Лазарь, – Эльза хмыкнула с той самой интонацией, при которой благородство звучало как диагноз. – Но глупо. Потому что по академии всё равно поползут слухи. Ты знаешь, что такое «социальная гармоника»? А внесловный скандал? Когда благо-

родный позорится с чернью, общество реагирует соответствующе даже где-нибудь в провинции. Отец как-то рассказывал, что был у нас в соседях один барон, увлѣкшийся простолюдинкой. Закончилось всё тем, что пропала и простолюдинка, и вся её родня. Барон тот спился и лишился титула. И это в нашей глуши, Лекс. Там, где никто ничего толком не видел. А здесь – Первая Академия.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный, покалывающий холодок, никак не связанный с погодой. Эльза не угрожала, а предупреждала. И от этого всё резко стало только хуже, потому что я не мог просто отмахнуться от чего-то очевидного для местных, но непонятного для меня.

– Спасибо за прямоту. Правда, спасибо, – я вцепился ладонью в повязку, сжав челюсти в попытке сохранить спокойный вид. – Я... чертовски плох во всѣм этом, наверное. Несколько лет пребывания в отрыве от реального мира мне теперь очень сильно мешают...

– Пф-ф. Естественно! – Эльза фыркнула возмущѣнно. – Но если тебе нужна будет помощь – я помогу. Для начала просто перестань давать поводы для сплетен. Пока мы ещё даже не студенты, и теракт забил всем в уши ватку имени более громкой темы для обсуждений, но это пройдёт. И тогда в этом серпентарии начнут перемывать косточки всем и каждому, Лекс. Поверь, так будет лучше и Алисии, и всем тем, с кем ты планируешь общаться...

Последняя фраза была сказана особенно тихо. Рыжеволосая аристократка смотрела не на меня, а куда-то в сторону общежитий – мы как раз приблизились к женскому крылу настолько, насколько позволял изгиб аллеи.

«Можно пытаться это игнорировать и закрывать глаза, но моя репутация всё ещё находится в плачевном состоянии. Эльза права. Когда шум уляжется, местная молодѣжь начнѣт поглядывать вокруг. А тут – я. Ходячий эталон того, как делать не надо. И если своим положением я ещё могу рискнуть, имея огромную фору и полагаясь на девять десятков лет опыта, то вот остальные... я рискую потянуть их за собой туда, где трамплин на дне будет в единичном экземпляре. Ещё и одноразовый до кучи».

– Мне нужна будет консультация, Эльза. Потом. И... называй меня по имени почаще, что ли. А то всё «Лазарь», да «Лазарь». Всё это время я себя чувствовал как фамильярный грубиян... – попытка разрядить обстановку нелепой шуткой принесла небольшой успех. На губах девушки промелькнула тень улыбки – не язвительной или горделивой, а неожиданно мягкой.

– Посмотрим, Лекс, посмотрим.

Западное крыло между тем приближалось – мы свернули с аллеи, и теперь шли по причудливой, наполовину затопленной тропинке. Купол истончился вместе с ослабевшим ливнем – гром теперь гремел где-то вдалеке, унося с собой тучи.

У входа в женское общежитие горели вездесущие фонари, в свете которых виднелись редкие фигуры абитуриентов, что-то обсуждающих на свежем воздухе.

– Дальше я сама, – бросила Эльза, остановившись у угла корпуса и подняв зонт, который она не выпускала из рук. – Ты и так проводил меня почти до дверей. Слухи, помнишь?

– Помню, – я смиренно кивнул, улыбнувшись. Развоплотил воздушный щит окончательно, поѣжившись от осевшей на затылке мелкой мороси. Но это было терпимо, а дождь теперь едва-едва накрапывал. – Спасибо за прогулку и разговор. Я ценю твою прямоту, Эльза.

В моей руке появился зонтик, щѣлкнувший механизмом и раскрывшийся над головой.

– Ещё бы ты меня не ценил. Пф-ф, – девушка фыркнула в своей обожаемой манере, настолько по-Штальски, что я невольно усмехнулся. – Завтра перевязка, не опаздывай. И... найди уже себе нормальную обувь. Хотя бы интенданта местного ограбь – я слышала, абитуриентам тоже положена форма. А то в этих туфлях ты выглядишь, как промокший павлин.

Я только развѣл руками, проводив взглядом девушку, взбежавшую на крыльцо. Она скрылась за массивной входной дверью, а я, постояв ещё несколько секунд, развернулся.

Разговор получился, с одной стороны, не далеко ушедшим от ожидаемого, но с другой – наполненным неприятными неожиданностями. Мне определённо стоило копнуть поглубже в области отношений знати и простого люда прежде, чем предпринимать какие-то шаги в отношении Алисии.

«А это значит, что впереди меня ждёт бессонная ночь. Проклятье».

Развернувшись, я быстрым двинулся в сторону восточного крыла.

...

..

.

Алисия стояла, прижав ладонь к холодному стеклу, и смотрела вслед удаляющейся мужской фигуре. Она видела всё – и воздушный купол, истаивающий по мановению руки, и то, как Эльза поправляла волосы, прежде чем войти в двери, и то, как Лександр Лазарь несколько секунд стоял, глядя ей вслед.

– Вот, значит, как, – прошептала она едва слышно. – Вот как...

## Глава 14. Откровения, которых никто не ждал.

*«Лекс, сегодня я не смогу тебя проконсультировать. Причину ты видел сам, я не вправе упускать такой шанс. Маловероятно, но леди Корнель может занять меня надолго. Если вдруг что, перевязки сможет делать медсестра. Но я постараюсь не исчезать. Э.Ш.»*

Я пробежался взглядом по экрану браслета, на котором дублировались все уведомления, приходящие на телефон. Перечитал второй раз, третий – и только тогда выдохнул: ничего не указывало на то, что Эльза обиделась.

«Значит, та статная леди действительно к ней присматривалась, а не просто контролировала работу вместо медсестры. Это хорошо», – удовлетворённо кивнув вслед своим мыслям, я опустил руку с браслетом, резко изменив направление движения.

Теперь, раз уж время освободилось, я мог начать этот прекрасный день не с разгребания социальных проблем, а с просвящения себя любимого на тему того, на каких глубинах усилиями Лекса-Из-Прошлого я ныне обитаю.

Потому что вчерашний разговор с Эльзой оставил больше вопросов, чем дал ответов. И не просто вопросов, а таких, с которыми я не ожидал столкнуться.

Внесловные скандалы. Негласный запрет даже не на отношения и женитьбу, а просто секс с простолюдинами. Проскальзывающее во взгляде всех моих знакомых стойкое пренебрежение, направленное на людей, лишённых знатного происхождения...

В моей голове всё это складывалось в очень неприятную картинку.

Я привык считать за константу известные мне с детства устои, и когда новый мир на девяноста процентов оказался похож на прежний – расслабился, порадовавшись тому, что «старт» здесь взят не с самого дна, а значительно выше. Ведь какая бы дрянная ни была репутация у наследного аристократа, он всегда, исключительно всегда будет стоять выше обрётённого – нувориша, заслужившего титул своими силами.

И тут выясняется, что я во многом ошибался, и, возможно, сам себя уверенно закапывал с самого первого дня. Причина – незнание, которое, как говаривал мой любимый наставник, убивает куда надёжнее меча или заклинания.

Библиотека Первой Академии занимала отдельное крыло главного корпуса, органично вплетённое в местную масштабную архитектуру. Снаружи хранилище знаний напоминало внушительную, но недостроенную башню с огромными арочными окнами, лепниной и гротескными статуями всего подряд – горгулий, демонов, ангелов, зверей и людей. Их объединяли какие-то сюжеты, тянущиеся ото входа и по часовой стрелке вдоль стен, но у меня не было времени проникаться прекрасным, не понимая даже, чему это всё посвящено.

«Но недостроенность как часть дизайна – это что-то новенькое. Особенно в таком месте, как библиотека лучшей академии Империи» – подумал я перед тем, как толкнуть массивную дверь и переступить порог.

Меня встретил звон колокольчика, кем-то заботливо подвешенного над входом, и строгий взгляд сухощавой женщины за стойкой. Поправив очки, она отточенным движением выудила откуда-то и опустила на столешницу небольшой листочек, постучав по нему пальцем.

– Доброго времени суток, мэм, – я всё-таки поздоровался, подойдя ближе. Но ответа не получил, удостоившись лишь строгого взгляда и очередного стука пальцем по бумажке.

Листочек этот оказался бланком посещения, который я, не будь дурак, заполнил, и уже через минуту прошёл дальше, туда, где от «библиотеки» наличествовало не так уж много всего.

Немногочисленные бумажные книги хранились на пронумерованных вдоль и поперёк стеллажах, за закрытыми стеклянными дверцами, а почти всё пространство занимали или длинные и широкие наклонные столы со всей прочей мебелью для письменной работы, или

«рабочие места» – терминалы с комфортными креслами самых разных цветов и оттенков, на удивление хорошо друг с другом гармонирующих.

Мне приглянулось кресло, обитое мрачным зелёным бархатом и располагающееся в самом углу помещения, в удалении от входа и совсем рядом с колонной, подпирающей высокие потолки.

Невозможно было найти тут место более уединённое, да и не нужно было: кроме меня, в библиотеке этим утром не было вообще никого.

– Ну-с, приступим, – пробормотал я себе под нос, положив на стол телефон и пробежавшись пальцами по клавиатуре.

Экран ожил, поприветствовав меня гербом академии – всё те же скрещенные меч, игла и молот. А спустя секунду я уже осваивался в интерфейсе библиотечного каталога, представляющего из себя нечто среднее между обычным сайтом и базой знаний.

«Примитив. Какой же, проклятье, примитив» – подумал я спустя пару минут, когда понял, что аналога умного поиска тут просто нет, как нет и выхода в глобальную сеть.

Зато в доступе были цифровые версии многих тысяч книг с оценками от читателей и держателей библиотеки, так что я решил дать шанс этому порождению стагнирующей цивилизации. Критическую роль тут играло построение поискового запроса, так что я, записывая в телефон названия подходящих мне книг, статей и учебников, начал «в тупую» перебирать всё, что приходило в голову.

«История мезальянсов», «Прецеденты лишения титула», «Правовые положения граждан», «Кодекс чести аристократии», «Взаимоотношения сословий» – и лишь последний запрос принёс наиболее богатый улов, каким-то непонятным мне образом отыскав в дебрях каталога основы сословного этикета, практические рекомендации по обращению с прислугой... и высоко оценённый местной системой ранжирования труд, посвящённый, в числе всего прочего, браку и происхождению.

«Пособие для юношей: истина как она есть» – название отмеченной звёздочкой «рекомендуемого к прочтению» книги говорило само за себя.

Этот талмуд оказался старинным, объёмным и написанным настолько тяжеловесным языком, что продраться через него было бы тяжело даже взрослому человеку, не то, что «выношам со взором горящим», на которых и был ориентирован этот труд.

«И всё-таки, это ровно то, что нужно – популярная книга, описывающая основы».

Правила поведения благородного господина в обществе, приличия за столом, допустимые темы для беседы, основы подбора гардероба по разным случаям – всё это я честно пролистал, пообещав себе изучить материал позднее.

А вот на разделе с правилами выбора супруги остановился, невольно зачитавшись высокопарными, горделивыми и откровенно расистскими высказываниями...

Которые в этом мире принимались за абсолютную норму.

Автор, некто барон Фон Хиришше, оказался самым что ни на есть расистом – консервативным до мозга костей, категоричным и непоколебимым в своих убеждениях. Простолюдинов он в контексте близости называл не иначе, как «грязью» и «отбросами», а идею не то, что заключения брака, но и даже простой дружбы рассматривал как оскорбление самой сути «благородной крови».

Но под слоем ненависти и снобизма отчётливо просматривались конкретные, чётко сформулированные правила, объясняющие если не всё, то многое.

Для начала, фон Хиришше проводил чёткую грань между «допустимым» и «недопустимым». Существование служанки, с которой господин делил постель, пока был холост и молод, было допустимым и даже ожидаемым. Но любое проявление привязанности категорически воспрещалось, и рассматривалось как признак слабости и падения. Отношения предлагалось

держат в рамках господин-слуга, и только до тех пор, пока «выюноша» не достигнет «совершенных лет».

А вот после любовница-простолюдинка без примеси благородной крови представлялась как вызов обществу. Как сознательное, абсолютно недопустимое попрание устоев Первой Империи.

Брак с простолюдинкой фон Хиришше даже не рассматривал, предполагая, что это нечто за гранью возможного. Социальное самоубийство, на которое не пойдёт ни один аристократ, кроме безумных.

И всё это можно было бы счесть бредом, написанным каким-то радикалом, если бы не десятки примеров, старательно вписанных в эту книгу рукой барона. Каждый такой случай заканчивался для «героев» плачевно: общество отторгало их, словно тело – кусок сгнившей плоти.

Я даже оторвался от чтения, вооружившись смартфоном и сунувшись в сеть, которая пестрела доказательствами распространённости этого подхода не три десятка лет назад, а прямо здесь и прямо сейчас.

«Проклятье. Это чистейшее безумие, на которое было много намёков... но едва ли возможно было понять суть, просто наблюдая со стороны в течение нескольких дней. Дружба – под вопросом. Секс – табу. Женитьба – проще со скалы спрыгнуть. И всё это в обществе, которое со стороны выглядит вполне себе ничего...».

Я откинулся на спинку кресла. Нервно хохотнул, закрыв раздел, посвящённый «обратной стороне медали» – автор этой книжки со всей серьёзностью утверждал, что именно моральные установки, честь и доблесть аристократа позволяют простолюдинам чувствовать себя в безопасности.

«Безопасность, построенная на том, что «вышестоящим» просто неприятно об тебя пачкаться, в любом из смыслов – это фикция. И вряд ли оно работает так, как хотелось бы этому фон Хиришшу» – я потёр переносицу, поморщившись.

Голова гудела, но не от обилия новой информации, а от того, насколько разительно всё переменялось за, – я бросил взгляд на часы, – каких-то четыре часа.

Шумно выдохнув, я вновь наклонился к монитору, для полноты картины решив пошерстить по смежным темам. Не то, чтобы я нуждался в дополнительных подтверждениях ныне очевидного, но надежда, как известно, умирает последней.

«Социальное устройство Первой Империи», «История становления нашей государственности», «Сравнительный анализ законодательств» – книг попадалось много, но выбирал я только наиболее популярные.

И чем глубже погружался, тем больше хмурился и мрачнел.

Первая Империя была крупнейшим государством континента. Наследница павшей во время «первой» всемирной войны страны, удержавшая в своих цепких лапах максимум территорий, ресурсов и людей. Ныне – бесспорный гегемон.

Но при всём этом великолепии, Первая Империя оказалась единственным государством, в котором к простому люду продолжали относиться как к скоту.

Здесь аристократ мог оскорбить, ударить, изувечить или убить простолюдина, заплатив в итоге штраф и ничего более. При этом оскорбление аристократа простолюдином каралось публичной поркой, а нападение – заключением или казнью, в зависимости от обстоятельств. Основным сдерживающим фактором для знати выступала пресловутая честь и то, «что остальные подумают», но никак не законы.

А получившие распространение эрикс-искусства стали не двигателем прогресса, а отдушиной, без которой народ взбунтовался бы и сбросил ярмо любой ценой.

«Но эта отдушина не вечна. Рано или поздно «дыма» станет слишком много, и соседи ждать не будут. И недавние теракты тому подтверждение».

Терминал, к которому я не прикасался добрых пять минут, погас, и в отражении я увидел себя – молодого, породистого юношу с благородными чертами лица.

– Лекс, – прошептал я одними губами, криво ухмыльнувшись, – мы что, злодеи?

Отражение, конечно же, не ответило. Да я этого и не ждал.

Я снова потёр переносицу, на миг задумавшись над тем, что, возможно, следует всё-таки раздобыть очки, потому что без них даже думается как-то не так. Но мысль эта была тут же безжалостно отброшена – незачем плодить сущности там, где они попросту не нужны.

«Вот если потребуется использовать такой аксессуар как один из контроллеров для катализатора, на манер «перчатки» Громова...».

Неожиданно ожил оставленный на столе телефон. Тяжёлый «кирпичик» завибрировал и тихо пискнул, выдернув меня из оплота собственных мыслей в реальность, от которой мне как никогда сильно хотелось сбежать в лучших традициях отъявленного эскаписта.

Я потянулся, подхватив аппарат и проверив входящие. Писал, по счастливому или не очень совпадению, сам Громов. Не тот, который старше, а Дима.

*«Лекс, ты занят? Есть предложение отобедать в центральном обеденном зале, а потом посетить одно подготовительное занятие. Уверен, тебе будет интересно. И да, есть новости по экзаменам. За рамками слухов».*

Желудок, до этого не отсвечивающий и сидящий тише воды, ниже травы, отозвался на прочитанное одобрителем урчанием. Я покосился на часы в углу терминала: почти полдень. За чтением часы пролетели, как миг, оставив после себя пустоту, которую нужно было чем-то заполнить. Так почему бы и не едой?

«Иду. Буду через пять минут», – сообщение ушло получателю, а я поднялся, завершил сессию в системе терминала и покинул библиотеку. Сухощавая женщина за стойкой почти демонстративно насадила листочек с моей подписью на специальный штырёк, и проводила меня строгим, ничего не выражающим взглядом.

Я быстро преодолел несколько сот метров от библиотеки до центрального крыла, влившись в нестройный поток абитуриентов. Их тут было много: обеденная пора притягивала даже затворников, а гам стоял такой, словно я не у столовой оказался, а на базаре. Несмотря на недавние события, омрачившие близящееся начало учебного года, «бета-версия» успешного поступления в Первую Академию держала всех в приподнятом настроении.

Громов обнаружился у одной из колонн, подпирающих «крыльцо», пока парень, в свою очередь, подпирал плечом пресловутую колонну, лениво листая что-то в смартфоне.

– Дима, – я махнул рукой, приближаясь и выныривая из потока вечно голодных, растущих молодых организмов, которых, казалось, даже заслон с пулемётчиками не удержал бы от попытки добраться до еды.

– Лекс! – Громов широко улыбнулся, оторвавшись от экрана и сунув телефон в нагрудный карман. – Однако, вид у тебя... Скажем так, ты выглядишь лишь немногим лучше, чем после нашего забега по лесной чаще. Всё-таки заболел?

– Да какое там, – я демонстративно хмыкнул. – Поздно заснул, рано встал, потом решил пошерстить кое-чего в библиотеке. Даже не заметил, как время пролетело. Вчера пропустил ужин, сегодня – завтрак, и вуаля...

Громов понимающе покивал, хлопнув меня по плечу:

– Тогда на обед мы двигаем немедленно. Ты вообще нормальный, после всего этого и с такой раной, – он кивнул на мою руку, – организм голодовкой мучать? Пойдём.

Я лишь пожал плечами, двинувшись следом за парнем. Мы вклинились в толпу, и вскоре я наконец-то получил возможность оценить благоустройство одного из самых важных мест любого учебного заведения – столовой, которую почему-то пафосно называли обеденным залом.

Здесь по обе стороны ото входа тянулись высокие, до потолка, окна. Параллельно им расположились лавки и не слишком широкие, застеленные светло-голубыми скатертями столы со всем полагающимся инвентарём.

Саму еду предполагалось набирать по системе «шведский стол» – голодающие проходили по маршруту справа налево вдоль резервуаров и прилавок с пищей, набирая себе то, что им хотелось, после чего занимали приглянувшееся место без какой-либо системы. К прилавкам мы и направились, вооружившись подносами.

– Ты ожидал увидеть тут официантов с оркестром на фоне? – Дмитрий по-своему истолковал мой любопытный взгляд, снующий из стороны в сторону.

– Почти, – я кивнул. – На фоне всего пафоса академии, «обеденный зал» подозрительно напоминает обычную столовую...

Громов тихо рассмеялся:

– Не всё котам масленница, Лекс. Отец говорил, что «обеденный зал» – просто мостик между нами и плебсом, с которым нам потом работать. С теми, кто вытянет обучение. Как и лекции, практические занятия, внутренние и внешние турниры, общежития и всё такое прочее...

– Хм. Это даже чуточку логично... и многое в местном внутреннем устройстве объясняет.

«Нужно будет проверить, какие перспективы есть у простолюдинов, получивших тут образование. Они явно не остаются просто «грязью», иначе в этом представлении, вещающем о равенстве и братстве, не было бы смысла».

– А ты думал. Иначе академии не были бы академиями, знаешь ли, – Дима подхватил пару чистых тарелок с раздатчика, начав споро наполнять их едой. Я последовал его примеру, решив, что в этот раз не до утоления вкусовых пристрастий. Громов отдал предпочтение мясу с полезными гарнирами, и мой поднос заполнялся ровно теми же блюдами. И мой друг это заметил. – Тут, так-то, хорошо готовят, Лекс. Что угодно возьми – не отравишься.

Я улыбнулся:

– Меня и такой набор вполне себе устраивает. Предпочитаю довериться тому, кто тут уже ел, чтобы не смешать ненароком несмешиваемое, – на поднос особняком встал стакан то ли морса, то ли разбавленного сока. – Куда сядем?

– Да вон, у окна, где посвободнее...

Я поддержал эту инициативу, и спустя минуту мы уже заняли пару мест у самого дальнего окна. Там было душновато, но я не глядя открыл одно, невзирая на отсутствие «ключа» – дурное дело нехитрое, а материализация способна творить чудеса.

Мой пример оказался заразителен настолько, что спустя минуту добрая половина окон была открыта, а в столовой стало куда свежее.

– Дим, так что там за новости по экзаменам? – спросил я, потерев руки и окинув взглядом пищу. Мясо, каша, тушёные овощи – всё это пахло одурительно, и обещало быть крайне вкусным. Особенно с голодухи.

– А, это, – Дмитрий прожевал кусок мяса, подбравшись и сделавшись серьёзным, деловитым. – Во-первых, есть подвижки по дате проведения. Имперский Совет и руководство Первой Академии постановили, что экзамены состоятся тридцать первого июля. Короче, на седьмой день, если сегодня не считать.

«А сегодня у нас двадцать четвёртое июля. Надо же. Я тут всего пятеро суток, а уже в самой... кхм. Самой гуще событий, назовём это так».

– За сутки до начала учебного года, что ли? – я сделал глоток сока, промочив горло.

– Именно. Как мне передали, было решено не показывать слабость перед лицом дражайших соседей, – Дима отставил одну пустую тарелку в сторону. – Аристократия должна быть

сильной вопреки всему. И своевременное начало учебного года – жест, который наши недоброжелатели не смогут не оценить...

– Это-то мне понятно, – честно соврал я. – Вопросы возникают, если задуматься о том, как всю толпу абитуриентов хотят проверить за сутки. Это же сколько людей привлечь придётся?

– Автоматика для теоретической части. Её, вроде, в этот раз планируют представить в форме теста с вариантами ответов, – пояснил Громов. – А практика... Ну, её и так принимали в один день, и оценки выставляли прямо на выходе из кабинета. Другое дело, что третий этап вступительных, вероятно, будет общим для всех.

– В плане? – я вскинул бровь. Меньше всего мне хотелось столкнуться с какими-то неожиданностями, а сейчас именно это, кажется, и происходило.

– Это уже «во-вторых», Лекс, – Дима улыбнулся, отложив уже вторую тарелку. – С довольно большой вероятностью третий этап будет... показательным. Без понятия пока, в какой именно форме, но планируется устроить полноценные смотры среди тех, кто хорошо себя покажет на первых двух.

– Отсеять тех, кто точно не прошёл по первым двум этапам, а остальных столкнуть лбами в третьем? – звучало это очень и очень небезопасно.

– Ну, условно. Никто не будет абитуриентов буквально заставлять сражаться. Это тупо, девяносто человек из ста не умеют ничего, кроме десятка академических упражнений, да своих излюбленных приёмов, – произнёс Громов со знанием дела, поделившись со мной бесценной информацией. – Будет что-то другое. Но даже мне сложно узнать, что именно.

– Что ж, я всё равно благодарен тебе за информацию, Дима, – я неглубоко кивнул, вложив в этот жест вполне искреннюю благодарность. – Я сам по ряду причин в информационном вакууме пребываю, и для меня сейчас любые точные сведения на вес золота.

– В информационном вакууме... Хех. Я запомню это словосочетание. Но проблемы с доступом к актуальным новостям сейчас у всех, не только у тебя. Просто военные знают чуть больше, а с друзьями военных есть, кому поделиться, – Громов хитро подмигнул. – В общем-то, всё, о чём я говорил, это лишь следствие. Империя, как ты наверняка слышал, выдвинула официальную ноту протеста Федерации Независимых Городов. Высшие эшелоны первой сотни с Императором во главе считают, что за терактами стоят именно они. И, если честно, я с ними согласен.

«Буквально полчаса назад я читал о том, как живут люди в этой самой Федерации. О том, что там с самой первой мировой войны установлено хоть какое-то подобие равноправия. Но сейчас мне нельзя молчать. И лицо сделать надо попроще. Ты – аристократ, Лександр Лазарь. Соответствуй этому».

– Они так хорошо наследили? – я изобразил искреннюю заинтересованность.

– Можно сказать и так, – Громов пожал плечами. – Федерация десятилетиями точит на нас зуб. Их «свободная» республика, построенная на лживых лозунгах о равенстве, видит в нас угрозу. И удар по нашей молодёжи, по будущему Империи – очень даже в их стиле, Лекс. Я бы на месте Императора уже стягивал войска к границе, но пока, как говорят, решено держаться другой линии. Мол, мы сильны и негибаемы, и нас не запугать.

Я молча покивал, заняв рот едой и не став лишним раз комментировать. В груди шевелилось неприятное чувство, которое сложно было описать словами.

Дмитрий – рубаха-парень. Смелый, уверенный, верный своим. Скорее всего, по этой причине он безоговорочно принял версию своей родины. И я, оказавшись на его месте без всего своего опыта, думал бы точь-в-точь, как он.

– А если абстрагироваться от давних конфликтов? – я поднял на него взгляд. – Должны же были захватить хоть кого-то. Организаторы, командиры-исполнители. Снаряжение, опять же. У террористов катализаторы были знакомые, западные, например...

Громов в ответ лишь вздохнул, и пожал плечами:

– Прости, Лекс, но об этом я говорить не в праве. Да и сам знаю не так много... – брюнет смутился, отведя взгляд. А спустя секунду он встрепенулся. – Смотри, а вон и наши!

Я обернулся, посмотрев туда, куда указал Громов, и сразу же обнаружил Шталей – и Виктора, расслабленно жующего какую-то булочку, и Эльзу, что-то оживлённо обсуждающую с Лизой.

Вид у рыжей был уставший, слегка растрёпанный, но крайне воодушевлённый. Видимо, рыбка не сорвалась с крючка, и у мечтающей о стезе эрикс-медика девушки появился шанс сходу заполучить себе куратора или даже наставницу.

«А вот Алисии что-то не видно. С неё станется принимать пищу в женской столовой... М-да. Нужно будет её проведать вечером. И номер взять, и своим новым поделиться».

– Идём, поздороваемся? – свою пищу мы уже доели, так что более ничего нас за этим уединённым столиком не держало.

– А то! – Громов встал первым, схватив поднос. Мы сделали петлю через пункт сдачи грязной посуды, а спустя полминуты уже втискивались за стол, потеснив Виктора, недовольно пробурчавшего что-то для проформы.

– Ну наконец-то я не один, – сменил гнев на милость Шталь, подавшись вперёд и зашептал заговорщицки. – Девушки обсуждают что-то жутко важное и секретное, а меня, видите ли, игнорируют...

– Пф-ф. Мы не игнорируем! – фыркнула Лиза, нахватавшаяся плохого у Эльзы. – Просто обсуждаем дела, которые вам, мальчики, едва ли будут интересны.

– Я же говорю, – Виктор театрально развёл руками. – А вы о чём болтали? Я вас заметил сразу, как вы вошли. Просто гоняться не стал.

– Политика, Шталь, политика. Ну и новости про экзамены, как без них? – произнёс Громов, с комфортом устраиваясь на лавочке. – Ты-то сам в курсе?

– Да слышал кое-что...

Дима по уже отлаженной схеме поделился собранной информацией, едва убедился, что никто лишний не греет уши, после чего кое-чего от себя добавил уже Виктор.

Девушки в обсуждении не участвовали – у них были свои темы для разговоров.

Ничего нового, к сожалению, озвучено не было, а потом все начали разбегаться по своим делам. Эльза – в медкрыло, Виктор – в город. В столовой остались только мы с Громовыми, если не считать неисчерпаемых толп голодных абитуриентов.

– Так-с... Лекс, про занятие, которое я тебе обещал. Оно проходит на четвёртом этаже, тут недалеко, – Дима ткнул пальцем в потолок. – Ведёт капитан Ирвинг, отставной военный и ветеран, прошедший через львиную долю пограничных конфликтов. Служил на западе, так что его опыт может оказаться очень актуальным. В академии он, по слухам, лучший тактик, а его лекции обязательны для всех, кто планирует военную карьеру... я тебя заинтересовал, или мне продолжать?

– Заинтересовал, – честно признался я, протискиваясь мимо встречного потока людей. – После недавних событий я, честно говоря, очень заинтересован в том, чтобы начать осваивать воинскую науку. Хотя бы по основам пройтись.

Я был предельно честен в этом желании хотя бы потому, что страх, рождённый из незнания, преследовал меня с того самого леса. Не понимать, что и как может тебя убить, располагая при этом обширными и многогранными средствами для самозащиты – это ужасно.

И для того, чтобы такого бояться, не обязательно быть переродившимся магом.

– Я бы тоже сходила, – Лиза оживилась, словно её пряником поманили. – Кстати... А мне ты об Ирвинге говорить вообще не собирался, Дима?

Элизабет упёрла руки в боки, росту вопреки угрожающе нависнув над Димой.

– Прости-прости, – парень поднял руки, извиняясь. – Я бы тебе написал, честно. Просто чуть позже. Ирвинг начинает только через минут сорок...

– Угу. А то у меня не могло образоваться других дел, – недовольно отозвалась девушка, качнув каре пышных волос. – Я тебя прощу только в том случае, если эта лекция будет не совсем для дурачков, которые пистолет видели исключительно в мультфильмах и игрушках.

– Ты не разочаруешься, – клятвенно заверил её родственник, переведя взгляд на меня. – И ты, Лекс, тоже. Идёмте, надо ещё места получше занять...

Мы двинулись по коридорам, прибавив шаг. День, по сути своей, только начался, и я намеревался провести его с пользой. А вечером...

Вечером мне предстоял ещё один непростой разговор.

## Глава 15. Искусство не умирать.

Четвёртый этаж главного корпуса встретил нас тишиной.

Здесь не было уже ставшего привычным шума, порождаемого оголодавшими недорослями, как не было и толпы. Коридоры тонули в свете настенных ламп, а в воздухе висел стойкий аромат сухой, тёплой древесины. Всё на этаже было выполнено из дерева: полы, стены, двери, потолки, подоконники, рамы окон и портретов видных государственных деятелей, лавочки в переходах.

Но единство материала не делало визуальный облик четвёртого этажа каким-то пресным, даже наоборот: создатели этого места умело комбинировали породы разных оттенков, добившись того, что весь этаж выглядел строго и спокойно.

«И настраивал на нужный лад, что бесспорно».

– Здесь раньше все кабинеты приписывались военному крылу, – тихо, будто бы опасаясь нарушить тишину, пояснил Дима. – Потом их перенесли в другие места. Якобы для того, чтобы студенты разных направлений чаще пересекались. Но Ирвинг, говорят, по старой памяти отворачивал во-он ту аудиторию...

Громов ткнул пальцем в совершенно неприметную дверь, которая не выделялась среди своих товарок вообще ничем.

– Антураж тут действительно ощущается как-то по-особенному, – согласно покивала Элизабет, поправляя рукав пиджака. – Не военное училище, но близко.

– Не могу не согласиться, – дежурно бросил я, пропуская вперёд Лизу. Дима как раз распахнул тяжёлую дверь, увенчанную табличкой с номером четыреста четыре, и мы друг за другом нырнули в царящий внутри полумрак.

Окна здесь были узкими и вытянутыми на манер бойниц или монастырских арок, но плотные шторы не впускали в аудиторию ни крупницы света извне. Лампы на потолке горели одна через три, а за массивными, пережившими десятилетия столами, расставленными по кругу, сидело не так уж много абитуриентов. И всех их можно было легко пересчитать, просто выискивая взглядом светящиеся телефоны, браслеты и планшеты.

«Раз, два, три, десять, двадцать – как-то очень уж скромно для популярного лектора. Или этот отставной вояка известен в узких кругах? Видимо, так» – промелькнула мысль между тем, как мы прошли мимо расположенного посреди зала макета рельефа с лесами, холмами, и витиеватым руслом небольшой реки.

Налицо были признаки создания этого объекта с помощью материализации – отсутствовали стыки, крепёж и следы краски.

Наша троика заняла места в среднем ряду – не на галёрке, почти пустой, но и не прямо перед носом лектора. Дима сел слева, выпрямив спину и положив руки на стол так, словно для него сейчас вот-вот устроят смотры. Лиза устроилась справа, провокационно закинув ногу на ногу и сразу вооружившись планшетом.

Я же откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, и заскользил взглядом по собравшимся тут абитуриентам. Лица, одежда, характеры, поведение – лишним в моей ситуации не было ничего, и я старательно запоминал всё, до чего мог дотянуться.

Благо, ждать пришлось недолго.

Дверь аудитории тихо скрипнула и распахнулась, а в аудиторию вошёл сухой, жилистый мужчина лет пятидесяти в опрятном, но не новом мундире. В царящем здесь полумраке по-особенному заиграли его шрамы. Один – на левой скуле, тонкий и почти белый. Второй – пересекающий щёку. Серебрящиеся от груза прожитых лет волосы он зачёсывал назад, и это удивительным образом делало его похожим не на экстравагантного модника, а на хищника, высматривающего добычу.

Нас всех этот человек поначалу даже взглядом не удостоил, проследовав напрямиком в центр зала. И только оказавшись там, он посмотрел на макет, фыркнул – и плавно повернулся ко всем собравшимся слушателям.

– Немноголюдно. Что ж, – начал он негромко, но предельно чётко. – Так даже лучше. Здесь собрались все желающие? Опаздывающих товарищей ждать не стоит? Чудно. Слушатели на задних рядах, пересесть ближе, живо. Не заставляйте своих товарищей ждать и терять драгоценные минуты...

Ирвинг плавно убрал руки за спину, и под полами его мундира показался контур кобуры. Облизав губы и шумно выдохнув, отставной офицер дождался, пока смутившиеся юноши и девушки перебазируются поближе.

– Вы – молодые, амбициозные и, возможно, пусть и маловероятно, талантливые абитуриенты. Будущее Первой Академии. Цвет нации, если верить газетам, – последние слова были произнесены им с каким-то непередаваемым оттенком скепсиса, напомнившим мне о самых отвратительных в плане характера, но неопишимо хороших преподавателях родного училища. – Для вас будет несложно ответить на несложный, в сути своей, вопрос. Представьте гипотетическую ситуацию. Ваш отряд числом в четыре человека по тем или иным причинам перемещается вдоль границы. Западной, с холмами, лесами и иже с ними. Местность пересечённая и вам неизвестная. Можете взять за образчик данный макет...

Ирвинг сместился чуть в сторону, выудив откуда-то пульт. Пара щелчков – и лампы над макетом загорелись ярче, открывая взору каждое деревце, каждый камень и изгиб рельефа.

– Во время движения ваш отряд попадает в засаду. Противник – группа диверсантов, о чём вам неизвестно. Вопрос: какими будут ваши действия в таком случае?

Рука Громова взлетела вверх быстрее, чем Ирвинг закончил говорить. Мужчина, едва заметив это, хмыкнул и чуть склонил голову:

– Громов, – он не спрашивал, а утверждал. – Дмитрий, если мне не изменяет память. Наслышан, наслышан. Что ж... просветите нас, будьте так любезны.

Дима поднялся. Плечи расправлены, подбородок вздёрнут – эталон абитуриента военного крыла, готового дать образцовый ответ. Вот только я заметил, как Лиза на мгновение прикрыла глаза и выдохнула, будто уже догадавшись, чем всё кончится.

– Первоочерёдная задача в такой ситуации, сэр – минимизация потерь и занятие оборонительной позиции, – начал он уверенно. – В зависимости от характера местности рекомендуется организовать завесу и лишить противника возможности вести прицельный огонь, после чего материализовать подходящие укрытия, включая ложные. Далее необходимо определить наиболее слабый участок вражеского периметра, организовать прорыв в избранном направлении и покинуть огневой котёл...

Он говорил чётко и по делу, перечисляя пункты своего «плана», словно зачитывая устав. Громов явно знал, о чём говорил, и в такт его словам многие абитуриенты даже закивали согласно. И, в общем-то, эта схема действий была вполне себе подходящей.

Даже я бы действовал примерно так же – просто потому, что у людей, попавших в засаду, выбора-то и нет. Но почему-то мне казалось, что Ирвинг спал и видел, как ему ответят «по учебнику». Больно уж глаза у него были довольными.

«Знакомый подход. В ситуации, когда у тебя нет возможности подойти к обучению системно, например, на демонстрационной лекции, макнуть «студентов» головой в гузно, чтобы потом вбить в их головы нечто важное – нестареющая классика».

И Ирвинг не подвёл. Он дослушал Громова до конца, ни разу не изменившись в лице, а после спокойно кивнул.

– Садитесь, Громов, – Дима сел, а Ирвинг обвёл взглядом притихшую аудиторию. – Ответ исчерпывающий и полный. Будь передо мной выпускной курс военного училища, то я бы поставил высший балл не глядя, – он вновь сделал паузу. – И именно поэтому, Громов, в описанной

ситуации единственным итогом ваших действий... Нет, даже не итогом, а тем, что предвосхи- тило бы их, гарантированно стала бы ваша смерть. Ваша, и всей группы заодно. Вы бы даже не успели понять, что вас убило. Бесспорно, я сам не совсем корректно задал вопрос, но общий посыл вы уловили...

Абитуриенты тем временем уже зашевелились. Кто-то в спешке начал вести «конспект», кто-то тихонько переспрашивал у соседей, всё ли он правильно услышал. Лиза, сидящая рядом со мной, подалась вперёд, а её глаза загорелись опасным любопытством.

А вот Дмитрий замер в растерянности, сменившейся недоумением, которое более чем удовлетворило Ирвинга.

– Всё, что вы перечислили, Громов – это разумное и грамотное реагирование на уже случившуюся катастрофу. Вы уже попали в засаду, и если можете что-то сделать – значит, как минимум вы живы. Вот только мало кто понимает, что это вообще такое – «засада». – Мужчина прошёлся из стороны в сторону, маринуя всех собравшихся в томительном ожидании. – Пуля, обычная пуля из самой обычной пороховой винтовки современного образца, преодолеет сотню метров за десятую долю секунды. Это – время, за которое тренированный оператор эрик- искусств лишьотреагирует на звук выстрела или иное проявление угрозы. Прибавьте к этому просто нажатие на спусковой крючок катализатора, господы и дамы, без всего остального. Без прицеливания, без выбора техники. И всё равно на выходе у вас получится очень неприятная для попавшего в засаду отряда картина.

Ирвинг вновь прошёлся по аудитории, прежде чем продолжил:

– Вы все здесь привыкли думать о поле боя как о месте для героизма. О месте, где вы можете проявить себя. Выдержка, дисциплина ума, быстрота реакции – жаждать показать свои сильные стороны... похвально. Похвально, но ошибочно в основе. Бой – это не возможность, это финал. Кульминация длинной цепочки событий, предшествующих первому выстрелу и первой капле пролитой крови... – Мужчина вернулся на своё изначальное место, окинув нас цепким взглядом серых глаз, один из которых был подёрнут мутной поволокой, что стало осо- бенно заметно в свете ламп. – Поэтому, господы и дамы, если вам кажется, что самым важным в сражении является скорость воспроизведения атакующих и защитных техник, то я скажу вам прямо – вы ошибаетесь. Способность загодя понять, где вас могут ждать, куда важнее. Анализ. Предусмотрительность. Позиционирование. Бдительность!

Последнее слово офицер не просто произнёс – он прогрохотал им так, что его эхо, каза- лось, ещё пару секунд витало над нашими головами.

– Если вы поступите в военное крыло академии, вас всему этому научат. Выбор марш- рута, разведка, грамотное ориентирование на местности, умение читать следы и предугадывать намерения противника, даже если такового нет на многие километры вокруг. Но способность сохранять бдительность не минуту и не две, а в течение многих часов вам придётся развивать самостоятельно. И это, – он выдохнул с присвистом. – Это ровно то, что решает исход любого столкновения. Боец, оказавшийся в нужном месте в нужное время – выиграл. Тот, кто сумел не оказаться в ненужном – выжил. Всё остальное – частности. Поймите одно. Как бы вирту- озно вы ни материализовали самые совершенные щиты, вы не сможете держать их вечно. И одна пуля, выпущенная в спину, поставит точку в жизни как полного отброса, так и самого талантливого из вас.

Мужчина в который уже раз двинулся вдоль постаменты, но на этот раз – проведя пра- вой рукой над макетом. В один миг конструкт сплавился в плоскость, этакий чистый лист. Без- звучно, без малейшего напряжения.

– Позволю себе небольшой экскурс в реальность, который для большинства из вас, я искренне на это надеюсь, навсегда останется лишь теорией. Настоящий бой, господы и дамы, длится секунды. Реже – десятки секунд. – Ирвинг замолчал на несколько секунд, позволяя нам осознать всё только что им озвученное. – Всё, что выходит за пределы минуты – это уже не бой,

а затяжная перестрелка, которую обе стороны постараются прекратить как можно быстрее. Почему?

Вопрос оказался риторическим, и нужен был лишь для того, чтобы Ирвинг перевёл дух. От меня не укрылось то, как он дышал. Тяжело, рвано.

– Потому что чем дольше вы находитесь в огневом контакте, тем выше вероятность того, что что-то изменится, – Ирвинг продолжал мастерски расставлять акценты и дозировать информацию. – Вам на подмогу придут товарищи, или к противнику подтянется подкрепление. Враг совершит критическую ошибку, или вы сами ненароком оступитесь и растянетесь на земле, не успев даже осознать свою промашку!

Ирвинг дёрнулся было, чтобы пройтись снова, но остановился на половине шага, продолжив на пол-тона тише.

– Мы – не машины, мы – люди. Мы устаём, теряем концентрацию и ошибаемся. И каждая ошибка в таком деле может стоить вам жизни, – мне показалось, что этими словами он подвёл итог, но для отставного офицера длинный монолог оказался всего лишь разминкой. – Всё остальное, господа и дамы – это рутина. Марши, разведка, ожидание. Подготовка позиций и сон вполглаза. И чем лучше вы будете справляться с этой совершенно непримечательной и скучной частью службы, тем выше ваши шансы выйти на пенсию целёхоньким, а не, – он постучал по ноге, откликнувшейся деревянным, неприятным отзвуком, – в разобранном виде. Вопросы?..

И вопросы посыпались на него, как из рога изобилия.

Он отвечал на всё, что интересовало абитуриентов. Где-то обширно и подробно, где-то едко и колко – характер у мужчины был далёк от сахарного, но вот желание отговорить от военной карьеры тех, кто для неё не подходит читалось слишком уж отчётливо.

Ирвинг был полной противоположностью «идеального вербовщика», какового я ожидал тут увидеть. Он объяснял всё честно и без прикрас, являя молодёжи войну в том виде, в котором видел её сам.

А потом его взгляд остановился на мне, и в единственном зрячем глазу мужчины я увидел нечто, заставившее меня поёжиться.

– Лазарь, – произнёс он, подобравшись. – Ваш недавний инцидент с поездом уже стал местной легендой, и оброс большим количеством слухов. Из человека, сумевшего дать отпор террористам с бытовым катализатором в руке, вы трансформировались в спасителя, вынесшего на своих плечах с десятка юных леди с парочкой графинь в придачу. Но вашим, весьма вероятно, будущим соученикам будет нелишним из первых уст услышать и, возможно, даже увидеть события того вечера. Как вы на это смотрите?

Пара человек из числа абитуриентов обернулась в мою сторону, а Громов незамедлительно ткнул меня локтем в бок – иди, мол.

– С удовольствием, сэр, – я поднялся, неглубоко кивнув. Взгляды, цепляющиеся за повязку и катализатор на предплечье, стали ощущаться крайне отчётливо.

– Чудно, – Ирвинг улыбнулся одними уголками губ, а пальцы его левой руки затрепетали – едва заметно, но так, что в этой дрожи легко угадывался процесс управления катализатором. – Так уж вышло, что я в курсе... тактической обстановки вокруг места, в котором произошёл теракт. Дайте мне десять секунд, Лазарь. Пока приготовьте технику материализации или моделирования, если вам необходимо время...

Макет, представлявший из себя ровную поверхность, вдруг ожил и разросся деталями. Насыпь и железная дорога, лес, валуны, изгибы рельефа – всё это бередило в памяти воспоминания о тонушей в сумерках местности, которую лично я запомнил едва-едва.

Ирвинг восстановил сцену в тот момент, когда поезд уже опрокинулся. Даже позиции террористов отметил переливающимися алыми пиктограммами-иллюзиями со стрелочками,

попутно словами обрисовав для остальных ситуацию: поезд проехал дальше, чем ожидали террористы, и основной их удар пришёлся на вагон охраны.

А дальше нападавшим пришлось пробираться через полные черни вагоны, потому что снаружи, опять же, ещё сопротивлялись отдельные защитники покоя знати.

– Итак, Лазарь. Если я не ошибаюсь, то эвакуацию вы производили из этого вагона? – обозначенный вагон легонько засветился.

– Всё верно, сэр. Мы совместно решили, что оставаться в поезде опасно, и...

– Конкретные действия, Лазарь, – прервал он меня резко. – К сожалению, время у нас не резиновое. Поэтому я хочу, чтобы вы описали и продемонстрировали на схеме непосредственно свои действия. Шаг за шагом.

«Продемонстрировал... М-да. Притворяться оглоблей смысла нет никакого. Значит, делать придётся красиво».

– Первым делом я прорубил выход в крыше поезда, сформировав снаружи завесу из тумана, – моими усилиями обозначенная завеса едко зелёного цвета растянулась вширь, а из вагона на насыпь начали высыпаться маленькие аляповатые человечки. – У нас не было понимания касательно того, где находится противник, поэтому изначально группа двинулась к лесу врассыпную. Я остался у состава, поддерживая туман и не позволяя ему растечься. После того, как остальные скрылись в чаще, я начал отступать. Не успел совсем немного – вместе с незнатными пассажирами наружу начали выходить террористы...

Я сопровождал каждую свою фразу изменениями на макете, полностью перехватив инициативу у Ирвинга. Он, вероятно, ожидал, что я попрошу его изобразить хотя бы врагов, но я и словом не обмолвился перед тем, как нарастить поверх его конструкторов свои, с каждой фразой лишь добавляя деталей. Пресловутые множества конструкторов, формально являющихся одним объектом, показывали себя просто превосходно.

Впоследствии мужчина подключился к «шоу», визуально выделяя важные для понимания элементы, а смотреть на меня стал не с тщательно скрываемым скептицизмом, а с уважением.

«Естественно. Восемнадцатилетние сопляки такими навыками просто не могут обладать. Нет той дисциплины ума и духа, нет банального времени, чтобы развить в себе всё это. Дистанцию, рассчитанную на двадцать лет, за пять не преодолет никто. Кроме меня, и то лишь в глазах окружающих».

А я тем временем продолжал свой рассказ, развлекаясь, как мог. Нематериальные жидкий металл, «выстрелы», «взрывы» – я старался наглядно продемонстрировать всё, что вспомнил и счёл достаточно зрелищным, потому что скрывать мои навыки хотя бы в сфере дисциплины разума и воображения было бессмысленно.

Про меня уже знали Громы, Имперская Безопасность, откуда информация утекла напрямую к отцу, толпа простолюдинов-свидетелей и все те аристократы, которым я проторил путь из поезда.

Весьма наивно было бы полагать, что все будут молчать, как рыбы. Поэтому я и пустился во все тяжкие, «работая на репутацию»:

– Сначала террористы атаквали поодиночке, и устранять их было несложно. Но всё изменилось, когда, по моему мнению, к делу подключились их командиры. Скоординированные атаки даже примитивными «пулями» я выдерживал с трудом, а когда они задействовали тяжёлое вооружение – чуть не погиб, – это признание было совершенно честным, ведь сейчас, глядя на ту ситуацию постфактум, я отчётливо понимал, что от смерти меня отделяла пара лишних стволов в руках террористов. – К счастью, расстояние от насыпи до леса было невелико, и я смог повалить несколько деревьев, лишив врага возможности вести по мне огонь. В этот же момент вмешались Дмитрий Громов и Виктор Шталь – они установили заслоны и

подняли дымовую завесу, позволив мне отступить. Далее был марш-бросок через лес, а мой катализатор окончательно вышел из строя. Это всё, сэр, господа и дамы...

С последней парой слов я обратился к аудитории, взирающей на устроенное «представление» широко открытыми глазами. Кое-кто даже конспектировал, а незнакомый мне парень так и вовсе громко, почти демонстративно присвистнул.

– Это было очень... очень уверенное использование моделирования, Лазарь. Моё восхищение, – Ирвинг перевёл взгляд на аудиторию. – Но теперь, покуда у нас ещё есть несколько минут, я бы хотел рассмотреть этот бой с иной стороны. С сугубо профессиональной, да не считёте вы, Лександр, это попыткой вас поддеть или принизить ваши достижения...

Я жестом и улыбкой показал, что всё в порядке, после чего офицер со спокойной душой, – если его вообще могла тронуть возможность меня задеть, – продолжил.

– Господину Лазарю противостоял плебс. Обычные люди, наспех вооружённые и натасканные на нажатие одной-двух кнопок с «воображением» чего-то, отдалённо напоминающего снаряды нужного типа. Минимум тактики, минимум взаимодействия. Террористы, уверившись в своей безнаказанности, шли в лоб, действуя шумно и предсказуемо. Они полагались на численность и на то, что женщины, дети и молодёжь ничего не смогут им противопоставить, – каждое слово Ирвинг чеканил так, словно хотел вбить всё сказанное в головы абитуриентов навечно. – Именно поэтому Лазарь справился, господа и дамы.

«Я и сам понимаю, что мне повезло. Но сейчас... Сейчас меня как будто мордой в свежую кучу макнули. С моим опытом – и выжить лишь потому, что столкнулся не с профессионалами, а с толпой необученного мяса...».

Ирвинг вдруг обернулся, посмотрев на меня нечитающим взглядом. С таким прищуром, в котором переплелись одновременно оценка, немой вопрос и предостережение.

На миг показалось, что он прочитал мои мысли, но в этом мире подобное было в принципе невозможным.

– Вы проявили чудеса изобретательности, хладнокровия и собранности, Лазарь. Хвала вам за это. Но этот успех не должен вводить вас в заблуждение. Уберите иллюзии, – я тут же развеял всё воплощённое, и уже сам мужчина перекроил макет. Теперь на «мою» позицию смотрели с разных точек угрожающе-бордовые силуэты, не чета крошечным и нелепым фигуркам террористов. – Подготовленная группа не допустила бы таких ошибок. Они не пропустили бы поезд слишком далеко, повторно подорвав выдержавший удар локомотив. А всех сопротивляющихся перестреляли бы из-за деревьев. Потому что ваша позиция, Лазарь, была открыта всем ветрам, а ртуть, насколько бы впечатляющей она ни была, не смогла бы защитить вас от того, чего вы не видите и не ждёте. Скажите, почему вы не использовали для обеспечения своего отступления завесу?

– Потому что я опасался наличия у противника средств обнаружения, которым туман и дым ничем бы не помешали, сэр, – честно признался я. – Вдобавок к этому, бытовой катализатор жёстко ограничил меня в возможностях. Я не мог себе позволить лишиться части ртути или блоков титана ради эфемерного шанса спрятаться от тех, кто планировал нападение заранее.

Ирвинг хмыкнул и покачал головой:

– Похвальная осторожность и предусмотрительность, Лазарь. Одно только то, что в те минуты вы были в состоянии мыслить тактически и наперёд делает вам честь. Вопрос к аудитории, – он обернулся к слушателям. – Как бы вы, располагая сравнимым уровнем навыков в эрикс-искусствах, обеспечили своё выживание? Ответьте на этот вопрос сами себе, а после – обсудите друг с другом, если у вас будет на то желание. И, – он бросил взгляд на наручные часы, – так как у нас есть ещё пара минут, и если я не утомил вас окончательно... задавайте свои вопросы, господа и дамы.

Затишье продлилось всего несколько секунд, прежде чем руку подняла девушка с первого ряда – боевитая блондинка с короткой стрижкой, ободком в волосах и одеждой, которая выглядела почти точь-в-точь, как униформа академии.

«Которую нам не выдали, но многим тут, похоже, очень хочется превентивно примерить что-то подобное. Забавно. Традиция, что ли?».

– Господин Ирвинг, вы говорили об ошибках, скоротечности боя и так далее, – начала блондинка негромко. – Но если всё так, как вы описываете, то почему мы ничего не слышим о потерях? Ведь конфликты на границах случаются...

Ирвинг развернулся к девушке всем корпусом, и на его лице проклюнулась скупая, преисполненная горечи усмешка.

– Хороший вопрос. Но хочу заметить, что, во-первых, потери всё-таки есть. Просто такие темы публично не афишируются, юная мисс, – бросил мужчина, мазнув взглядом по остальным, словно ища в их лицах что-то. – Впрочем, я понимаю, о чём вы. Ведь если эксперты эрикс-искусств так легко погибают, то итогом каждой стычки должна быть горстка мёртвых тел с каждой из сторон. Это логично. Вот только у людей, как ни странно, есть мозги. Мастеров, способных в одиночку переломить ход сражения, очень мало. Их готовят десятилетиями. Каждый из них – это аристократ с выдающейся родословной, с лучшими наставниками за спиной, с оборудованием, которое никому из вас, господа и дамы, пока что даже не снилось. И знаете, что с ними происходит в настоящем, полномасштабном бою?

Он выдержал паузу.

– Они умирают. Так же быстро, как и все остальные. Потому что убить неизмеримо проще, чем защититься. Одна-единственная пуля, как я уже говорил, оборвёт самую блестящую карьеру, стоит лишь один раз ошибиться. А ошибиться в бою очень легко...

Ирвинг снова прошёлся, облизав губы и прихрамывая заметнее, чем в начале занятия.

– А теперь представьте, что две державы, каждая из которых взрастила по сотне таких мастеров за, скажем, три десятка лет, начинают масштабные бои. Что произойдёт? Громов, – мужчина кивнул на Диму. – Предположите.

Колебался брюнет не то, чтобы очень долго.

– Бойня, сэр, – ответил он тихо, поджав губы.

– Именно! – Ирвинг кивнул одобрительно. – За один месяц, неделю или даже за сутки обе стороны лишатся всех тех, кого готовили годами. Эксперты боевого направления эрикс-искусств не растут под деревьями после дождя, как грибы. Такие потери невозможно быстро компенсировать. И в итоге обе стороны конфликта останутся настолько обескровленными, что их играючи сожрёт третий сосед. Или пятый, десятый... Вокруг Империи достаточно врагов, господа и дамы. По этой причине большие войны остались в прошлом.

Он замолчал, позволяя двум десяткам абитуриентов переварить услышанное.

Я же про себя отметил, что эта картина мира – с паритетом, основанном на взаимном гарантированном уничтожении не плебса, не государственности, а элит, была во многом похожа на логику Холодной войны моего родного мира. Только роль ядерных боеголовок тут выполняли «маги»-аристократы, которым не хотелось умирать.

Вновь установившуюся тишину нарушил поднявшийся со своего места молодой парень в очках, облачённый в некий аналог военного кителя, но без знаков различия.

– Капитан Ирвинг, сэр. Позвольте уточнить – что насчёт использования в боях простолюдинов и техники? – он поправил очки на переносице. – В прошлом этот подход приносил свои плоды, насколько мне известно. Любой мало-мальски обученный человек с обычной пороховой винтовкой, как вы сами говорили, может убить мастера эрикс-искусств. А если таких будет тысяча, сэр?

– Сядьте, – устало бросил Ирвинг, покачав головой. – Вопрос понятен, но до ответа вы могли бы прийти и сами, просто развив логическую цепочку. На поле боя выходит целая

армия черни с оружием. Кого выставят против них? Или такую же чернь, или мастеров эрикс-искусств. В первом случае Империя будет терять в боях не абы кого, а трудоспособных юношей и мужчин. Во втором потери эти наступят в разы быстрее, а для их предотвращения в бой придётся отправлять уже своих бесценных экспертов. Итог один – обескровливание. Наша родина могущественна, но не всемогуща. Было бы замечательно, если бы наш воин один стоил десятка недругов, но реальность такова, что за батальон врага придётся расплатиться своим таким же формированием...

Парень от такой отповеди, резкой, логичной и чёткой, побледнел и потупил взгляд. А вот Ирвинг продолжил, сменив тон на мягкий, внушающий:

– Запомните: простолюдины с пороховым оружием, да и даже с катализаторами – это не боевая единица. Это поддержка. Обслуга. Чернь может окапываться, строить укрепления, вести патрулирование и контролировать фронт, даже сдерживать таких же «бойцов» по другую сторону... – Мужчина выдохнул. – Но в прямом столкновении с мастером эрикс-искусств, которому обеспечили прикрытие и обозначили цель, они – просто мясо. Бесполезное, быстро кончающееся и деморализующее остальных мясо. Единственная ситуация, в которой толпа племса может быть хоть сколько-то полезна – это в связке с нашими собственными мастерами. Прикрытие, отвлечение внимания. Да и то, потери при таком их использовании будут чудовищными...

Ирвинг продолжал вещать, донося до абитуриентов прописные истины, но я его почти не слушал. Его слова наложились в моей голове на то, о чём я читал утром... и мысли образовывались нерадостные.

«Социальное неравенство и военный паритет, невозможность ведения масштабных войн и постоянные локальные конфликты на границах – всё это часть одной картины. Следствие Первой всемирной войны, отгремевшей пятьдесят три года назад и перекрутившей привычное мироустройство в фарш. Угнетение знатью простого люда – это не трагическая случайность, а неизбежность. Просто аристократией стали называться те, кому подчинились эрикс-искусства. Теперь всё встало на свои места. Наконец-то».

– Что ж, господа и дамы, – Ирвинг демонстративно посмотрел на часы. – Наше время подходит к концу. Я надеюсь, что вы сделали правильные выводы из всего услышанного. И помните о «домашнем задании». Если вам повезёт поступить в Первую Академию, то я требую ответ с каждого. По очереди подходите к столу, отметьтесь в табели. И поживее!

Я автоматически встал, вписал своё имя в пустую строку табели посещений подготовительных курсов, и так же автоматически вышел из аудитории вслед за Громовыми. Они выглядели не менее задумчивыми. С тем лишь уточнением, что если я размышлял о ситуации в целом, то их беспокоили сугубо практические вопросы.

«Так или иначе, но мне придётся работать с тем, что есть. И... Проклятье. Нужно найти Алисию. Сейчас же».

– Дима, Лиза, я вынужден вас оставить, – я окликнул их, чуть притормозив. – Встретимся за ужином. Вы же не против?

– Да нет, наверное, – рассеянно ответил Громов. – Не теряйся только, Лекс.

– Если что – пиши, – вторила ему Элизабет.

А потом мы разбежались в разные стороны. Они – на пятый этаж, а я – к выходу из центрального крыла.

Сейчас мой путь лежал в направлении женского общежития.

## Глава 16. Свобода поневоле.

Тяжёлая дверь женского общежития захлопнулась за чьей-то спиной, а я остался стоять на крыльце, чувствуя себя... ну, не прямо полным болваном, но близко.

Внутри меня, разумеется, не пустили. Комендантша – суровая матрона с повадками цепного пса и бюстом, способным эффективно выполнять роль противопехотного заслона в коридорах академии, преградила мне путь, едва я переступил порог холла. И сразу же выставила меня за дверь, едва осведомившись, чего я тут забыл.

Нельзя – значит, нельзя, и точка.

К счастью, комендантша снизошла до моих проблем, и отправилась проверять, на месте ли «эта, как её, Фольт». Вот только по возвращении она мне сообщила, что комната заперта, а Алисия в общежитии отсутствует.

«Как бы не случилось чего. Привлекать лишних людей к поискам – не вариант, по понятным причинам. Значит, придётся справляться самому и тратить драгоценное время. Что ж... Ну, у меня хотя бы неделя есть на подготовку – и то хлеб».

Очевидных мест, где могла находиться Алисия, было не так уж много. Столовая в здании общежития? Вряд ли – время обеда давно миновало. Обеденный зал в центральном крыле? Аналогично. Парк? С учётом её упёртости, вряд ли она отправилась гулять, когда на носу экзамены. Если только что-то действительно случилось.

«Библиотека или подготовительные занятия? Всё – в центральном крыле, и разумнее всего будет начать с обители знаний. Если бы я был простолюдином, то скрывался бы от нежелательного внимания аристократов именно там».

Путь до библиотеки занял считанные минуты, и, ступив под своды «недостроенной» башни, я вынужденно затормозил. Контраст между пасмурной улицей и светлым помещением был очень уж явным – пришлось проморгаться, прежде чем по-быстрому заполнить бланк посещения и пройти дальше.

Посетителей тут традиционно почти не было, так что белобрысую головку я заметил сходу.

Алисия сидела в самом дальнем углу, склонившись над столом перед терминалом, и что-то сосредоточенно переписывала в тетрадь. Вблизи я различил и несвойственную девушке бледность, и начавшие отвоёвывать себе пространство под её глазами тёмные круги. Даже мои шаги Алисия не услышала, пока я не подошёл совсем уж близко.

– Лекс, – произнесла она, обернувшись. Без удивления, без радости. Спокойно и как-то обречённо. – Я догадывалась, что ты придёшь. Долго искал? Садись.

«Вот ты и допрыгался, Лекс. Она что-то для себя решила, и это что-то не понравилось ей, и не понравится тебе. Проклятьё».

Я опустил на соседний стул, положив руки на стол перед собой. Нервно облизал губы, сглотнул. Все слова, которые я прокручивал в мыслях по дороге сюда, теперь казались жалкими и неуместными. Я-то рассчитывал встретить вечно весёлую девушку, а не её бледную тень.

Поэтому несколько секунд мы просто сидели. Молча, прислушиваясь к мерному гудению терминала и неразличимым шепоткам других посетителей.

– Алисия, послушай... – начал я, но она остановила меня резким жестом. Просто вскинула руку, моргнув и подавшись вперёд.

– Не надо, Лекс. Я много думала. О нас, о тебе. О том, что сказала эта рыжая стерва... И я кое-что поняла. Ты хороший человек. Лучше, чем был раньше, – на этой фразе её голос почти сорвался, глаза заблестели, а она сама поджала губы. – Ты защищал меня, заботился, рисковал собой. И я... я тебя люблю. Ты это знаешь.

«Она впервые произнесла это вслух. И именно сейчас».

– Но то, что я тебя люблю – это только моя проблема, Лекс, – продолжила она, едва переведя дыхание. – Я не ровня тебе, и никогда ей не стану. Ты можешь говорить что угодно, но законы Империи тебе не изменить. Я читала те же книги, что и ты... или почти те же. Поэтому я прекрасно понимаю, чем заканчиваются подобные «истории». Позором. Изгнанием. Крахом. Смертью.

– Я не собираюсь...

– Я знаю, что ты не собираешься, – перебила она, всхлипнув. – Но это ничегошеньки не меняет, Лекс. Достаточно того, что подумают окружающие. А я... Я не хочу быть причиной твоей смерти. Не хочу, чтобы на тебя показывали пальцем, а то и последнего шанса лишили. И я не буду обузой.

Я крепко, до белизны сжал кулаки.

– Ты не обуза, Алисия. И мы всё ещё можем найти способ. Мне не обязательно поддерживать тебя напрямую. Существует институт протекции – я узнаю, что там и как. Сделаю всё по уму... – пусть даже это потребует существенных временных и не только затрат, но по какой-то причине я был готов на это пойти.

По крайней мере, в отношении Алисии Фольт, которая, похоже, не собиралась больше принимать навязываемые мною правила игры.

– Нет, Лекс. Я – обуза. Для твоей репутации, для твоего будущего простолюдинка не более, чем мёртвый груз. Пока я рядом, каждый аристократ будет видеть во мне то, чем я не являюсь, – она несколько раз моргнула, борясь с подступающими слезами. – Они будут видеть во мне твою любовницу или игрушку. Тебе будут мстить через меня, будут использовать само моё существование как оружие, пойми же.

Я открыл рот и бессильно выдохнул, на находя, что возразить. Мне попросту нечем было крыть. Эльза предупреждала меня ровно о том же самом. Я лично читал о правилах, установленных в Империи и ревностно соблюдаемых знатью.

А теперь об этом мне говорила Алисия – девушка, которая, по логике, должна была цепляться за меня, пока у неё были шансы...

«Пока были шансы... Проклятье!» – я застыл, широко распахнув глаза от вспыхнувшего в голове ярчайшей звездой осознания.

Нет – ОСОЗНАНИЯ.

Алисия не была душой. Она наверняка с малых лет понимала, кто я и кто она. Но всё равно оставалась рядом. Минимум пять лет назад – как подруга или знакомая, уж не знаю точно. А после падения Лекса три года назад, Алисия Фольт продолжила упрямо нянчиться с ним, не отпуская.

«И дожидаясь, пока у неё появится возможность взять своё? Не богатство и не титул, и даже не Лазаря. А Лександра. Человека, которого со дня на день должны были лишить титула, выбросить на улицу – и тем самым вытолкнуть за границы того, чему обязан был соответствовать аристократ. Желала ли она Лександру всего самого хорошего? Очень вероятно – её радость за меня была искренней там, на пороге поместья. Но это не мешало ей надеяться».

Я молча смотрел на неё, ощущая непередаваемую горечь. Она действительно ждала момента, когда система отторгла бы «нежелательный элемент». Когда Лександр Лазарь стал бы никем, лишившись привилегий и обязанностей.

Тогда, именно тогда, у простолюдинки Алисии появился бы шанс.

Но реальность и моё появление внесли свои коррективы. Вместо изгнанника и «мусора» на сцену вышел я, без лишней скромности – человек, которым теперь интересуются многие. А пропасть между нами разверзлась ещё шире, чем раньше.

«Она любила конкретного павшего аристократа, которого можно было любить, не боясь за его жизнь – он просто никому больше не был нужен. А я, объявившись в этом мире, всё к такой-то матери ей испортил» – и эти мысли, хочю я сказать, отрезвляли.

Алисия тем временем вытащила из сумки небольшой, аккуратный конверт, на котором я не без удивления разглядел герб рода Сориар. Она положила его на стол передо мной, подавшись ближе:

– Я знаю, что ты не отступишься, если не убедить тебя в том, что я буду в порядке, Лекс. Посмотри, пожалуйста, – сказала она, пододвинув ко мне конверт.

Я отогнул уголок со вскрытой сургучной печатью, выудив лист плотной, дорогой бумаги. Пробежался глазами по тексту – один раз, второй. Хмыкнул.

– Значит, твоё имя в списках – это дело рук графа Сориара. Протекция за спасение внука... ты правда кого-то спасла? Когда успела? – бросил я, принудив себя отложить свербящее на периферии сознания понимание в долгий ящик.

– Тот мальчик, Лион, – произнесла Алисия тихо. – Внук графа. Когда ты остался прикрывать отход, мы наткнулись на террористов в лесу. Началась перестрелка, все стали разбегаться, кто куда, и в суматохе малыша потеряли. Я заметила его, вернулась, подхватила его на руки и побежала дальше. Ну и... вот.

Я в мыслях перебрал всех детей, ошивавшихся вокруг графини на нашей стоянке-нахолме. Под описание подходил разве что совсем мелкий ребёнок, годика три, не больше.

«И его умудрились потерять?» – подумал, но не стал озвучивать этот вопрос я.

– Вчера в общежитие приходила Белль Сориар, – добавила Алисия, разглядев на моём лице тень сомнения. – Она очень милая девушка... по крайней мере, со мной. Она публично озвучила волю графини об обеспечении мне протекции. И, учитывая статус их рода, проблем... проблем больше быть не должно. На меня и смотрят-то теперь с опаской. Поэтому, Лекс, не нужно опекать меня так рьяно. За меня есть, кому заступиться... без последствий. Дай мне свободу. Для всех будет лучше, если я стану просто одной из многих простолюдинок-студенток. Если мне вообще повезёт поступить...

– Ты поступишь, – почему-то я в этом даже не сомневался. Но та надрывная искренность, с которой девушка просила её оставить, вызывала лишь ненависть, направленную на самую местную социальную систему. – И я понял тебя, Алисия. Я... очень рад, что ты получила протекцию от кого-то, кто действительно может тебя защитить... без последствий.

Я встал со стула, зажмурившись на пару секунд. Выдохнул.

– Я постараюсь не привлекать к тебе внимания. Но это не значит, что я вычеркну тебя из своей жизни, – я одной рукой достал из кармана телефон, открыв контактную книгу. Вывел на экран свой номер, повернув его к девушке. – Мой новый номер. И твой я тоже запишу. Переписываться нам не запретит никто – внутренняя сеть академии это позволяет, для того и создана. А шифрование сохранит всё в тайне.

– Лекс, – начала было она, но я перебил её.

– Не «Лексай», Алисия. Записывай, и дай мне уже свой номер или айди внутри системы. И всегда держи в уме, что если вдруг – я рядом.

«Всего лишь слова. Но пока я действительно не могу дать ей большего. Даже обычная дружба – и та под запретом. Вот только пусть меня проклянут раз и во веки веков, если сам *Альтаир, Сайрус наречённый* не окажется способен на такую малость!».

В реальности же я чуть улыбнулся, стараясь хотя бы так сгладить ту бурю эмоций, которую во мне пробудил этот эпизод новой жизни, сходу пустившейся в галоп. Алисия, сидящая сейчас передо мной, снова всхлипнула, но сдержалась. Сильная девочка.

Она достала новенький коммуникатор с эмблемой Первой Академии на задней крышке, а спустя несколько секунд мой телефон завибрировал, оповестив о входящем сообщении.

– Вот и всё, – выдохнула она, забрав конверт и спрятав обратно в сумку. – Я... пойду в общежитие, Лекс. Вечером Белль собиралась «вывести меня в люди», в обеденную залу. Общую. И мне нужно подготовиться...

– Тебя проводить? – спросил я скорее формальности ради, потому как понимал, что это неразумно.

– Нет. Будет лучше, если мы не будем часто показываться на глаза вместе, – она натянуто улыбнулась. – По крайней мере, пока.

Я кивнул, убирая телефон. Смысла спорить не было. Девушка в то же самое время поднялась, сбросила сессию в терминале, собрала свои книги и тетрадки – и, не оглядываясь, зашагала прочь из библиотеки.

Стук каблучков Алисии стих, и библиотека вновь погрузилась в привычную, давящую своей величественной требовательностью, – обитель знаний же, – тишину.

Я постоял ещё пару минут, переваривая всё только что произошедшее, и двинулся прочь из библиотеки. Хотелось поскорее выйти на свежий воздух – прохладный, наполненный ароматами растительности и способный выдуть из дурной головы всю ту мешанину из эмоций, гормонов, бесчеловечных законов и правил, которую я самолично в себя утрамбовал.

Центральная аллея встретила меня прохладой и запахом мокрой земли. Я прошёл по ней несколько сот метров, прежде чем свернуть на боковую, мощёную серым битым камнем дорожку. Здесь само пространство выглядело чуточку более запущенным: деревья росли гуще, фонарей было меньше, а трава и кусты чувствовали себя вполне вольготно, прорастая там, где не стоило бы.

Абитуриенты, судя по всему, сюда не заглядывали, предпочитая людные места и живописные виды. Они руководствовались тем, что не каждый сможет поступить в Первую Академию, и пытались взять от нахождения на территории максимум возможного.

Мне же сейчас хотелось отыскать самое уединённое и тихое место, которое только могло тут существовать.

Дорожка, по местной традиции петляя, как сумасшедшая, за десяток минут вывела меня в небольшой тупик, образованный стеной растительности, охватывающей высокий каменный забор. Чуть поодаль виднелась какая-то хозяйственная постройка, но центром композиции, бесспорно, являлась небольшая статуя ангела.

Потрескавшаяся, местами покрытая мхом, но сохранившая детали – каменные крылья, расправленные за спиной, и скорбный лик, обращённый к небосводу.

«Здесь очень тихо. Идеально тихо, я бы сказал».

Я остановился напротив статуи, втянув носом свежий воздух. Поднял правую руку, пробежавшись пальцами левой по кнопкам браслета. Каталог, материализация, активация. Привычное касание к разуму, и воздух вокруг меня пошёл рябью.

Мне некуда было торопиться, а «магия» успокаивала меня даже в моменты полнейшего душевного раздрая. Поэтому ртуть материализовалась капля за каплей, стекая к моим ногам, скользя по мощёной камнем земле и собираясь в различные фигуры: шары, кубы, пирамиды, ленты и даже подвижные шупальца, танцующие в воздухе в такт никогда не звучавшей в этом мире мелодии.

Я просто дал волю воображению, пользуясь тем, что ядро здесь замещал бездушный кусок металла с кремниевой начинкой.

Ртуть змеилась между пальцев, обвивая запястье в обход повязке, и оставляя на коже ощущение приятной, гладкой прохлады. Я поднял руку выше, и следом за ней в воздух поднялись десятки тонких, гибких жгутов. Они переплетались, сплавляясь в монолитные плиты, под которыми проступало то, что я называл титаном: сверхпрочный сплав чёрного цвета с блестящей, пятнистой поверхностью.

«Я способен на многое. Значимость моих навыков в этом мире – Грааль. Подарок, о котором я мог только мечтать. Заменить катализатор на устройство получше, и можно будет взлететь так высоко, как я не смог бы, даже прожив на родине ещё век. А толку?».

Воплощение в моих руках не было ограничено ядром слабосилка, и я мог создать всё то, на что мне хватило бы фантазии. Теоретически. Потому что катализатор, этот бесценный инструмент, выступал ещё и ошейником.

Десять объектов – максимум. Выход за пределы рамок, заданных техникой – прерывание вопреки тому, что воображение и мощности устройства позволяют поддерживать созданное хоть целую вечность. А ещё жёсткое ограничение на «ранг» воспроизводимой техники: детям – только детские игрушки.

Хочешь больше? Проси лицензию у сильных мира сего, и совсем не факт, что в прошивку твоего «меча, щита и иглы» не запишут стоп-слово, способное превратить тебя в обычного человека по велению левого мизинца «батушки-Императора».

«Магия давала мне меньше, но была честнее и надёжнее. По крайней мере, её нельзя было отнять, не убив» – поморщился я, перебивая пространными размышлениями мысли о куда более неприятных вещах, вроде своей роли в этом мире.

Платформа из чёрного металла остановилась передо мной, поднявшись в воздух на десяток сантиметров. Я сделал шаг, перенёс на неё вес – и браслет выдал ошибку, развоплотив конструкт. Была ли в этом логика? Уж точно не заключающаяся в каких-то законах природы.

«Проблема не в лишнем весе – всё неживое вполне себе летает» – подчеркнул я первый факт, наблюдая за тем, как подхваченное тут же бревно качается на новой платформе, и не думаящей рассыпаться. – «Позиционирование относительно меня самого?».

Я уцепился за проросшую рукоятку на поверхности одного куба, ринувшегося ввысь и развалившегося, стоило только мне оторваться от земли. Импульса хватило, чтобы протянуть меня на добрых полметра вверх, но итог не изменился.

«Тоже нет. Ментальный аспект? Катализатор считывает мыслиобразы, даже если я целенаправленно ему их не отдаю. Может ли существовать ограничение на левитацию себя как концепцию? В теории – да».

Я сконцентрировался, напрягая мозги и отделяя зёрна от плёвел. На передний план вышли донельзя яркие, пылающие метафорическим огнём образы моего металла, сотни тонн которого кружились вокруг. Без цели, без смысла. Лишь действие, и ничего больше.

Всё лишнее я выдавил вовне «сферы внимания», и снова наступил на платформу.

Она даже не дрогнула, приняв мой вес. Но стоило мне обрадоваться этому факту, как браслет снова прервал технику, а я едва не навернулся, когда опора под ногами бесследно исчезла.

Я же сглотнул, переведя взгляд на браслет. Он не нагрелся ни на градус – моим воплощениям нечему было сопротивляться, а мимолётное ощущение нагрузки от «левитации» я едва ли мог успеть прочувствовать.

«Но это... Это пугает. Катализатор способен проникать в голову настолько глубоко? Проклятье. Я ничего не слышал о чтении мыслей, но образы и желания – это уже слишком много. А ведь в академии, да и не только там, есть учебные установки, позволяющие наблюдать воображаемое в головах учащихся».

Стоило придать этому значение чуть большее, а не считать местных совсем уж неразумными детьми из-за их технологической отсталости в большинстве областей.

«Если тут умеют читать мысли, я – труп. Но общество было бы устроено совсем иначе, располагай сильные мира сего таким инструментом. Значит, от такой возможности нужно абстрагироваться. И всё снова упирается в устройство самого катализатора. В его вычислительный блок и прошивку...».

Мои размышления прервала вибрация телефона в кармане. Весь металл вокруг почти мгновенно исчез, стоило лишь пожелать, а устройство скользнуло в руку. Сообщение с не известного, а именно что не отображающегося номера, отмеченного ни много, ни мало, а гербом одной очень известной в узких кругах организации.

«Служба Имперской Безопасности собственной персоной, что б их проняло. Почему сейчас? Совпадение?».

Я пробежался глазами по тексту:

«Господин Лександр Лазарь. Служба Имперской Безопасности уведомляет вас о своей готовности к проведению оговоренного ранее теста. Если вам удобно, экипаж прибудет к воротам Академии в течение получаса. В противном случае, экипаж будет ожидать вас следующим днём, в полдень. Ф.Корвин».

– А вот и пожиратели моего свободного времени, – пробурчал я себе под нос, облизав губы. Получить такое сообщение в такой ситуации было очень... настораживающе.

Но вокруг не было ни единой души, и даже камеры я, воссоздав «зеркальную сферу» из прошлой жизни, обнаружить не смог.

«Что бы там ни планировал Корвин, мне это на руку. Всё равно настроение ни к чёрту для эффективной учёбы, а этот тест «сдавать» в любом случае придётся. Так что лучше уж сейчас. Подозрения от таких служб с себя снимать лучше как можно быстрее. Ну или хотя бы переводить их внимание в другую плоскость».

Я развернулся, двинувшись в сторону центрального въезда-выезда из Первой Академии, на ходу набрав ответ и подтвердив своё желание посетить Имперскую Безопасность сегодня, а не завтра.

И плевать, что общий ужин я пропущу – аппетит всё равно отсутствовал как класс, в отличие от желания сделать так, чтобы от меня отстало как можно большее число нежелательных элементов.

Так или иначе, но знакомый мне чёрный экипаж остановился напротив выхода с территории академии строго в обозначенное время, и ни минутой раньше. Кучер, всё тот же человек в сером, едва заметно кивнул мне и открыл дверцу.

Внутри меня уже ждали. Двое мужчин в форме и при катализаторах, выполненных в форме браслетов на запястьях, от которых куда-то под одежду уходили крепкие на вид связки проводов. Не иначе как «рабочее тело» устройств было размерами куда больше какого-то там браслета, отчего и потребовался такой подход.

– Господин Лазарь, – произнёс один из них, увидев, что я замешкался. – Прошу сохранять спокойствие. Мы – всего лишь сопровождающие. Следуем в филиал управления, где вас ожидает следователь Корвин.

– Есть основания полагать, что меня нужно от кого-то охранять? – демонстративно и самую малость нагло ухмыльнувшись, я залез в салон, устроившись напротив «сопроводителей». – Или кого-то «от» меня?

Дверь захлопнулась, а экипаж мягко тронулся с места.

– Никак нет, – второй оперативник слегка улыбнулся, продолжив, как по писаному: – Наше здесь присутствие требуется по регламенту, господин Лазарь. Специалисты управления оценили ваши боевые способности как крайне высокие для гражданина, не обладающего соответствующими лицензиями и не прошедшего обучение со всеми необходимыми проверками. Всего лишь формальность.

Я скептически хмыкнул, кивнув старающимся казаться расслабленными мужчинам. Где-то на подкорке сознания всё ещё теплилась надежда на то, что всё обойдётся малой кровью, но принятые Имперской Безопасностью меры...

«Если так посмотреть, то я для них – восемнадцатилетний сопляк с крошечным личным кладбищем на десяток-другой человек. И, фактически, трёхлетним запоем за плечами. Я бы тоже поостерегся оставлять такого индивидуума наедине с десятками отпрысков высшей аристократии без должных проверок. А ну как умом тронулся, пока резал террористов?».

Ехали мы недолго. Двадцать минут по петляющим улочкам Сант-Море – и экипаж остановился у самого обычного на вид трёхэтажного здания, обнесённого высоким решётчатым забором.

– Прошу, господин Лазарь, – один из моих сопровождающих вышел первым, придерживая для меня дверь. Я выбрался наружу, огляделся – и хмыкнул беззвучно.

Филиал управления Имперской Безопасности выглядел так, словно его проектировали столетние старцы, которых в архитектуре вполне устраивали прямые линии и скучные бетонные коробки с решётками на окнах. На глаза по пути к главному входу не попало ни малейшей попытки как-то украсить это мрачное место, что уже о многом говорило.

Я переступил порог, оказавшись в просторном помещении с довольно низкими потолками, окошком «приёмной» по левую руку, и вереницей дверей с винтовой лестницей – по правую.

А посреди всего этого великолепия меня встречал лично Корвин, сложивший руки за спиной, расправивший плечи и пребывавший в прекрасном расположении духа, судя по не идущей его лицу полуулыбке.

– Рад, что вы не заставили себя ждать, Лександр. Позвольте так себя называть? – Он неглубоко, почти формально кивнул мне, не став дожидаться моего ответа. – Прошу за мной.

Я зашагал следом, спиной ощущая взгляды своих конвоиров – они не отставали, держась в паре метров позади.

Безликие, монотонные коридоры филиала делали всё для того, чтобы максимально расшатать нервы человека, оказавшегося тут впервые. Они петляли, смазывались и создавали такое впечатление, словно мы ходим кругами. Благо, Корвин, видимо, не ставил перед собой цели вывести меня из себя, и до нужного кабинета мы добрались за полторы минуты, не больше.

«И углубившись при этом на пару этажей вниз, под землю. Интересные у них сооружения посреди города».

– Осмотритесь, Лександр, – Корвин прошёл к массивному терминалу в углу этой, с позволения сказать, лаборатории. – И позвольте представить вам специалистов, которые будут проводить проверку...

Следователь сделал характерный жест, и следующая минута ушла на то, чтобы расшаркаться со специалистом Роусом – разработчиком шаблонов программной части катализаторов, и Анастасией – экспертом по углублённой работе с ментальными образами.

Фамилии они не называли, а я не спрашивал, здраво рассудив, что в такой ситуации поговорку «меньше знаешь – крепче спишь» можно смело считать за руководство к действию.

– Вам, Лександр, повезло, – вновь заговорил Корвин, когда оборудование в помещении начало стабильно подавать признаки жизни. – Если бы не стечение обстоятельств, специалистов должного уровня квалификации пришлось бы ждать неделями. Прошу на платформу. Вы знакомы с принципами работы установки?

Вопрос был формальный, потому как аристократ не мог быть не знаком с тем, с помощью чего в него с детства вколачивали основы работы с образами.

– Да, господин Корвин, знаком, – благо, я успел почитать, что и как на себя надевать, ибо сами приборы имели шаблонную конструкцию, и отличались лишь внутренним наполнением. – Только я не наблюдаю тут обособленной «рабочей зоны» для воспроизведения техник...

Анастасия тихонько хмыкнула, кивнув одобрителем, а Роус пробормотал себе под нос что-то про «необорудованные помещения». Ответ же мне дал Корвин:

– К сожалению, Лександр, свободных площадок, оборудованных, как должно, в Сант-Море нет. Поэтому вам придётся проводить демонстрации прямо здесь, а не в отдельном помещении...

«Поразительная беспечность по отношению к тому, в ком они сами не могут быть уверены» – подумал я, нахмурившись. Но попытки высмотреть в этой оплошности какой-то скрытый смысл оказались обречены на провал.

Всё действительно выглядело так, словно филиал управления Имперской Безопасности довольствовался тем, что имел.

А я тем временем нацепил на ладони специальные перчатки, от которых к потолку тянулись пучки проводов. Расстегнул пиджак, закрепив специальное металлическое кольцо на шее, по наитию отрегулировав его под размер. Последним элементом стал обруч, севший на голову, как влитой.

– Руку, пожалуйста. Правую, – произнёс подошедший ко мне Роус, спустя пару секунд воткнувший кабель в сервисный разъём браслета. – Корвин, мы готовы?

– Пять секунд, – бросил тот, глядя на экран повернутого ко мне задом терминала. – Да, все узлы дали отклик. Лександр, будьте добры, активируйте технику материализации и создайте тот самый жидкий металл, который вы использовали. Можете начинать.

Я кивнул, потянувшись к браслету. Один «хоткей» – и передо мной за доли секунды сформировался внушительный объём ртути, тяжёлой и подвижной. Я начал управлять ею – сформировал сферу, куб, несколько отдельных фигур и, наконец, с десятков жгутов, со свистом выстреливших в сторону двери и застывших, не долетев до неё считанные сантиметры.

– Уровень чистоты образа – девяносто четыре процента. Задействованная мощность вычислительного блока... – Роус прервался на полуслове. – Семь процентов?

– Перепроверьте данные, – негромко произнесла Анастасия, нахмурившись. Она стояла рядом с другим рабочим местом установки, скользя взглядом по экрану и что-то безостановочно делая. – Налицо какая-то ошибка. Господин Лазарь, ваш катализатор – действительно штатная модель? Без модификаций?

– Мне о таком не сообщали, – уклончиво ответил я. – Предполагалось, что это штатное устройство концерна Лазарей, леди.

Корвин в это время стоял, переводя взгляд со своих специалистов на меня, а с меня – на жидкий металл и обратно.

– Господин Корвин, – вновь подала голос женщина. – Пожалуйста, сформируйте мишень для... фактической оценки эффективности «металла».

«А она тут самая вдумчивая. Просто не верит, что это действительно металл. Знать бы ещё, что их смутило. «Чистота образа» или задействованная мощность вычислительного блока?».

– Атакуйте мишень, как только будете готовы. Ваша задача – её уничтожение, – бросил Корвин, сформировав у запертой двери массивный металлический блок, состоящий из десятка слоёв.

При этом саму мишень окружили многочисленные экраны-уловители осколков – толстые и массивные, всяко крепче самой мишени. Мне оставалось только похлопать как предусмотрительности мужчины, так и его навыкам, ведь всё это было создано мимоходом, без малейшего напряжения.

Я выдохнул, вперив взгляд в мишень. Стянул весь металл в сферу перед собой, мазнул взглядом по каждому человеку в «лаборатории» – и начал действовать.

Жгут ртути со свистом преодолел десять метров, пробив мишень насквозь и остановившись, немного не дойдя до входной двери. Гулкий отзвук металла, бьющегося о металл ещё звенел в ушах, когда мой браслет уже выдал ошибку.

Жидкий металл исчез... чтобы появиться вновь – я тут же пересоздал технику, удерживая ртуть подле себя.

– Нагрузка на блок – семнадцать процентов, падает, – донёсся слева напряжённый голос Роуса. – В пике нагрузка достигла ста процентов, прерывание было зафиксировано, однако...

– При такой аномальной чистоте образа отмена техники происходит уже после поражения цели. Вычислительный блок не справляется с анализом и своевременным считыванием намерения, – продолжила за коллегой Анастасия. – Корвин, боюсь, у нас тут не модификации, а новая дыра в программном обеспечении.

Следователь выслушал вердикт молча, переваривая услышанное. Его лицо, сегодня казавшееся более-менее живым, застыло на манер восковой маски. Можно ли было сказать, что он ошарашен? Нет. Скорее – возмущён тем, что его подозрения оказались беспочвенными, а ответ всплыл не там, где ожидалось.

В лаборатории повисла напряжённая тишина, разрываемая только дробным перестуком пальцев Роуса – он всё ещё проверял данные, словно пытаясь отыскать оправдание произошедшему. И его можно было понять, ведь если разработкой «шаблонов прошивки» занимались в его ведомстве, то отвечать за обнаружение подобной дыры будут все.

«Их в действительности заинтересовал не абитуриент-убийца, а прецедент, когда с бытовым катализатором кто-то смог вступить в бой, выжить и собрать обильную жатву со своих противников. Что, с учётом наличия катализаторов такого класса на руках у каждого второго, можно считать подходом очень и очень правильным. Империи не нужна революция ни в каком виде».

– Александр, если вы в состоянии продолжать, – Корвин сделал шаг ко мне навстречу, выйдя из-за терминала. – То следующим пунктом, и последним, я надеюсь, мы проверим... сопротивляемость ваших техник ударному воздействию, включая длительное. Роус, я же верно понял, что проблема заключается в том, что в момент кратковременной перегрузки предохранительные механизмы не отрабатывают?

– Верно, – мужчина кивнул, не отрываясь от терминала. – Это невероятное, чудовищное совпадение! Превосходная синергия аномальных способностей мозга, наложившаяся на конкретную реализацию механизмов сдерживания!..

– Оставим подробности на потом, – отмахнулся следователь. – Александр, создайте аналог той защиты, которой вы пользовались во время теракта. Расположите его там же, где была мишень. И приготовьтесь к тому, что я постараюсь уничтожить ваш конструкт, планомерно повышая нагрузку...

Я кивнул, перекинув своё внимание на новую задачу. Блок псевдо-титана, прикрытого ртутью поверх, обосновался среди экранов-уловителей.

– Я готов, господин Корвин.

– Девяносто шесть процентов, – Анастасия покачала головой. – Это аномалия. И эти данные...

– Александр, – оборвал её Корвин, встав справа от меня и подняв руку с катализатором в форме браслета. От устройства, как и у моего «сопровождения» ранее, под одежду тянулись провода, так что это была отнюдь не бытовая игрушка. – Я атакую.

Первой техникой стало нечто вроде аналога стрелкового вооружения – обычная пуля, остановленная ртутью. Далее Корвин убедился, что специалисты зафиксировали данные, дважды повторив этот «выстрел». Следующая техника была уже серьёзнее, и напомнила мне о катализаторах в руках террористов. Только тут и снаряды летели быстрее, и сами удары выходили чуть более сильными...

Но всё же, они, преодолевая заслон из ртути, увязали в слое псевдо-титана, который я восстанавливал быстрее, чем Корвин успевал стрелять.

Эта экзекуция продолжалась в течение нескольких минут, прежде чем Роус и Анастасия, не сговариваясь, дали отмашку о том, что по этому пункту данные они собрали, и зафиксированное худо-бедно, но укладывается в рамки нормы.

– К сожалению, мы не можем задействовать ничего более разрушительного, – покачал головой Корвин. – Александр, скажите, насколько вы устали?

– Несущественно, – качнул головой я. – Моя защита такие удары держит относительно легко. Проблемы в том лесу возникли, когда огонь вёлся со множества направлений, неравномерно и без пауз. Ограничение на десяток одновременно существующих конструктов, плюс постоянные прерывания браслета сделали ситуацию очень... напряжённой и рискованной.

– Это звучит логично, – подтвердила мои слова Анастасия. – Бытовой браслет не способен поддерживать целостность конструкта в случае оказания на него существенного внешнего воздействия...

– Тем не менее, господин Лазарь, – Корвин кивнул мне. – Каким-то образом поддерживает защиту. Поясните?

– Пересоздание объекта, насколько мы можем судить, – к разговору подключился Роус. – В момент попадания зафиксировано прерывание, как и должно быть. Но господин Лазарь использует для одного барьера четыре единицы конструктов, по две «ртути» и по два «металла». Столкновение стабильно вызывает прерывание одной единицы чего-либо, вот только за время, необходимое для прерывания последующих элементов «щита», заново формируется первый. Это очень... сложный, почти невозможный алгоритм действий, но при такой аномальной чистоте образа и дисциплине ума...

– Иными словами, – Корвин снова не дослушал. – Повторить это сможет только другой такой же уникум?

– Абсолютно верно, – согласно покивал Роус. – Хочу отметить, что если атака будет продолжительной, как, например, таран физическим объектом с поддержанием давления, схема господина Лазаря защититься не позволит. Господин Лазарь?

– Это правда, – я развёл руками, не став разрушать наивное представление сего господина о том, каким образом я могу извратиться, обеспечив себе защиту. – Может, я и талантлив, но не всемогущ...

Я театрально вздохнул, надеясь на то, что Корвин не станет копать дальше, и тратить моё время в попытках увидеть что-то ещё.

У меня и без того еле-еле получалось сдерживаться в отдельных аспектах – скорости реакции и восстановления структур, формирования и поддержания. А для профессионала, коим я себя считал весьма условно, это было даже сложнее, чем если бы от меня потребовали выложиться на полную.

– Можете снять датчики, Лександр, – Корвин кивнул мне задумчиво. – Обождите немного.

Меня не потребовалось просить дважды. Долой перчатки, обруч и кольцо на шее, из-за которого порой было затруднительно дышать. В совокупности ощущение сложилось такое, словно я полноценную броню сбросил, а не невесомые аксессуары.

«Сугубо психологический эффект, не более».

Пока я приводил себя в порядок, поправляя одежду и в особенности закатанные рукава, Корвин обменивался мнениями со своими специалистами. Те, судя по интонациям, были под впечатлением: Анастасия тыкала пальцами в стопку распечаток, а Роус аналогичным образом указывал на данные в своём планшете.

Длилось это не то, чтобы долго, но я успел отсоединить браслет от кабеля, вернуть на подставку все датчики и спуститься с постамента, размявшись – в окружении оборудования руками было особо не помахать.

Наконец, Корвин выяснил всё необходимое и жестом пригласил меня подойти. В руках мужчина держал тонкую папку, содержимое которой туда поместили не далее, чем минуту назад.

– Что ж, Лександр, – начал он, когда я приблизился. – От лица управления я хочу поблагодарить вас за сотрудничество. Благодаря вашему... экспромту в тот злополучный вечер, у

Империи появилась нетривиальная и требующая решения задача. И хорошо, что эту задачу выявили вы, а не враги.

Он открыл папку на первой странице, развернув её ко мне. Внутри располагался краткий отчёт на несколько страниц, но я не стал в них углубляться. Пробежался глазами по тексту, вычленив суть: мой случай признан исключительным, но не уникальным, а дыра в прошивке, о которой упомянула Анастасия, имеет все шансы доставить инженерам-конструкторам много головной боли.

Бытовые катализаторы вопреки всему можно было использовать в качестве эффективного оружия – вот то, что по-настоящему их заинтересовало.

– Я рад, что мой опыт послужит улучшению катализаторов Империи, господин Корвин, – покривил душой я, понимая, что если эту дыру смогут залатать, то в первую очередь это повредит мне, а не кому-то там ещё.

– Это обнадеживает, – Корвин совершенно неожиданно улыбнулся. – Немногие радуются, посетив наше управление, Лександр. Поэтому, возможно, вам будет по-настоящему интересно, так скажем, предложение о сотрудничестве...

Я вздел бровь, не торопясь задавать встречные вопросы. Пусть сначала договорит, а потом уже я решу, что делать. И делать ли вообще.

– Анастасия и Роус сошлись на том, что нам очень желательно понять, как именно вы достигаете таких значений чистоты образа, Лександр. И как можно эффективно и с минимальными затратами, не внося изменений в схемотехнику массовых бытовых катализаторов, пресечь открывшуюся лазейку. Это – вопрос национальной безопасности. Вы ведь и сами, я вижу, уже всё поняли. Нельзя допустить, чтобы какая-нибудь чрезмерно умная домохозяйка или, что хуже, диверсант, мог устроить бойню, просто купив дешёвый бытовой браслет в первом попавшемся магазине.

«Сотрудничество. Корвин не пытается надавить, пока что. И не угрожает. Лишь предлагает. Решили попритереть кнут до поры, или сочли меня не самым необходимым элементом в этой схеме? Раз меня ещё не увезли на опыты, то «аномальная чистота образа» – аномалия, но аномалия иногда встречающаяся. Да и я не особенный, всего-то опытный разум в молодом теле. Знал я людей и поумнее, и похитрее. Стоит учесть это обстоятельство и посмотреть, что я смогу с этого заиметь».

– Я готов выслушать вас, господин Корвин, – произнёс я ровно, без тени заинтересованности. – Чего именно вы от меня хотите?

Мужчина в тот же миг слегка расслабился, и снова улыбнулся. Добродушно так, словно показывая – «смотри, я со всеми злой, а твой случай уникален!». Плавали, знаем.

– Управление выступит прослойкой между вами и научно-техническими бюро, Лександр. От вас потребуется время от времени встречаться с нашими экспертами, – продолжил пояснять он. – Такими, как Роус или Анастасия. Вы будете выполнять те задачи, которые они перед вами поставят, снабжая отдел новыми данными. Это поможет нам оперативнее залатать дыру в безопасности всей Империи. Разумеется, это не воинская повинность. Мы готовы искать компромиссы: удобный график, который получится стыковать с учёбой и, что немаловажно, оплату.

Следователь замолчал, давая мне возможность обдумать предложение. Вот только это, как ни посмотри, был выбор без выбора. Откажусь – и автоматически забетонируюсь в списках неблагонадёжных лиц, которым плевать на безопасность отчизны. А вот согласие, в перспективе, могло стать тем самым ключиком, без которого никогда не откроются нужные двери.

– Деньги меня не очень интересуют, господин Корвин, – я поймал его неморгающий взгляд. – Равно, как и иные материальные блага. Но есть одна вещь, от которой я бы не отказался...

Корвин прищурился:

– И что же это, позвольте спросить?

– Знания, господин Корвин, – я выдержал небольшую паузу. Пусть мне сейчас повезёт, и я стану самым счастливым магом на свете. – Мне нужен доступ к лекциям, которые читают будущим разработчикам катализаторов в стенах Первой Академии. Углублённый курс конструирования, проектирования и программирования катализаторов и вычислительных блоков, не входящий в общий курс для студентов любых направлений. Вы ведь знаете, о чём я говорю?

Корвин моргнул, а маска на его лице дрогнула. Он не ожидал такого запроса, и потому растерялся. Ненадолго, всего на несколько секунд, но его уверенность в том, что он контролирует беседу от и до, поколебалась.

– Это довольно специфичное желание, – произнёс он медленно, словно пропуская каждое слово через сито. – Я ожидал, что вы запросите нечто более материальное. Доступ к запрошенным вами материалам обычно дают лишь студентам старших курсов, и то – после длительной проверки лояльности... и не только. Почему именно проектирование, Лександр?

– Потому что я опасаясь всего, чего не понимаю, господин Корвин. А катализатор мне совершенно непонятен, даже если он выпущен концерном моего же рода, – я старался говорить размеренно, но эмоционально, искренне и весомо. И у меня получалось. – Я хочу через познание разглядеть пределы своих возможностей, чтобы не повторять больше своих ошибок в попытке добиться от отвёртки того, чтобы она стала молотком.

Я почти демонстративно потёр повязку, поморщившись от неприятного ощущения – ожог никуда не делся, и всё ещё зудел.

– Я мог избежать отказа техники посреди боя, как мог избежать и риска потерять руку. Но для этого мне нужно было понимать, как катализатор работает на более глубинном уровне. А лицезреть один выводимый код ошибки для всех случаев жизни, разобраться в этом невозможно. Поэтому, я готов сотрудничать, но за право углубиться в тему, куда обычно допускают, как вы сами сказали, лишь избранных.

Роус и Анастасия переглянулись за спиной Корвина, но вслух ничего не сказали. Их взгляды выражали нечто среднее между недоумением и уважением – всё-таки не каждый день юный аристократ просит у спецслужб не самый крутой катализатор или протекцию в будущем, а учебники.

– Кхм-кхм. Не избранных, а тех, кому это действительно нужно, – поправил меня Корвин, прокашлявшись. – Я... услышал вас, Лександр. Но прямо сейчас я не в праве дать конкретный ответ. Теоретически, это возможно. На практике...

Он развёл руками, продолжив:

– На практике мне потребуется время, чтобы уточнить всё необходимое. Вас устроит, если я сообщу вам о решении управления в течение, скажем, недели или двух?

Я удивился. Действительно удивился. Не потому, что у Корвина не обнаружилось возможности распоряжаться «знаниями национального значения». Просто я не ожидал услышать хоть какие-то сроки здесь и сейчас.

Всё-таки разрешить условно-постороннему покопаться в теме, на которой зиждется контроль над населением – это не шутки.

«Или я опять чего-то не понимаю, и пресловутые знания не дадут мне ничего такого, что поставило бы вертикаль власти Империи под угрозу» – вторил я своим мыслям перед тем, как наконец ответить Корвину.

– Я подожду. Столько, сколько нужно.

– Превосходно, – мужчина сделал шаг вперёд, неожиданно протянув мне ладонь. – Я свяжусь с вами так же, как сделал это сегодня. И в этот раз у вас будет больше пространства для манёвра – вопрос перестал быть критически срочным.

Я пожал его сухую, жилистую ладонь.

– Благодарю за конструктивный подход, господин Корвин.

– Не стоит, Лександр, – мужчина усмехнулся, в очередной раз поразив меня своим умением то снимать маску, то надевать её снова. И всё это – за доли секунд. – Редко встретишь абитуриента, который жаждет чего-то, что сыграет лишь через годы. Каждый второй ваш сверстник попросил бы поспособствовать в получении лицензии на катализатор спецкласса, или нечто подобное...

– Это то, что я могу получить и сам, – честно признался я. – В отличие от знаний, доступных узкому кругу людей. Поэтому, можно, сказать, меня вынудили обстоятельства...

Корвин покивал головой деловито, прежде чем открыть дверь.

– Взвешенная точка зрения, Лександр. И очень похвальная. Идёмте, я провожу вас до выхода. И, пожалуйста, не слишком сильно распространяйтесь об обнаруженной вами уязвимости. Она достаточно специфична, но чем больше у нас будет форы – тем лучше.

– Конечно, господин Корвин...

Мы миновали переплетение коридоров и вернулись в холл, где двое моих «сопровожденцев» возникли в коридоре, не иначе как из ларца выпрыгнув. Меня проводили к экипажу, посадили внутрь и повезли обратно, в то время как мыслями я уже был не с ними.

С одной стороны, я только что подписался помогать спецслужбам Империи затыкать дыры, которыми сам же и пользуюсь. С другой – получил шанс на доступ к знаниям, без которых невозможно разобраться с тем, как работает «ошейник», и можно ли выйти из-под контроля сильных мира сего хотя бы в вопросе личной силы.

«Бесспорно, это долгая игра. Но для достижения успеха, как говаривал один из моих наставников, торопиться нужно медленно и вдумчиво. Прямо сейчас у меня неделя до экзаменов, наметившееся сотрудничество с Имперской Безопасностью, негласный союз с Громовыми, непонятно, что за отношения с Эльзой, масса проблем с Алисией, проблемные родственники и отсутствие даже малейшего понимания касательно того, во что я нырнул с головой. И вся эта прелесть – за неполную неделю. Проклятье ли? Кто бы мне самому сказал».

Спустя полчаса, когда Сант-Море уже начал медленно погружаться в сумерки, передо мной распахнулись ворота академии.

Решать, чем заняться этим вечером, я собирался только после плотного ужина.

## Гла

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.